РАССКАЗЫ О ГЕРОИЧЕСКОМ

Августин Вольнов

Повесть о ровеснике

Уважаемый
Владимир Петрович!
Поздравляем Вас
с днём Советской
Армии
Мы гордимся Вами
Желаем Вам счастья,
успехов в работе, здоровья
Пионеры отряда
"Гайдаровец"

Ровесники, ровесники,
Не так легко вас встретить!
Вас больше мертвых,
чем живых,
Осталось на планете.
В нелегкий год мы родились,
Нелегкой шли дорогой.
В мальчишках мало были мы,
Зато в солдатах — много.

Алексей Смольников

АВГУСТИН ВОЛЬНОВ

ПОВЕСТЬ О РОВЕСНИКЕ

ВОЛГО-ВЯТСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1964

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Это случилось внезапно.

Уже промелькнула внизу светлая лента Прута, как вдруг из реденького облачка вывалилось звено «Мессершмидтов».

— Внимание! Прямо по курсу сверху противник! Приготовиться к атаке с фронта!

Командир дальнего бомбардировщика Валентин Ситнов резко развернул самолет на десять градусов влево, чтобы «отодвинуть» от прицелов полдневное солнце: оно слепило стрелков и мешало видеть противника.

— Штурман, внимание! Огонь с короткой дистанции!

— Есть! Немцев вижу! — отозвался в шлемофоне приглушенный голос штурмана Косычева. И сейчас же его перебил характерный гортанный возглас стрелка-радиста Алпетьяна:

— Эсть с короткой, таварищ камандыр!

Немецкие истребители прошли над бомбардировщиком высоко и не стреляли. «Видно, не заметили», — решил Валентин.

Но не тут-то было! «Мессершмидты» неожиданно разошлись веером и стали набирать высоту. Один из них, должно быть флагман, свечой взмыл к облакам, сделал горку и затем узкой длинной торпедой устремился вниз.

— Алпетьян, огонь! — крикнул Валентин.

За спиной, где сидел стрелок-радист, раздался дробный стук пулемета. «Мессершмидт» сверкнул длинной очередью, но промахнулся: Валентин успел бросить самолет в пике.

— Командир, «Мессер» под нами! Заходит в хвост! — предупредил штурман.

— Кукишев, вниманье! — сказал Валентин воздушному стрелку, который своим пулеметом прикрывал хвост бомбардировщика.

— Есть, вижу! — отозвался Кукишев.

Ситнов до боли в шейных позвонках повернул голову назад и увидел, как пулемет Кукишева пустил серию коротких очередей. Немец отвалил в сторону, взмыл к облачку и на миг показал голубое брюхо своей машины.

В этот момент Алпетьян и влепил ему длинную очередь. «Мессершмидт» как-то странно осел на стабилизатор, задымил и повалился вниз.

— Эсть одын, таварищ камандыр! Поррядэк! — ликуя, закричал Алпетьян.

Однако радоваться было рано. Два других самолета противника снова повисли над бомбардировщиком. Они начали согласованное нападение сверху и спереди, прямо на кабину штурмана. Косычев попытался отбить атаку очередями своего спаренного пулемета, но «Мессеры» были вне зоны поражения. Тогда Валентин Ситнов убрал газ, сбавил обороты моторов. «Мессеры» не ожидали такого маневра. Они мгновенно проскочили

мимо, а пока разворачивались для очередной атаки, Валентин на пологом планировании пропустил их над собой, развернул машину на юг и ушел к морю.

«Мессершмидты» отстали: над морем они лететь не решились.

— Славно, командир! — прохрипел штурман и засмеялся как-то странно, точно горло у него перехватило судорогой.

У Валентина во рту тоже пересохло.

Это была их первая схватка с воздушным противником.

На разведку они вылетели три часа назад, разбросали за государственной границей листовки на немецком и румынском языках, сфотографировали у переправы через Прут в прибрежной редкой рощице огромную массу немецко-фашистских войск и танковую колонну на марше. Сведения ценнейшие, их нужно немедленно доставить в штаб авиационного полка.

Валентин сделал круг над Днестровским лиманом, набирая высоту.

— Штурман, давай направление, следуем домой!

Машина повисла над однообразной, подернутой туманом поверхностью и словно застыла на месте. Часы на приборной доске показывали тринадцать сорок пять, когда штурман доложил, что подходят к дому.

Туман под самолетом как-то сразу оборвался. Открылась сверкающая прибоем береговая полоса Крымского полуострова. Впереди распахнулась желто-зеленая равнина, и неподалеку от берега показались разбросанные игрушечными кубиками домики авиагородка.

Посадив машину, Валентин подрулил к стоянке первой эскадрильи, выключил зажигание. С минуту сидел не шевелясь, глядя через прозрачный колпак кабины поверх застекленного решетчатого носа своего бомбар-

дировщика. Пережитое напряжение воздушного боя и долгий полет вызвали огромную усталость.

Ровное поле аэродрома окружено со всех сторон ангарами, капонирами и пропыленными акациями. За узкой кромкой деревьев справа и слева — степь, сзади, на горизонте, синие громады Крымских гор. Взлетно-посадочные бетонированные полосы серыми, дрожащими от марева лентами убегают вдаль. Слева белеет высокое, как крепостная башня, квадратное здание командного пункта полка. Над его плоской крышей повисла от штиля полосатая колбаса — ветроуказатель.

Привычный пейзаж, знакомый до последнего домика, до малейшей неровности летного поля изучен и снизу, с земли, и с воздуха. Весной, сразу же после окончания войны с белофиннами, прилетел сюда Валентин Ситнов с полком бомбардировщиков. Привез жену и сына. Они живут вон в том белом городке, что виднеется сквозь пыльную листву акаций.

Но не о них он сейчас думал. Перед глазами упрямо возникало увиденное полтора часа назад: дымные пожарища у Прута, толпы беженцев на дорогах, черные шапки разрывов, толчея машин и подвод у переправ и перекрестков. Отступление, отступление... В первые же дни войны и такая беда... А за Прутом у немцев скопления танков, автомашин, артиллерии. Все это почти не замаскированное, нахально выпяченное, самонадеянное. На фотопленке, наверно, отпечаталось все до малейших подробностей...

Валентин резко откинул колпак над кабиной, отстегнул ремни и выбрался на центроплан. Штурман Косычев и стрелок-радист Алпетьян ждали внизу, в холодке под крылом. Они, видимо, уже успели рассказать механику самолета Заровному о воздушном бое с «Мессершмидтами», потому что Заровный заохал, за-

стонал и, присев на корточки, полез под фюзеляж. Оттуда послышался его встревоженный голос:

— Пробоины есть? Нету? А может, он, немец-то, снизу, а Кукишев проглядел, а? Кукишев — он такой, он проглядит!

— Да ладно тебе ныть-то, сам лучше за моторами гляди, — пробурчал Кукишев, неловко вылезая из своей кабины в средине фюзеляжа.

Освободившись от парашюта, Валентин с помощью Алпетьяна стянул с себя комбинезон, бросил его на центроплан.

— Петр Никитич, Заровный! — окликнул он механика. — Да вылезай ты оттуда, ничего страшного не случилось.

— Не случилось, а на обтекателях у бомболюков вмятины откуда?

— Какие вмятины?

— То-то, какие... — проворчал сержант Заровный. — Еще бы самую малость немец постарался, и гореть бы вам.

Валентин и штурман переглянулись: неужели очереди «Мессершмидта» достали их? А Кукишев с неожиданной верткостью нырнул под центроплан, к колесам, и протяжно свистнул.

— Правда, товарищ лейтенант, пули так и мазнули по брюху. Ничего себе!

Заровный и Кукишев выбрались из-под машины.

— Ладно, Петр Никитич, не сердись. В следующий раз не дадим немцам полировку портить. А сейчас уж постарайся, залатай как-нибудь, — сказал Валентин и похлопал сержанта по плечу.

Заровный был самым старшим военнослужащим в полку, очень педантичным, ворчуном. Но на его ворчание летчики не обижались: знали, что пройдет мину-

та, и слетит с механика его сердитость, а тогда для друзей он хоть душу наизнанку вывернет. Механик обслуживал самолет Валентина уже два года. Он был замечательным специалистом, и лучшего механика себе Валентин не желал, прощал ему и ворчливость, и некоторую вольность в отношениях с летным составом.

Повесив через плечо планшет с картой, Валентин уже серьезно сказал:

— Заровный, вызови мастера по фото. Пусть снимет камеру и отнесет в лабораторию. Мы со штурманом будем в штабе полка.

Знойное крымское небо в эти дни приобрело несвойственный ему дымно-желтый цвет: после каждого налета немецких бомбовозов на город и рейд Севастополь в той стороне возникали пожары, и пелена дыма постепенно растекалась над Крымским полуостровом. В этом палевом небе сейчас высоко барражировали парами советские истребители аэродромного прикрытия, но их было немного.

Впрочем, пока немецким летчикам не удалось разбомбить аэродром. Ни одна бомба не упала и в районе авиагородка, где жили жены и дети военнослужащих.

На командном пункте полка, как обычно, было многолюдно: командиры эскадрилий и старшие инженеры пришли на доклад к начальству, свободные от полетов летчики толкались в большой комнате перед кабинетом командира полка. Летчики жили одним: ждали новостей с фронта и приказа о боевом вылете. Прошло уже три дня с того памятного всем утра 22 июня, когда полк был поднят по тревоге. Высоко в небе заунывно и враждебно гудели моторы чужих самолетов, а через несколько минут в той стороне, где был расположен Севастополь, загрохотали взрывы. На митинге командование сообщило, что немецко-фашистские войска без

объявления войны вторглись на территорию Советского Союза.

Тревожно и невесело прошли эти дни. По каким-то соображениям командование авиационной дивизии, куда входил дальнебомбардировочный полк, не давало приказа на вылет. Летчики томились в ожидании, нервничали, переругивались между собой и по пустякам ворчали на техников.

Валентина и Косычева окружили однополчане.

— Как слетали? — спросил лейтенант Проценко, высокий летчик в кожаной куртке и с шлемофоном в руках.

— Видели немцев? — выжидающе выставился из-за плеча лейтенанта Гаврыша летчик Костин.

У командира полка майора Большакова собрались все командиры эскадрилий. Большаков потер пухлой маленькой рукой седой ежик на голове, приказал:

— Докладывай подробнее. Снимки еще не готовы?

Валентин рассказал о своих наблюдениях за передвижением немецко-фашистских войск на Пруте.

— Совершенно уверен, товарищ майор, что немцы навели через Прут несколько переправ и сейчас поспешно форсируют реку. Наши войска на подходе к реке. В самый раз бы теперь ударить всем полком по переправам и...

— Хорошо, хорошо, Ситнов, это мы все понимаем...

Майор Большаков на минуту задумался, глядя в окно, потом резко встал, подошел к двери и рывком распахнул ее.

— Дежурный, командиров экипажей ко мне!

Уже через несколько минут в просторном кабинете собрались все летчики и штурманы полка.

Майор Большаков с заметным напряжением торжественно оглядел собравшихся и четко сказал:

— Слушай приказ! Объявляю схему боевого порядка самолетов на маршруте и над целями!

Командир полка разъяснил, что командование дивизии поручает полку дальних бомбардировщиков нанести комбинированный удар по важнейшим военным объектам фашистов.

Советские самолеты должны пройти над тылами противника, разбомбить его нефтехранилища, железнодорожные узлы со скоплением военной техники и портовые сооружения.

— Вылет назначаю на три часа утра 26 июня, — закончил майор. — Напоминаю: приказ о вылете держать в строгой тайне.

— Есть! — глухо ухнуло в кабинете, пилоты и штурманы столпились у двери, но комиссар полка Мазепин негромким окриком остановил их.

— Минуту внимания, товарищи командиры!

Летчики повернулись к нему.

— Хочу разъяснить некоторые моменты боевого задания, — военком расстегнул ворот гимнастерки и сел, давая этим понять, что предстоит товарищеская беседа. — Садитесь, друзья, я недолго вас задержу.

Летчики расселись, кто где смог, тоже расстегнули воротники и стали обмахиваться планшетами: в кабинете было душно, за большими итальянскими окнами воздух пламенел от солнца.

— Группа командира полка майора Большакова, как вы слышали, имеет цель, — негромко заговорил комиссар, — железнодорожный узел и крупные склады с горючим. Сами понимаете, сколь важны для немцев эти объекты.

Комиссар оглядел всех поочередно, словно ожидая от кого-нибудь вопроса.

Но летчики молчали.

— Этот налет не преследует цель превратить в развалины населенные пункты. Группа командира полка сбросит основной груз бомб на военные объекты в районе железнодорожного узла, а также на нефтяные склады на территории Румынии. Предатели румынского народа король Михай Первый и генерал Антонеску должны убедиться, что карающая рука Красной Армии достанет их везде, где бы они ни находились. Для нанесения удара требуется выдержка, снайперское умение и летное мастерство. Поэтому налет на эти военные объекты и поручен командиру полка со звеном лейтенанта Ситнова. Ситнов уже зарекомендовал себя отличным летчиком, он имеет опыт войны с белофиннами, совершил тридцать боевых вылетов и награжден за них орденом Красной Звезды. А штурман первого звена лейтенант Косычев на последних учениях показал точность расчетов на бомбометание...

Похвала комиссара прозвучала по-деловому сухо, как протокольная запись, но Валентин покинул командный пункт полка с чувством особого удовлетворения: хорошо, когда тебе верят люди.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Скоростной бомбардировщик дальнего действия с номером 40 на круглом боку фюзеляжа был наполовину выдвинут из капонира. Крылья и фюзеляж мелко дрожали. Ревели моторы. Механик Заровный опробовал двигатели, сидя в кабине пилота. Моторы поочередно то ревели на полных оборотах, то кашляли и чихали на малых, еле ворочая трехлопастные винты.

Под центропланом, у бомбовых люков, возился техник по вооружению воентехник третьего ранга Свит-

ченко. Он с помощью оружейников подвешивал в кассеты похожие на толстых рыб бомбы.

Валентин решил не мешать Заровному и сел на голубой баллон со сжатым воздухом в тени огромного крыла своего бомбардировщика. Из планшета достал блокнот и простой мягкий карандаш. В верхнем левом углу листка неторопливо написал: «Крым. 25 июня 1941 года».

Четким красивым почерком с лихими завитушками на концах букв легли на бумагу мысли, которые возникают только в минуты больших раздумий: «Данный блокнот я начинаю заполнять в период подготовки материальной части к первому боевому вылету, в период, когда происходит битва с немецкими захватчиками. Три дня назад германские фашисты вероломно напали на Советский Союз, нарушив договор о ненападении. Гибнут люди. Возможно, и мне скоро придется погибнуть. А как хочется жить!»

Рука с карандашом остановилась на планшете. Валентин перечитал написанное, повторил про себя: «...хочется жить» и быстро дописал: «Да, очень хочется жить. Но клянусь, что жизни своей не пожалею, а задание командования выполню! И если мне предстоит погибнуть, хочу погибнуть в бою!»

Валентин огляделся.

Погибнуть... Неужели и правда придется навсегда расстаться вот с этой напоенной южным солнцем Крымской землей, с этими синими горами, с белыми домиками поселка, темно-зелеными деревьями, с голубым любимым небом, которое приняло его так доверчиво и охотно, с семьей, с друзьями, с отцом и матерью?..

Выжженная солнцем дернина между бетонными взлетными полосами, потрескавшиеся голые пятачки

глины на стоянках самолетов, бревенчатые стены капониров и легкие здания ангаров с полукруглыми крышами, самолеты и тележки с бомбами — все вздрагивало от дальних взрывов. Но люди занимались своими делами, им некогда было прислушиваться к грохоту бомбежки.

Иногда звонкая, прокаленная солнцем земля тяжко ухала и сотрясалась — это многотонные бомбардировщики грузно опускались на посадочные дорожки. Тогда кто-нибудь из механиков или летчиков на минуту поднимал голову и пристально, с привычной настороженной зоркостью оглядывал приземлявшиеся машины.

Валентин убрал блокнот в планшет, вышел из-под крыла. Оружейники заканчивали подвеску бомб, грозные чугунные рыбы маслянисто поблескивали на солнце.

Моторы смирили свой рев, механик Заровный крикнул:

— Товарищ командир, готово! Можете проверить!

Валентин ладонями уперся в стойку шасси, заглянул в бомболюки. Свободное место на бомбодержателях оставалось.

— Свитченко, подвесь пару соток сверх нормы,—сказал Валентин технику по вооружению и взобрался на крыло.

Свитченко разогнулся, вытер потный лоб тыльной стороной ладони и с сомнением спросил:

— Не много ли, командир?

— Не много, техник, довезу.

Пока оружейники снаряжали бомболюки, у самолета собрался весь экипаж.

— Сверил маршрут и пеленги? — спросил Валентин штурмана больше для порядка, так как знал аккуратность и точность Косычева.

— Сверил, командир, не беспокойся.

— Я пока зачехлю моторы, товарищ лейтенант. Вылет, наверно, не скоро? — спросил Заровный безразличным голосом, но Валентин заметил его выжидающий, искоса, взгляд. Ясно — хочет узнать о часе вылета.

Валентин легонько дернул его за русый вихор, выбившийся из-под синей суконной пилотки. Заровный ощерил криво заостренные зубы, засмеялся:

— Так как же, товарищ лейтенант, зачехлять или погодить?

— Зачехляй, зачехляй, — разрешил Валентин, и механик соскользнул с полированной поверхности крыла в капонир за чехлами.

Валентин прошелся вдоль левого крыла, потом вдоль правого. Не заметил беспорядков. Посмотрел на штурмана, который по стремянке поднялся в люк штурманской кабины. Сквозь прозрачное стекло было видно, как Косычев поудобнее устраивается на сиденье, прикидывает, ловко ли смотреть в прицел. Потом вверх — вниз заходили спаренные пулеметы... Хороший парень Косычев, а штурман — таких поискать: выведет на свой аэродром из любого трудного полета, днем и ночью, в непогоду и за облаками. А на земле — он неуклюжий, смешной, длинноногий человечище. Валентин и Косычев давно слетались и в полете, как и на земле, часто понимали друг друга с полуслова. Их сдружили вылеты в тыл врага еще во время войны с белофиннами, когда они летали на скоростных бомбардировщиках «СБ».

Все машины звена были готовы к боевому вылету к десяти часам вечера. До назначенного командиром полка срока можно было успеть сбегать в авиагородок. Валентин не был дома уже трое суток, с той боевой тревоги 22 июня, когда весь летный и технический состав полка был переведен на казарменное положение. Очень хотелось увидеть жену и сына, успокоить, перед

боевым вылетом подержать Валерика на руках. Но война есть война: экипаж самолета должен быть в постоянной готовности.

Валентин ушел на КП эскадрильи, прилег и попытался уснуть. В комнате было накурено, душно, летчики беспокойно ворочались на топчанах, переговаривались, и уснуть Валентину не удавалось. Он вставал, выходил на крыльцо покурить, слушал, как за горами грохочут взрывы, возвращался в комнатушку и снова одетым ложился на топчан. Но сна все равно не было. Временами тяжелые веки смыкались, наплывала какая-то зыбкая волна, качала, роняла в пропасть... Валентин резко открывал глаза, пристально всматривался в белеющий потолок и старался ни о чем не думать. Но вскоре опять наплывала волна, и качала, и уносила куда-то... В памяти возникали картины прошлого, навеянные заботами о семье, о жене и сыне, которые ждут его дома и не знают, что утром ему предстоит опасное задание. Впрочем, и хорошо, что не знают. Пусть пока думают, что он по-прежнему дежурит в боевой готовности, меньше будет беспокоиться жена. Только вот Валерик будет спрашивать об отце и ждать, ждать... Валерка... Какое ему выпадет детство? Как скажется на его жизни война? Будет ли его детство солнечным и счастливым, как было когда-то у его отца? Да полно, было ли оно когда-нибудь, это озорное деревенское детство? Трудно верится, давно это было, давно...

ЧУДЕСНАЯ ПТИЦА

...Валька соскочил с полатей на лесенку у печки, с лесенки — на пол.

— Ма-ам, ты уже уходишь?

Мать — невысокая, полная, но ладная, с румяными щеками и веселым взглядом — выпрямилась. В ее ушах закачались серебряные сережки колечками. Она сложила руки на ухвате, певуче сказала:

— Подня-ался, мило-ок? Чай, проголодался не знай ка-ак?

— Еще бы не проголодаться,— Валька подсунулся к теплому шестку. — Чего сготовила? Кашу? Ничего, давай и кашу!

Мать загремела заслонкой.

Валька только вчера вернулся из Ардатова, где учился в пятом классе. В его родном селе Сыресеве семилетки не было, пришлось после окончания начальной школы жить в районном центре на частной квартире. Там и прошла длинная зима. По субботам отец приезжал за ним на лошади, а в воскресенье к вечеру опять отвозил. Харчи мать припасала на всю неделю сразу, да хозяйка квартиры готовила приварок, а все ж не больно сытно было. В первые дни сгонишь из материных припасов что получше да помяснее, а потом и сидишь на щах да на картошке. Дома — не то, дома — благодать. Теперь мать все лето будет баловать то сошниками с кашей или морковью, то разными там пшенниками, лепешками со сметаной, киселями.

Одно обидно — живот никогда впрок не наедается. Сегодня поел, а завтра ему опять подавай. То ли бы дело на всю зиму наедаться за лето, как вон медведь или барсук...

Валька успел примоститься за столом, но мать погнала умываться.

Ведра с водой стояли в сенях на скамейке. Возле скамейки — лоханка для помоев. В сенях светло. Валька зачерпнул ковшом воды. В ковшике заметался зайчик. Через приоткрытую дверь и в щели солнечные лучи так

и лезли колючими соломинами. Видно, на воле красный день. Как не полюбопытствовать?

Зеленый замуравленный двор, палисадник с акациями перед домом, соломенные и тесовые крыши изб, серебристые косматые ветлы вдоль порядка, зеркала трех прудов посреди села и широкая улица — все залито розовым светом: над Стрелицкой рощей всходит огромное солнце. С крыльца виден садик с несколькими вишенками и кустами малины, за садиком — огород, а внизу, под горой,— новая баня и колодец. И баню построил, и колодец выкопал отец сам. Валька тоже помогал ему ямы копать да стены бани конопатить. Вдали, за длинным оврагом, видны вершины холмов и долы, а еще дальше — сосны Надеждинского леска.

Валька оглядел двор. На завалинке, зарывшись в опилки и песок, грелись куры. Золотисто-красный петух уселся на передок старой телеги и вяло поворачивал голову то в одну, то в другую сторону. Ему явно хотелось спать — известно, всю ночь, как солдат, на часах стоял.

Валька звякнул ковшом о ведро. Петух вздернул голову, встопорщил на шее воротник из золотистых перьев и предостерегающе раскрыл восковой клюв: «Ко-ко-о-ко-ко-ко!»

— Эй, Петька, спишь?

Валька смаху плеснул на петуха водой из ковша. Петух ошалело захлопал крыльями, сорвался с телеги и заорал на весь двор:

— Ко-о-ко-роу-ул-ко-ко-ко!

Валька расхохотался и остаток воды вылил себе на голую грудь.

— Это ты, старшой? Чего балуешь?

Возле ворот остановилась лошадь с телегой. Валька увидел отца. Высокий, широкий в плечах, мускулы на гру-

ди так и распирают рубаху, отец соскочил с телеги, забросил вожжи на столбик у калитки.

— Да это так просто, пап, весело чегой-то!

Валька поспешно кинулся открывать ворота, но отец остановил:

— Не тронь, старшой, я сейчас...

Других детей у Ситновых не было, но отец все равно ласково называл Валентина «старшой» — страсть как хотелось родителям иметь еще детишек. Да и самому Вальке тоже не помешал бы брат — жить веселее.

Отец по привычке провел ладонью по усам, прошел во двор, схватился за ось и враз, одним рывком, опрокинул старую телегу.

— Колесо поломалось. Шина слетела и спицы врозь, — пояснил он Валентину.

Сняв с телеги колесо, отец вынес его за ворота.

— Давай я помогу, — предложил Валька.

Чтобы сменить колесо, надо было приподнять воз. Для кого другого это была бы задача. Но Валька даже глазом не моргнул, когда отец присел, ухватился левой рукой за задок телеги с глиной, приподнял ее чуть не на аршин и, как пушинку, сдернул правой рукой сломанное колесо. Лошадь качнулась, переступила с ноги на ногу.

— Нно-о, балу-уй! — прикрикнул на нее отец.

Не успел Валька двинуться, как отец взял у него новое колесо, надел на ось, опустил воз и удовлетворенно крякнул:

— Вот и гоже!

Отец воткнул в ось чеку, пристукнул ее кулаком. Он даже ничуть не задохнулся, не вспотел. Валька от удивления взбрыкнул ногой, прищелкнул языком.

— Это да!

— Не спеши, и ты не слабже будешь, когда вырастешь, — усмехнулся отец. — Пошли позавтракаем...

Завтракали недолго. Отец похлебал горохового супу, выпил молока и заспешил.

— Его-ор, поел бы еще-о, — протянула мать, но отец отмахнулся.

— Некогда, мать, мне цельный день при лошади велено быть.

Отец надел картуз и ушел. Валька распахнул створки окна, глянул поверх палисадника. Лошадь, пригнув голову до земли, с натугой взяла воз, колеса телеги затарахтели по высохшей кочковатой дороге.

Скоро и мать собралась в поле. Повязалась белой косынкой в горошек, надвинула ее уголком на лоб, чтобы солнце не так слепило, и словно бы невзначай сказала:

— Ох, делов нынче прорва. И просо надо полоть, и дома аж с пасхи не убиралась. Полы-то, глянь, черней чугуна-а-а...

Валька хмыкнул: он-то знал, к чему затеян этот разговор. Вон как хитро поблескивают из-под косынки материны глаза, да и сама она вот-вот рассмеется.

— Ладно уж, вымою... — ворчливо сказал Валька и поспешно прибавил: — Только ты смотри про это бабам не сказывай, задразнят!

— Ну, что ты, что ты, Воленька, разве я скажу! Чай, не впервой, понимаю, — успокоила его мать и прикрыла рот концом косынки.

— А смеяться будешь, и вовсе не стану мыть, — нахмурился Валька.

— Да и не смеюсь я, с чего ты взял? — мать поскорей подхватила узелок с едой и вышла за дверь.

Найдя половую тряпку, Валька налил в ведро горячей воды из чугуна и принялся сперва за «чистую избу» — просторную переднюю комнату. Вымыть здесь полы так, чтобы доски стали желтыми, как воск, и мать

осталась довольна, было непросто. Пришлось поелозить на корточках, пока не отодрал голиком половицы до соответствующей чистоты. Потом скатил пол горячей водой и насухо вытер каждую половицу, не пропуская их и под широкой деревянной кроватью, и под столиком в простенке, что стоял перед большим зеркалом, и под старинной горкой с посудой.

Валька отжал тряпку в ведро, встал на пороге, так и сяк оглядел вымытую переднюю. Хорошо. Солнце пробивается в окна и ярко освещает пол, а он сияет, как наново оструганный, даже пахнет теперь как будто сосновой смолой.

С кухней управиться было легче. Валька выскоблил ножом скамейку перед окном, ножки стола и табуретку, взялся за ведро, чтобы начать мытье пола, но так и замер: кто-то чуть не над самым ухом захохотал:

— Ха-ха-ха-ха! Гляньте, братцы, красна девица полы моет!

Валька выпрямился и залился краской: в окно наполовину всунулся встрепанный Санька Мельков. Он радостно дергал себя за ржаные вихры и скалил острые белые зубы. К подоконнику подбородками приникли еще двое — братаны Вася Климов и Лешка Купецкий.

У Вальки сперва и руки опустились. Теперь что делать? Можно бросить тряпку и кинуться с кулаками на обидчика. А после этого разве не будут дразнить? Все равно будут. Можно и другое...

Валька сделал вид, что рад приходу ребятишек, и весело сказал:

— Здоро́во, братаны! Здоро́во, Санька! Вы на пруд? Я сейчас, я живо!

Валька радостно поежился и с усердием стал тереть половицы голиком, хотя на кухне это было и не обязательно.

Но трудно, ох, трудно обмануть Саньку Мелькова. Он, видно, быстро сообразил, в чем тут дело, и опять ехидно засмеялся.

— Хи-хи-хи-хи-хи! Скажешь — нравится девчачья работа? Как же, поверили! Нашел дураков!

Валька и ухом не повел, голик так и свистел, летая по полу.

— Васек, Леха, слышите? Он притворяется, что рад полы мыть. Эх ты, поломойка!

Ох, как сочно шлепнула грязная тряпка по ухмыляющейся роже Саньки! Валька совсем и не думал хлестаться, тряпка как-то сама... А Санька уж взъярился.

— Ах, ты так? Погодь...

Валька едва успел отскочить от окна, как Санька налетел на него. Но Вася и Лешка враз закричали:

— Стой! стой! Не так!

— По правилам нада-а! Как Пат и Паташон!

Недавно в колхозном клубе в селе Ивановском показывали немую картину про двух знаменитых комиков. Здóрово они там на кулачках бились. И теперь все мальчишки в селе устраивали состязания «по правилам», а не просто дрались, хотя словечко «бокс» еще не стало привычным.

Вася и Лешка в состязании приняли живейшее участие. Понятно, им ведь не драться, а только смотреть. Минуя дверь, все выбрались через окно во двор. Судьи отошли в сторонку, а противники очутились друг перед другом.

Валька выставил перед собой кулаки и согнулся в три погибели. Так же сделал и Санька Мельков. Из-за его грязных, усыпанных цыпками кулаков маленькие серые глазки выглядывали зло и пронзительно. Взъерошенный, как рассерженный воробей, он нетерпеливо закричал судьям:

— Скоро, что ль? Гонгу давай, гонгу давай!

Но судьи только теперь спохватились, что не так-то просто выполнить правила бокса. Легко сказать — гонг давай. А где его взять? Все же отыскали под крыльцом дырявое ведро, выдернули из телеги шкворень. «Бон, бон, бон!» — грохнул «гонг», и бой начался.

Санька—более легкий и подвижный—так и запорхал по двору. Валька только отдувался да неловко поворачивался, стараясь держаться к противнику грудью. Несколько раз кулаки Саньки уже пощупали его бока и спину, а Вальке ударить пока не удавалось. Да и как-то неловко было бить по-настоящему: Санька-то уж больно хлипок на вид, дашь раза́ — и дух из него вон.

Неизвестно, сколько раундов продолжался бы бой, если б не подзуживания «судей»:

— Санька, хук слева! Вдарь!

— Волька, свиньей его, свиньей! Лупи!

Постепенно и Валька стал горячиться, а тут еще Санька ловко подставил ему подножку и сунул кулаком в нос. Аж искры из глаз посыпались! Валька брякнулся на траву, но успел все же зацепить противника за штаны и повалить на себя.

Тут уж Валька в победе не сомневался. Хотя из глаз текли слезы, а в носу что-то шкворчало, он мигом перевернулся, навалился грудью на Саньку и занес над его головой кулак.

— Сдавайся! Жизнь или смерть?

Но «судьи» остановили его:

— Стой, Волька, Санька проиграл!

Ну, если Санька проиграл, нечего его и бить. Валька великодушно отпустил противника, отошел в сторону и высморкался: крови не было — значит, лады.

— Айда на Большой пруд! — сказал Санька. — Посмотрим, кто лучше плавает!

Валька вспомнил не домытый на кухне пол и хотел было отказаться. Но вдруг что-то сильно затарахтело, зажужжало, засвистело. Черная тень мелькнула в небе, вжала голову в плечи...

— Араплан! — в восторге закричал Санька. — Низко-то ка-ак!

Он сломя голову кинулся прочь со двора. За ним побежали и братаны. Валька, увидев огромную птицу, ахнул и, забыв все на свете, сорвался вдогонку товарищам.

Пролетев над прудами, над церковью, аэроплан развернулся и опять полетел над селом. Валька остановился, задрал голову. В кабине он увидел голову летчика, острую от шлема. Он поднял руку и закричал:

— Эге-э-эй!

Сейчас же он увидел — или это ему показалось? — что летчик тоже поднял руку и качнул крыльями. Это что, его, Вальку, приветствует? Да где там! С какой стати ему приветствовать кого-то! Это же летчик!

Появление над селом аэроплана было исключительным событием не только для Вальки Ситнова и его друзей. За околицу, к плоской луговине у ручья, устремились старые и малые. Даже женщины на поле бросили работу, разогнулись.

Аэроплан сделал небольшой круг над луговиной и сел. Когда Валька с братанами прибежал к месту посадки, там уже собралось много народу. Валька с трудом протиснулся сквозь толпу и очутился возле аэроплана и летчика.

Это было огромное счастье — видеть вот так близко неведомую машину и ее загадочного хозяина.

Впрочем, ничего загадочного в летчике не было: просто высокий, даже долговязый парень с рыжими бровями и веснушчатым, как у Васи Климова, лицом. На парне плотно сидело коричневое пальто из блестящей кожи,

а голову облегала тоже кожаная очкастая шапка. Летчик нагнулся к носу машины и что-то там делал.

Валька долго не решался дотронуться до аэроплана. Июньское солнце поднялось высоко и жарило вовсю. От зеленого тела машины, от колес и крыльев незнакомо и волнующе пахло резиной, сладким лаком и бензином. Так хотелось положить ладони на лакированную поверхность нижнего крыла, пощупать — из чего сделана эта загадочная птица. И когда летчик повернулся к нему спиной, Валька живо дотронулся до обтяжки крыла. От легкого удара ладони крыло загудело, как барабан. Валька сразу отдернул руку, недоуменно посмотрел на крыло, опять положил на него ладонь и надавил. Под напором ладони поверхность крыла упруго прогнулась.

«Вона что, крылья-то мануфактурные! А кабина?» Приглядевшись, Валька понял — кабина сделана из фанеры, а позади кабины весь хвост тоже мануфактурой обтянут, только закрашен блестящей зеленой краской.

«Только-то и всего? — подумал Валька и почувствовал разочарование. — Эдак-то и самому можно сделать аэроплан. Планки выстругал, у матери простыни стащил, сколотил скелет да обтянул потуже. Вот те и аэроплан!» Но в это время летчик откинул на носу аэроплана боковую крышку, и Валька увидел внутри какие-то бачки, завернутые спиралью медно-красные трубки... Летчик покопался в трубках, одну отсоединил, дунул в нее, сплюнул в сторону и опять сунул трубку на место. Не просто, видать, устроена эта машина, она только снаружи обыкновенная, как птица. А мотор? Ишь, пять каких-то горшков с рубцами прилажены к носу крест-накрест и вертушка какая-то чудно перекручена.

И опять разочарование сменилось восхищением перед чудесной машиной. Валька до того увлекся, разгля-

дывая аэроплан, что не сразу услышал окрик летчика:

— Эй, мальчик! Слышишь? Телефон у вас в селе есть?

Сразу десять голосов, а то и больше закричали:

— Есть, есть!

— В правлении колхоза!

— Как не быть, имеется. А куда звонить? Чего сказать? Мы мигом!

Валька рассердился на самого себя: разинул рот, как ворона, только что не закаркал. И когда летчик сказал, что пойдет звонить сам, Валька сразу же предложил:

— А мы покараулим аэроплан. Можно?

Летчик весело блеснул зубами, спрыгнул с крыла на траву.

— А что ж, это дело. Тебя как звать?

— Ситнов... Волька...

— Валентин, значит? Так вот, Валентин, чтобы никто не дотрагивался до машины, ясно? Особенно чтоб не курили возле нее, а то как факел вспыхнет. Ясно?

— Ясно, ясно! — поспешили вмешаться Вася с Лешкой, а Санька Мельков, не долго думая, взял на себя главную роль — начал отгонять от аэроплана малышей и девчонок.

— А ну, сматывайтесь отсюда! Подайсь назад! Это вам не теленок, а аэроплан. Ясно? Васек, встань тут. Леха, не пускай никого к носу! Волька, а мы с тобой крылья будем охранять, ясно?

Валька, конечно, и сам бы не хуже справился с командирскими обязанностями, но раз Санька встрял, не ругаться же с ним в присутствии летчика? Ишь, как живо Санька подхватил его словечно: «Ясно, ясно?»

Летчик опять весело улыбнулся, еще раз наказал не курить возле машины и, размахивая очкастой шапкой, распахнув полы кожаного пальто, широко зашагал к селу.

Валька обошел аэроплан кругом, внимательно осмотрел задние крылья, нагнулся и поглядел под брюхо огромной стрекозы, а уж потом отошел к левому крылу и лег в тени на траву.

Какое-то незнакомое прежде чувство овладело им. Захотелось самому куда-нибудь слетать, да что, хоть бы на поезде поехать — тоже ведь никогда не ездил, а говорят — быстро, дух захватывает. Повидать бы другие села и деревни, побродить по улицам больших городов, а еще бы лучше побывать в дальних странах, где-нибудь в Африке или Южной Америке. В школе говорили, что есть такие страны, где никогда зимы не бывает, говорят, там цветы аж с шапку величиной. Сесть бы на такую птицу, как эта, крутнуть ручку и — айда куда хочешь! Хоть на юг, хоть на север. Вот если бы у людей, как у птиц, крылья, когда захочется, отрастали. Уж и налетался бы всласть! А так, кроме Ардатова да Ивановского села, никуда и не уезжал. Хорошо тут дома, а побывать в дальних краях хочется до смерти...

Июньский день плавил стекла в окнах домов, жидким и зыбким маревом струился над полями, над дорогой. От аэроплана запахло краской и бензином еще сильней. Постепенно толпа людей вокруг поредела. Ушли по своим делам взрослые. Качая головами и крестясь, старики и старухи засеменили прочь, осталась одна ребятня, да и та притихла — не было ни крика, ни драки, если и спорили, то шепотом, как будто боялись разбудить волшебную птицу.

В небе над полем заливались трепещущие жаворонки. Их пронзительные «тюрли-тюрли-тюрль», казалось, наполнили весь воздух. Теплые волны марева поднимали от земли пушинки и легкие листочки.

Однако лежать в холодке под крылом и мечтать пришлось недолго. Скоро счастливые минуты кончились:

вернулся летчик. Он прошел через толпу малышей, как через заросли репейника, весело крикнул:

— Ну как, хлопцы? Порядок?

На этот раз Валька не дал опередить себя и, смущаясь, ответил:

— Цела... А вы дозвонились?

— Порядочек! Сообщил, что совершил вынужденную посадку: маслопровод засорился. Теперь починил, можно и дальше ехать. А ну, хлопцы, разбегайсь, кто куда! Под пропеллер не соваться!

Хотя никто не понял, под какой пропеллер не соваться, все же ребятишки на всякий случай отбежали подальше от аэроплана. Что-то сейчас будет, чай, и затрещит!

Летчик проворно ступил ногой на крыло возле кабины — Валька заметил, что там устроены специальные ямки для ног, — живо перемахнул через борт и уселся в середку, чуть позади верхнего крыла.

— У пропеллера никого нет? — спросил летчик, указывая рукой в перчатке на нос машины.

Валька теперь догадался, что пропеллером летчик называет вертушку на носу. Там никого не было. Вдруг пропеллер повернулся туда-сюда, мотор чихнул раз-другой, затрещал, как пулемет, а пропеллер завертелся, как бешеный, и вместо него на носу у аэроплана выросли два радужных уса.

Летчик развел над головой руки, что-то прокричал. Все поняли: велит уйти с дороги. От мощной струи воздуха из-под пропеллера трава пригнулась, как причесанная, и поседела. Из-под брюха машины полетели клочки сухой травы. Отвесно поставленная на хвосте закругленная доска заворочалась вправо-влево, аэроплан зажужжал оглушительно и стронулся с места.

Валька заткнул уши пальцами и, не отрываясь, смотрел, как все быстрей, подпрыгивая кузнечиком, бежит

по луговине диковинная птица. Вот она перестала подпрыгивать, повисла над травой, и вдруг уже во-он она где, над самым селом, и взбирается все выше, выше...

Долго, пока совсем не исчез в небе над Юсуповской рощей черный крестик аэроплана, следил на ним Валька, чувствуя, как сладко замирает сердце. И было совсем непонятно, отчего замирает сердце, отчего так грустно и вместе с тем торжественно становится на душе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Раннее июньское утро. Три часа. Над аэродромом потрясающий рев моторов. Валентину кажется, что этот рев слышат и враги там, на далеком западе. Слышат и не спят в тревоге. А может, и готовятся к встрече.

Над всей Крымской землей еще сумеречно. Лишь на юго-востоке, где горы, в небе горит желто-розовое зарево: всходит солнце. От капониров к взлетной полосе тянутся темные силуэты бомбардировщиков, каждый силуэт обозначен тремя светляками: красным слева и зеленым справа — на концах крыльев, желтым — на хвосте. Это бортовые огни. В двух-трех метрах над серой полосой бетона трепещут языки пламени, их по два над каждым силуэтом — из выхлопных патрубков моторов рвутся зелено-голубые всплески огня. И вдруг красные и зеленые огоньки устремляются вперед, вверх и скоро оказываются где-то высоко-высоко в темном небе и плывут, как живые лучистые звезды.

В наушниках шлемофона сквозь треск и шорох послышался низкий голос командира эскадрильи капитана Цейгина:

— Пятый, пятый, выводи машину на старт! Пятый, на старт!

— Есть, товарищ капитан, есть!

Валентин включил внутреннюю связь.

— Штурман, выхожу на старт!

— Есть на старт!

— Радист, стрелок, внимание! Иду на старт!

— Есть! Есть!— одновременно отозвались Алпетьян и Кукишев.

Валентин крикнул вниз, в сумрак, где у левого крыла едва различалась фигура механика Заровного:

— Убрать колодки! — и развел руками над головой.

Механик убрал из-под колес металлические подставки, Валентин дал газ и отпустил тормоза. Тяжелая, нагруженная бомбами машина нехотя тронулась с места, выползла на край взлетной полосы и на мгновение остановилась, словно собираясь с силами перед прыжком.

В наушниках как будто запел дежурный по старту:

— Пя-аты-ый, пя-атый, взлет разрешаю, взле-ет!

Захлопнув над головой колпак, Валентин дал моторам полный газ. Огромная птица плавно тронулась с места, разбежалась и вдруг словно обрела невесомость: тряска и толчки прекратились, темная и зыбкая линия горизонта ушла под крылья, в теле появилась необыкновенная легкость — верный и чудесный признак полета.

Самолет вышел из аэродромной зоны и сделал большой круг. Валентин подождал, пока в воздух не поднимутся две другие машины его звена. Теперь в шлемофоне слышалось уже несколько голосов. В воздухе кружились все семнадцать машин полка, которые вылетали в глубокий тыл противника. Они несли с собой в этот полет двадцать тонн бомб.

Валентин, заканчивая круг, обернулся. Сверху весь восточный край неба казался светло-розовым, а у самого горизонта, над лесистыми вершинами Крымских гор,

рдела золотистая полоска зари. Заря освещала самолеты снизу, мягкими всплесками света играла на вращающихся винтах.

Машины выстроились звеньями на установленной дистанции и легли на курс.

— Таварищ камандыр, душа поет. Солнце свэтит, дэнь зажигает, нам удача будэт. Хорошо! — счастливым голосом сказал Алпетьян.

Валентин тоже был переполнен восторгом и от красоты зари, и от торжественности долгожданного момента и невольно повторил:

— Солнце светит, душа поет... — но сейчас же спохватился, что не время и не место лирическим настроениям, и оборвал радиста:

— Прекратить посторонние разговоры! Следить за сигналами командира группы!

— Эсть, эсть! — Алпетьян смолк, и опять в шлемофонах стали слышны только треск, шорох и таинственный шепот радиоволн.

Через три минуты полета под машиной показалась светлая от прибоя ломаная полоса берега. Крымский полуостров остался позади. Последовал приказ командира полка погасить бортовые огни и лететь ниже облаков на высоте тысяча метров. Здесь, прикрытые сверху облаками, бомбардировщики не освещались солнцем и, словно растаяли, исчезли в сумраке.

Теперь Валентин не видел соседние машины и вел самолет лишь по гирокомпасу. Только радиоволны связывали сейчас все семнадцать машин полка, но и рацией часто пользоваться не рекомендовалось: враг может подслушать разговор и преждевременно обнаружить самолеты.

Так летели минут сорок, а потом облачность опять поредела, сквозь неровные «окна» стала проглядывать

морская поверхность. Под машиной потянулась безбрежная однообразная равнина. Не видно привычных ориентиров, как на земле: нет дорог, лесных массивов, деревень и городских кварталов рек, озер и железнодорожных путей.

Валентин включил рацию, попытался поймать позывные майора Большакова.

Это ему удалось почти сразу.

— Пятый, пятый, говорит первый! Курс сорок пять, высота три тысячи, подстраивайся плотнее. Стеречь воздух: на подходе к цели возможны истребители противника. Подстраивайтесь плотней!

Валентин довернул самолет чуть влево, форсировал моторы, чтобы догнать видневшуюся впереди машину командира полка. Набрав высоту, огляделся.

Справа и чуть сзади идет параллельным курсом машина Гаврыша, слева приотстал лейтенант Проценко, за ним, то проваливаясь вниз, то взмывая кверху, шли машины лейтенанта Костина и командира второго звена Тарасова.

— Двадцатка, прибавь обороты, прибавь обороты! — предупредил Валентин Проценко и все свое внимание обратил на землю, вернее на показавшийся внизу чужой берег.

Самолеты подходили к цели. Еще с полчаса летели над территорией противника. Скоро стали видны неясные очертания города. Наметанный глаз легко различал длинные застекленные крыши заводских корпусов, сдвоенные нити железнодорожных путей, бесконечные цепочки воинских эшелонов, круглые коробки нефтяных складов и цистерн.

Рассвет только что пришел в город.

Неожиданно вокруг машины возникли белые клубочки ваты.

3 Заказ 6670

«Зенитки! Началось!»

Разрывы зенитных снарядов не казались опасными. Кудрявые, как барашки на детских рисунках, они возникали то впереди, то выше машины, то под крыльями. Однако Валентин знал по опыту войны с белофиннами, как обманчива безобидность этих барашков. Распустится вот такой красивый цветочек вблизи крыла или фюзеляжа, на мгновение брызнет желтыми огоньками — и содрогнется машина, задымят моторы, запылают баки. Лейтенант Гаврыш тоже финскую прошел, ему огонь зениток не в диковинку.

Но Проценко в бою впервые... как он поведет себя сейчас?

Валентин отыскал взглядом бомбардировщик лейтенанта Проценко, увидел под стеклянным колпаком лицо товарища. Проценко вертел головой, следя за разрывами снарядов. Его машина рыскала носом то вправо, то влево...

«Нервничает», — подумал Валентин и громко, но спокойно сказал:

— Двадцатый, двадцатый, следуй за мной! Заходим на цель!

Проценко поднял голову. Валентин услышал в наушниках:

— Есть, на цель!.. Черт, сунуться некуда...

— Пятый, пятый, вижу цель — железнодорожный узел! Беру на себя. Вам — нефтехранилища! Следуйте к цели. Цель — нефтехранилища!—раздался голос майора Большакова, и Валентин увидел, как машина командира полка стала со снижением сваливаться на левое крыло, делая разворот на цель.

— Первый, первый, вас понял, иду на бензобаки! — доложил Валентин, набирая высоту, чтобы преодолеть зенитный огонь.

Две другие машины его звена тоже набрали высоту и вышли в свободную от разрывов зону. Над объектом Валентин сделал круг, осмотрелся.

Далеко внизу, словно отпечатанные на четкой фотографии, обозначались улицы, неровные квадраты кварталов.

На окраинах города в трепетном сиянии осветительных авиабомб блестели огромные баки нефтехранилищ. И в пугающей близости от нефтебаков громоздились здания рабочих поселков.

С высоты трех-четырех тысяч метров можно ударить по всей площади военных объектов. Это будет безопасно и к тому же эффективно. Но тогда некоторые бомбы неизбежно угодят в жилые дома и бараки. Погибнут ни в чем не повинные люди...

Выход один: точность бомбометания. А этого можно достигнуть лишь прицельным ударом по отдельным объектам. Рискованно, но возможно.

Валентин решил сбросить бомбы с предельно малой для безопасного полета высоты. Не заходя на круг, не делая разворота, он сбавил обороты моторов и пошел прямо на хаотическое нагромождение баков и вышек.

— Десятый, двадцатый, делай, как я! Высота пятьсот метров, бомбить только баки! Штурманы, глядеть в оба!

До земли было совсем близко, когда Валентин стал плавно выводить машину в горизонтальный полет. Штурман Косычев сбросил бомбы и радостно закричал:

— Есть, товарищ командир! Есть попадания!

Вслед за Валентином на нефтехранилище обрушил свой груз самолет Гаврыша, а потом и Проценко. Черная туча дыма поднялась в небо. Сквозь эту черную тучу пробивались оранжевые, яркие даже при свете солнца, языки пламени.

— Командир, зайдем еще раз, сфотографируем, — попросил штурман.

Пришлось опять снизиться до высоты в тысячу метров, чтобы зоркий глаз фотокамеры смог отчетливо заснять пораженную цель.

— Готово, командир. Можно домой. Курс пятьдесят...

Машину вдруг сильно тряхнуло, подбросило. Возле носа сверкнуло пламя и погасло.

Штурман замолчал.

— Косычев! Штурман, отвечай! Косычев! Костя, слышишь?

Молчание штурмана не предвещало ничего хорошего.

— Таварищ камандыр, почему он малчит? — встревоженно спросил Алпетьян, и Валентин обрадовался его живому голосу.

— Алпетьян, цел? Молодчина! Как рация!

— Парадэк, таварищ лэйтэнант!

— Держи связь со звеном, идем домой! Со штурманом что-то случилось.

Валентин приказал Гаврышу и Проценко разворачиваться на обратный курс.

Облегченные бомбардировщики легко набрали недоступную для зенитной артиллерии противника высоту и легли курсом на восток. К счастью, немецкие «Мессершмидты» не появились над территорией Румынии, а у так называемых «королевских воздушных сил» не было истребителей, которые могли бы соперничать с советскими бомбардировщиками «ДБ-3а» в скорости и высоте. Даже догнать их они были не в силах, если бы и решились напасть.

Валентина беспокоило теперь только молчание штурмана. Со своего места он мог видеть лишь верхнюю часть застекленного носа машины. Он видел, что штур-

ман по-прежнему на месте. Так что же с ним? Ранен? Убит? Или, может, просто внутренняя связь отказала?

Можно предполагать все, что угодно, но истина скажется только на аэродроме. А сейчас все внимание компасу и приборам, нельзя сбиться с курса — он ведет звено. Нельзя забывать и о горючем — путь до цели и обратно не близок; нельзя не прислушаться к работе моторов — машина прошла сквозь огонь. Спасибо механику — моторы гудят ровно и спокойно.

Домой пришли без приключений. Заходя на посадку, Валентин бросил взгляд на часы: без пятнадцати семь. Только и всего?

А показалось — прошла целая вечность.

Подрулив к стоянке своей эскадрильи, Валентин выключил моторы и выскочил на крыло. В нижней части штурманской кабины зияли дыры, стекла были выбиты, решетчатая рама погнута.

— Костя, Косычев, жив?

Механик Заровный уже увидел беду. Он быстро подтащил стремянку, подставил ее под нос машины, взобрался наверх и открыл люк. Вдвоем с подбежавшим Кукишевым они вытащили штурмана из кабины, спустили на землю.

— Санитарную машину, живо! — крикнул Валентин Алпетьяну, и тот кинулся на командный пункт.

Штурмана положили на моторный чехол. Валентин схватил его за руку — она была теплая, у запястья часто-часто бился пульс.

— Живой он, товарищ лейтенант! — воскликнул Заровный.— Глаза открывает!

Косычев чуть приоткрыл глаза, вздохнул.

— Вот как... командир... Прямо в ноги залепили... — он виновато улыбнулся, потом закусил губу и сморщился.

Примчалась санитарная машина. Полковой врач Маричев осторожно оттеснил Валентина, быстро повторяя:

— Ну, ну, Ситнов... Ну, ну ...

Косычева подняли и прямо на моторном чехле положили в кузов санитарки. Захлопнулись дверцы. К Валентину подошел адъютант эскадрильи лейтенант Чесноков:

— Не журись, Ситнов, поправится он. В ноги ведь.

— В ноги, — как эхо, повторил Валентин. — Много крови потерял.

— Выживет, я уверен, — опять сказал Чесноков и немного погодя добавил: — А за штурмана твоего звена приказано летать мне.

Санитарная машина умчалась в сторону военного городка. Валентин, Алпетьян, Кукишев и Заровный смотрели ей вслед, пока она не скрылась за кустами терновника и акации. Казалось неправдоподобным, что в их дружном, слетанном коллективе вдруг образовалась пустота. Приходили невеселые мысли: сумеет ли Чесноков заполнить эту пустоту, войдет ли он в экипаж естественно и просто, или же навсегда останется чужим?

Валентин обернулся к Чеснокову, посмотрел ему прямо в глаза.

— Ничего, штурман Чесноков, мы не станем слюзить, не из того теста слеплены... В общем, будем летать, штурман!

К стоянке первой эскадрильи подкатил бензовоз. С крыла автомобиля соскочил командир второго звена лейтенант Тарасов.

— Жив-здоров, Валентин? Как слетал? Потери есть?

Широкое простоватое лицо Тарасова осунулось, скулы стали острыми, а серые лучистые глаза ушли глубоко в глазницы. Валентин с Тарасовым дружили уже года два. Они познакомились, когда приехали из авиационного училища в бомбардировочный полк. Вместе воевали

с белофиннами, вместе перебазировались в Крым. Семьи Тарасова и Ситнова были крепко дружны, вместе проводили праздники, ходили друг к другу за всякими мелочами, благо жили в одном доме. Валентину нравилась в Тарасове душевная простота и мягкость.

В эту ночь лейтенант Тарасов летал вместе с группой капитана Цейгина на военные объекты в районе порта Констанца, и теперь по его виду было заметно, что полет этот был нелегок.

Валентин рассказал о Косычеве. Тарасов отвернулся, погладил ладонью обшивку крыла и глухо сказал:

— У меня не вернулся Мухратых. Во второй эскадрилье потери еще больше. Капитан Беспалов, капитан Павлов, старший лейтенант Есюкин... Там остались... Все ветераны авиации. Какие летчики!

— В третьем звене у Кулакова политрука Колесникова не досчитываются, — невесело добавил Чесноков. — Всего семь экипажей не вернулось. Может быть, еще придут?

— Из-за моря-то? — угрюмо сказал Валентин. — Нечего обманывать себя и других. Все сроки прошли.

Отойдя от самолета, Валентин, Тарасов и Чесноков присели на скамейку перед бочкой с песком, закурили.

Солнце садилось, но было душно, как в полдень. Смолкал гул авиационных моторов, становилось тише. Колбаса-ветроуказатель над командным пунктом полка сникла полосатой тряпкой, от самолетов и каптерок с авиационным имуществом резко пахло бензином.

Валентин курил молча, делая жадные затяжки. Одной папироски ему не хватило. Он закурил вторую. Чесноков бросил окурок в бочку, встал.

— Пойду, командир, сдам дела по хозяйству эскадрильи. Узнаю новости и приду. Где будешь?

— Приходи в казарму. Часа два там пробудем.

Валентин и Тарасов перешли пустынное в эти предвечерние часы поле аэродрома и оказались на улочке между двумя казармами. Заметно стемнело. Улица утопала в зелени, ветви белых акаций смыкались над тротуаром кружевным пологом.

Друзья остановились под окнами казармы, где в мирное время жили младшие командиры, а теперь к ним переехали из города и техники.

Из открытого окна нежно лился чей-то голос:

Мы с тобой не первый раз встречались,
Много весен улыбалось нам...

Валентин прислушался к голосу певца, посмотрел в лицо Тарасова. Оно было бледно.

Пусть дни проходят, идет за годом год,
Если минутка грустная придет...

Песне вторили рассыпчато-звонкие, как часто падающие капли, звуки мандолины.

— Кто? — шепотом спросил Валентин, когда песня кончилась.

— Свитченко Саша...

— Ну-у? Я и не знал, что у него такой голос.

— Зайдем? — предложил Тарасов.

— Нет, сядем на лавочку, тут лучше...

Лейтенант Тарасов в восхищении покрутил головой.

— Хорошо Саша поет, так за душу и хватает. Услышишь такую песню — и за жизнь, за любовь на все готов...

Валентин тоже знал толк в песнях. В родном селе много прирожденных песенников. Ни один праздник, ни одна свадьба или просто вечеринка не обходились без гармони и песен, то бесконечно-грустных, как осенний вечер, то бесшабашно-веселых. Пела и мать, пел и отец.

Мать любила свадебно-обрядовые, отец — солдатские и революционные. И теперь голос Свитченко всколыхнул знакомые с детства чувства...

Летний вечер приходит в село поздно. Недавно по улице протащилось стадо, в воздухе еще пахнет парным молоком и навозом. От домов и деревьев через улицу протянулись длинные тени.

Валька заметил, что впереди шла красная корова — значит, завтра будет вёдро. Мать убралась по дому, ушла в хлев. На лавочке возле палисадника хорошо слышно, как бьют в подойник струйки молока, сперва с тонким комариным звоном, а потом все глуше, с тугим урчанием, пока не стихнут совсем. Если хорошо прислушаться, то услышишь звон подойников, крики: «Стой, непутевая, стой!» и цирканье молочных струй, которые доносятся из каждого двора. Ни одной кошки не увидишь на улице — все отираются возле хозяйкиных ног и терпеливо ждут молока. И где-то за околицей протяжно и жалобно тянет женский голос, обращенный к бродяжке-корове: «Буренка-а, Буре-ен-ка-а!»

Но вот закончены все дела по хозяйству. Валькина мать выходит из дома в темном платье с белой косынкой на голове и в чистом переднике, расшитом узорной вязью. Она садится на лавочку, устало опустив на колени натруженные руки. Вальке жалко мать: ухлопоталась за день, а завтра с утра опять работы полно.

— Во-оленька-а, пойди-ка попей молочка-а, — ласково-лениво тянет мать, и Валька, хотя до смерти не любит парного молока, покорно идет в дом.

А когда он выпивает кружку молока и возвращается на улицу, уже видит возле матери трех соседок — Аришу Климову, Анну Купецкую и некрасивую солдатскую вдову Шабалиху. Валька, не произнося ни слова, тихо подходит к ним и становится позади, привалившись к до-

скам палисадника. Он знает, что вот сейчас начнется удивительное... Помолчат, помолчат давние подруги и, даже не сговариваясь, без команды, тонко и высоко первой затянет песню Ариша. И как-то незаметно, тихой струйкой, присоединится к ее голосу голос Анны Купецкой, а потом вдруг бойко, с придыханием, подхватят сразу мать Вальки и ставшая вдруг красивой Шабалиха. И зазвенит, польется в вечернем воздухе печальная старинная песня. Вечер будет густеть, а песня будет крепнуть...

Отдал, отдал меня ба-атюшка-а...

— затянула немыслимо тонким и высоким голосом Ариша.

На чужую сто-ро-ну-у-у.

— вступила Анна Купецкая, и сейчас же песню подняли еще два голоса:

Эх, на чужую сторону-у-у...

И опять высоко заплакала Ариша:

А чужая-я-то сторо-о-онушка-а,
Ветру нет — она шуми-и-ит...

Вечер густел, окутывал село парным теплом. В небе зажглись звезды, исчезли тени и пропала полоса зари на западе. У дома собрались ближайшие соседи и слушали пение с торжественным умиротворением. Рядом с Валькой появился отец. Он держал в кулаке огромную самокрутку и левой рукой разгонял дым, точно боялся, что махорочный чад помешает песне..

— Хорошая песня дороже богатства, слышь, Валя... Она делает человека сильным и добрым...

Отец сказал это негромко, в задумчивости, и уже замолчал надолго.

Мать и тетки остановились передохнуть. Тогда стало слышно, что в дальнем конце улицы тоже кто-то поет, а в центре села, на площади перед церковью, визгливо ахает гармошка да звенят жгучие девичьи припевки...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Под утро 27 июня Валентин и Тарасов двумя звеньями вылетели на задание: бомбить скопления живой силы и техники в тылу противника.

Валентин летел теперь с обновленным экипажем — место штурмана Константина Косычева занял лейтенант Чесноков.

Что ж, сегодняшний боевой вылет должен показать, будет ли новый штурман достоин доверия и дружбы слетанного боевого экипажа.

В экипаже лейтенанта Тарасова тоже были славные ребята: штурман Еремин, душевный человек, готовый каждому прийти на помощь, стрелок-радист Капустин, весельчак и танцор, который, казалось, на все в жизни смотрел с усмешкой, и рассудительный белорус — стрелок Ковальский.

Взяли курс на северо-запад, долго и на большой высоте шли над степями и рощами Украины. Погода благоприятствовала полету: на высоте три тысячи метров огромными грудами снега застыли кучевые облака, бомбардировщики ныряли из одного облака в другое, истребители противника не могли их обнаружить. Валентин чувствовал себя бодро, несмотря на то что поспать пришлось в эту ночь всего три часа. Печалило одно, что не смог повидаться с женой и сыном.

Около пяти часов утра пересекли бывшую государственную границу. Уже были недалеко от цели,

над местечком Хрубешув, и тут откуда ни возьмись на звено Тарасова свалились «Мессершмидты». Валентин в это время со своим звеном зашел на цель — с высоты полутора тысяч метров сбросил из левой кассеты бомбы на железнодорожный узел с воинскими эшелонами.

Алпетьян крикнул:

— Таварищ камандыр, Тарасова зажглы!

Валентин глянул вверх, вправо: из трех машин звена Дмитрия лишь одна висела над целью. Две другие были подожжены. Один подбитый бомбардировщик, оставляя длинный жгут дыма, стал уходить к госгранице. Но вторая машина, с огненными флагами на крыльях, стремительно неслась на длинный железнодорожный состав с танками. Ее преследовали фашистские истребители. От кабин стрелка-радиста и воздушного стрелка к немецким самолетам тянулись светящиеся строчки пулеметных трасс.

Все это Валентин успел увидеть за какие-то доли секунды.

Чем помочь Тарасову?

Отвлечь истребителей на себя!

На полном газу Валентин круто развернул машину и крикнул Чеснокову:

— Кидай!

— Есть, понял!

Сейчас же штурман крепко выругался, а Валентин почувствовал, что штурвал его не слушается, как будто непомерная тяжесть повисла на тягах к элеронам и заклинила их. В чем дело? Подбили?

Валентин огромным усилием все же выбрал штурвал на себя и вывел машину в горизонтальный полет, а потом развернулся влево и стал осматриваться, отыскивая машину Тарасова.

— Цель не поражена, пожаров не отмечено, — доло-

жил Чесноков. — Ничего не понимаю, командир. Сбрасывал как будто точно.

Но Валентину сейчас было не до раздумий. Все его усилия были направлены на то, чтобы преодолеть упрямство штурвала и не дать самолету опрокинуться. И еще надо было обязательно найти бомбардировщик Тарасова. Если экипаж выпрыгнет с парашютом, надо прикрыть, чтобы истребители не расстреляли.

Но прежде чем Валентин увидел горящий самолет, в наушниках шлемофона раздался звенящий, напряженный голос Тарасова:

— Всем, всем! Машина горит, идем на таран! В плен не сдаемся, идем на таран! Прощайте, товарищи!

Ярко-красная вспышка пламени...

Через мгновение шапка смоляного дыма прикрыла и горящие танки, и станцию.

Валентин вцепился обеими руками в штурвал и с силой потянул на себя. Бомбардировщик, с натугой преодолевая сопротивление невидимой силы, пошел вверх. И тогда Валентин услышал, как за спиной застучал пулемет стрелка-радиста.

— «Мэссэра», таварищ камандыр, атакуют...— задыхаясь, прохрипел Алпетьян, а Кукишев закричал:

— Один есть, товарищ лейтенант! Капут фрицу!

Валентин не мог видеть, как падал сбитый Кукишевым истребитель противника: он продолжал бороться с упрямым штурвалом и чувствовал, что только большая физическая сила позволяет держать машину в повиновении. А через минуту-другую слева мимо лица что-то промелькнуло, за спиной треснуло, а в наушниках раздался стон:

И все стихло.

— Это кто? Ты, командир? — встревожился штурман.

— Алпетьян... Эх, Сурен! — вскрикнул Кукишев.

Валентину все трудней становилось удерживать машину от крена, и полет до самого аэродрома показался мучительно долгим. На посадку зашел, собравшись в комок, сцепив зубы и не дыша. Со лба, из-под мехового шлемофона, по щекам на шею стекал пот. Руки, державшие штурвал, одеревенели от напряжения. И все же машина коснулась колесами взлетной полосы у самого посадочного знака без удара и мягко прокатилась до конца поля.

По обыкновению Валентин развернул самолет и направил его к стоянке эскадрильи. Но уже на полпути он увидел бегущего навстречу Заровного. Механик размахивал руками и что-то кричал. Вот он остановился, скрестил над головой руки... Что такое? Сигнал выключить моторы? Валентин сбавил обороты моторов до минимальных, машина остановилась. Рывком отшвырнул колпак над головой, высунулся из кабины.

— Ты чего, сержант?

Заровный подбежал к крылу с выпученными глазами:

— Бомба! Бомба!

Валентин выскочил на крыло и прежде всего заглянул к Алпетьяну. Стрелок-радист был мертв. Он откинулся на спинку сиденья, рот его был приоткрыт, а руки держали рукоятки пулемета.

— Сурен...

Штурман Чесноков взял Валентина за плечо.

— Пойдем, командир, посмотри... И мы чудом уцелели.

Валентин заглянул под крыло. На тросах, которые идут к элеронам, повисла стокилограммовая бомба.

Опять, как вчера, ревела сирена санитарной машины, и опять врач Марченко, успокаивая, бормотал:

— Ну, ну, Ситнов, война, война...

...В кабинете командира полка майора Большакова наступила тишина.

Валентин закончил свой рассказ и по лицам собравшихся увидел, что героическая гибель экипажа лейтенанта Тарасова произвела сильное впечатление. С начала войны полк понес немалые потери. Гибель друзей в полку переживали тяжело, мстили врагу, как могли. Потом острота переживаний пропадала: боевая работа требовала все большего напряжения, все больших жертв.

Но экипаж Тарасова погиб не так, как другие.

Летчики из звена лейтенанта Ситнова, наблюдавшие таран, сидели неподвижно, молча. На узком желтоватом лице комиссара Мазепина яснее обозначились морщины. Грузная фигура командира полка застыла за столом массивной глыбой, майор поставил локти на стол и подпер виски кулаками, глядя исподлобья через окно прямо в небо.

Комиссар Мазепин встал, негромко сказал:

— Экипаж лейтенанта Тарасова совершил беспримерный подвиг...

— Стрелки вели огонь по немецким истребителям, пока машина не ударилась в танки, — вставил лейтенант Гаврыш.

— Честь и слава героям лейтенанту Тарасову, штурману Еремину, радисту Капустину и стрелку Ковальскому. Встаньте, товарищи командиры, пусть не забудется их подвиг, пока жив советский народ!

За тяжкую минуту молчания, верно, каждый поговорил со своей совестью, потому что решение у всех оказалось одинаковым: как только комиссар сел, летчики заговорили одновременно и об одном.

— Прошу разрешения на внеочередной вылет, отомстить за героев!—сказал Валентин, чувствуя, как обжигающе горячая волна гнева поднимается от груди к ще-

кам, к голове. — Лейтенант Тарасов был моим лучшим другом...

— Прошу разрешения на вылет! — повторил за ним лейтенант Гаврыш.

— Готов к немедленному вылету! — подтвердил и Проценко.

Майор Большаков хмуро посмотрел на них, резко сказал:

— Садитесь!

Немного помолчав, потерев свои маленькие мягкие руки, тихо заговорил:

— Результаты вчерашнего вылета в тыл врага всем известны? Аэрофотосъемка показала, что налет на вражеские коммуникации — железнодорожные узлы и нефтехранилища — прошел успешно, за исключением военного порта Констанца. Везде возникли большие пожары и взрывы. Информбюро Советского Союза в утреннем сообщении передало, что в результате нашего налета у фашистов уничтожено большое количество нефтяных вышек и складов с горючим, разбит большой мост через Дунай у города Джурджу и, как следствие этого успешного налета, горе-правители Румынии поспешно покинули свою столицу. Ясно, Ситнов? Славную ты им задал встрепку...

Валентин недовольно встал: зачем майор вспоминает прошлые вылеты и радуется успехам. А Тарасова-то нет! Надо немедленно загружаться бомбами и лететь на врага, мстить за гибель товарищей. А как же иначе?

— А иначе так, товарищ лейтенант, что вы не выполнили сегодня боевого задания! — вдруг жестко напомнил командир полка.

Валентин опустил голову. За всю его службу в авиации это был первый случай. Бомбы были сброшены над целью. Почему они не взорвались? Неизвестно. Кроме

того, заклинило управление элеронами, еле довел машину до своего аэродрома. Осмотреть машину еще не успел.

Майор Большаков тяжело поднялся из-за стола.

— Кто готовил машину к вылету?

— Механик сержант Заровный и воентехник по вооружению Свитченко.

— Начальник штаба, немедленно вызвать старшего инженера полка и начальника воздушно-артиллерийской службы. Образовать комиссию. Расследовать происшествие и доложить мне в двадцать ноль-ноль. Все, товарищи, можете идти отдыхать!

Летчики поспешили покинуть кабинет командира полка. Валентина окликнул комиссар Мазепин.

— Задержись на минутку, лейтенант Ситнов, — он обнял Валентина, подвел к окну. — Слушай, Валентин Егорович, я знаю, вы с Тарасовым соседи, даже больше... Так вот...

Комиссар замолчал, точно ему трудно было выговорить то, что необходимо было сказать.

— Так вот... ты как-нибудь поаккуратней, знаешь... С подходом сообщи. Командование полка сделает все, чтобы семья героя не чувствовала себя покинутой. Пусть и твоя жена со своей стороны не оставляет Тарасовых... У них двое детишек?

— Двое, дочь и сын... Моя жена позаботится о них, товарищ старший батальонный комиссар.

На стоянке самолетов первой авиаэскадрильи было тревожно. Механики и летчики ходили притихшие, копошились у своих самолетов молча и без обычных шуток. Бомбардировщик Валентина уже был прибуксирован на место. Возле него сейчас собрались члены комиссии,

техники по вооружению, штурман Чесноков, стрелок Кукишев и механик Заровный.

Военный инженер полка Ковалевский — низкорослый, с некрасивым, чуть рябоватым лицом и точными скупыми движениями — приказал отойти от машины всем, кроме членов комиссии, командира экипажа и воентехника Свитченко.

Начальник воздушно-артиллерийской службы воентехник Сальников посветил фонариком внутрь центроплана.

— Товарищ инженер, посмотрите. Бомба зависла на тросе лебедки, как мы и предполагали. Пятьдесят сантиметров от земли... Да-а-а!

— Взрыватель законтрен на «пассив»? Так и есть! Ну куда он смотрел, раззява! — с досадой сказал военинженер.

Он вылез из-под машины красный и потный.

— Кто подвешивал бомбы?

Свитченко с трудом разлепил запекшиеся губы.

— Я... лично сам...

Военинженер неторопливо достал из кармана брюк платок, вытер лицо, руки, потом крепким, напряженным голосом сказал:

— Я даже не знаю, как расценить ваш проступок. Нет, скорее — это преступление. Вы не первый день в авиации, не один десяток бомб подвесили, знаете, что в авиации мелочей нет! Так в чем же дело, товарищ воентехник?

Свитченко вскинул голову, с дрожью в голосе воскликнул:

— Товарищ военинженер, никогда так у меня не было!

Сальников опустился на траву между шасси. Лицо его стало угрюмым и желтым.

— Счастлив твой бог, Ситнов. Не будь случайно взрыватель поставлен на «невзрыв» — сыграл бы в ящик.

У Валентина по спине пробежал морозец. Инженер полка излишне торопливо заговорил:

— Итак, картина, по-моему, ясна. Подведем итоги. Записывай, Сальников.

Инженер принялся диктовать акт обследования аварии неторопливо и четко, словно объяснял и Свитченко, и Валентину устройство системы подвески бомб.

— Фактически воентехник по вооружению первого звена первой эскадрильи, выпуская самолет командира звена лейтенанта Ситнова на боевое задание, проявил исключительную халатность.

«А ведь Свитченко доложил перед полетом: «Будьте спокойны, все сделано на «отлично», — вспомнил Валентин. — Соловей, а не техник!»

— В спешке или по недосмотру... Не хочется думать, что с умыслом...— перебил себя военинженер Ковалевский. — В спешке воентехник Свитченко пропустил трос от лебедки внутрь стабилизатора бомбы. Это привело к тому, что бомба зависла на тягах элеронов до самой посадки самолета...

— Но почему не взорвались сброшенные бомбы? — спросил Валентин.

Инженер с минуту молчал, глядя исподлобья на Свитченко. Воентехник не выдержал, поторопился объяснить сам:

— Наверно, и они были поставлены на «невзрыв»...

— Иного объяснения нельзя придумать. То же самое случилось и с этой вот бомбой, зависшей на тросе. Над целью произошел зажим управления элеронами. Скажи спасибо своей богатырской силушке, Ситнов. Иначе бы твоему экипажу...

Военный инженер полка не закончил фразы, еще раз вытер платком лицо и шею, коротко уронил:

— Все. Пошли на КП полка.

Вечером, перед строем эскадрильи, капитан Цейгин зачитал приказ командира полка. Валентин замер по стойке «смирно» во главе своего звена и затаил дыхание, не ожидая для себя ничего хорошего. Воентехник третьего ранга Свитченко стоял перед строем, свесив голову.

Командир эскадрильи читал:

— «...В ночь с 26 на 27 июня сего года после выполнения боевого задания экипаж лейтенанта Ситнова привез одну бомбу ФАБ-100 зависшей на тросе лебедки со взрывателем, законтренным на «пассив»... Только отличная техника пилотирования летчика Ситнова, только его громадные физические усилия вывели самолет из крена и позволили привести его на свой аэродром. Благодаря исключительно редкой случайности самолет и экипаж не взорвались в воздухе или при посадке...»

Капитан Цейгин, опустив руку с приказом, немного помедлил, угрюмо оглядывая строй своей эскадрильи, потом продолжал читать:

— «Приказываю: старшего техника по вооружению первой эскадрильи воентехника третьего ранга Свитченко от занимаемой должности отстранить. Ходатайствую перед командованием дивизии о предании его суду военного трибунала. Летчика Ситнова за проявленную выдержку, спокойствие и умение ставлю в пример всему личному составу полка и объявляю ему благодарность. Приказ довести до всего личного состава авиаэскадрилий. Командир двадцать первого дальнебомбардировочного полка майор Большаков, военный комиссар полка старший батальонный комиссар Мазепин».

Капитан выждал несколько минут, глядя на носки своих сапог, и негромко сказал:

— Вольно. Командирам звеньев развести личный состав по местам, обсудить чрезвычайное происшествие. Позор!

И, не поднимая глаз, ушел на командный пункт.

Валентин с экипажами своего звена удалился на лужайку в зарослях терновника позади капониров.

Начал разговор сам Свитченко. Он побелевшими глазами обвел одного за другим всех летчиков и механиков, с дрожью в голосе сказал:

— Товарищи, ну я же... Ну я же виноват, паразит, признаю. Но зачем в трибунал? Честно говорю, нечаянно случилось, поспешил... Товарищи, товарищ командир, ведь никогда же со мной такого не было? Вы же знаете!

Валентин не мог смотреть в глаза Свитченко. Он боялся, что не удержится и ударит его. В эти минуты он по-настоящему ненавидел техника: из-за него чуть было не погиб, не смог прийти на помощь Тарасову, да и задание осталось невыполненным. Но более вспыльчивый лейтенант Гаврыш вскочил на ноги и, размахивая руками, не договаривая слов, закричал:

— Дрянь ты, воентехник, самая последняя дрянь после этого! Экипажи подвергают свою жизнь опасности, идут в бой с врагом, а кому доверяют при этом? Техникам, механикам да оружейникам!

— Гаврыш прав,— сведя белесые брови к переносице, тяжело сказал лейтенант Проценко. — Такие случаи играют на руку фашистам, понимать надо!

Воентехник опустился на высохшую траву, потянул Валентина за рукав:

— Послушай, командир... Ты же веришь, что я случайно зацепил ту проклятую бомбу? Скажи, веришь?

Валентин промолчал, плотно сжав губы. Свитченко отпустил рукав, с отчаянием сказал:

— Ладно, я делом докажу, вот увидите!

Валентин понимал, что Свитченко потрясен до глубины души. И дело тут вовсе не в страхе перед военным трибуналом.

Штурман Чесноков сквозь зубы невесело процедил:

— Кто знает, может, экипажу Тарасова можно было бы оказать помощь, если бы у нашей машины не заклинило рули. Да и Алпетьяна немец достал, когда машина стала плохо слушаться управления. Кто знает, разве не смог бы командир маневром уйти из-под огня «Мессера»?

Предположение штурмана Чеснокова было страшным. Даже горячий Гаврыш заворчал:

— Ну, ты уж того, штурман. Хватил через край. В гибели Тарасова и Алпетьяна Свитченко не виноват,— поерошив колечки своих волос, раздумчиво добавил:— Да и насчет трибунала...

— Что насчет трибунала? — торопливо, с надеждой, спросил Свитченко.

— Насчет трибунала старик погорячился, я думаю. Надо попросить его, чтобы дал возможность исправить ошибку. Пусть Свитченко продолжает служить в нашем полку и делом доказывает свою честность.

— Правда, Гаврыш! Пусть накажут меня как угодно, только бы дали искупить вину! Я все силы... Я буду работать день и ночь!

Валентин поднялся с лужайки, за ним встали все.

— Хорошо, я согласен с предложением Гаврыша. Иди, Свитченко, к командиру полка, скажи, что мы все просим его не передавать дело в трибунал.

Свитченко сник, поскучнел. — О-о-о, нет! Он меня и за версту к себе не подпустит.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В военном городке Валентин не был уже с неделю, и теперь он показался ему необычно притихшим и каким-то тусклым. Было еще по-июньски светло, но на востоке край неба уже потемнел, низко навис над землей. На западе трагически-багрово светилась вечерняя заря, окрашивая улицу и дома городка в оранжевый неспокойный цвет.

Встревоженные жены летчиков и техсостава, уложив детей, группами сидели возле палисадников и на ступеньках крылечек, негромко переговаривались и глядели то на аэродром, где непрерывно гудели в эти дни самолеты, то на невысокие горы, за которыми был Севастополь. В том краю опять грохотали взрывы.

Когда Валентин поспешно проходил улицей, к нему подбегала то одна, то другая женщина.

— Ну, что?

— Как там? Что нового?

— Что нам делать? Кто еще погиб?

Как мог, Валентин на ходу объяснял положение на фронтах, рассказывал о боевых вылетах, успокаивал и торопился дальше. Женщины отставали, одни возвращались домой, другие оставались посреди улицы и снова о чем-то негромко начинали говорить.

Жену Валю и Ларису Тарасову он увидел тоже на крылечке двухквартирного домика. Они обрадованно вскочили, пошли навстречу. Лариса — гибкая, еще по-девичьи стройная, в пестром нарядном платье, — издали крикнула:

— А где Дима? Жду его, жду...

Валентин споткнулся, кашлянул. В светло-коричневых глазах Ларисы забилась тревога:

— Не вернулся? Сбили?

Валентин опустил голову. Оказалось: говорить ничего не надо. Вскинулся отчаянный женский крик и всполошил вечернюю улицу...

Валерка наконец уснул на руках. Валентин отнес его на постель, бережно прикрыл простынкой. Вышел на крыльцо. Сел, закурил. У Тарасовых смолкли рыдания Ларисы и плач детей. Теперь стал слышен ласковый голос Вали. Она останется у Тарасовых до утра.

В той стороне, где Севастополь, грохот прекратился. Над аэродромом по-прежнему строго гудели моторы, в небе среди белых неподвижных звезд медленно плыли красные и зеленые огни: война не окончилась.

Тихо на улице, тихо в доме. Лишь с кухни доносится какой-то непонятный звук. Что-то булькает и журчит. Похоже, что кто-то позабыл плотно закрыть водопроводный кран. И вода бежит тонкой струйкой, и журчит, и бормочет о чем-то непонятно-ласковом...

РОДНИКОВАЯ СТРУЯ

...О чем бормочет родниковая струя? Бежит по камешкам, звеня, уютно журчит в прорытых ею же пещерках, с тихим рокотом минует перекаты, бурлит меж двух глиняных бережков, пенится, а вырвется на простор и затихнет, только отрадно вздыхает у поворотов и ласково жмется щекой к крутому берегу. А он угрюм, потому что дорого обходится ему ласка коварной ключевой струи: мгновение за мгновением уносит она драгоценные для него частицы земли, неустанно подмывает берег упругой волной, и настает время, когда часть берега с покорным вздохом ухает вниз. А струя,

теперь уже ставшая речкой, играя и смеясь, бежит все дальше, все дальше и думает, что всю жизнь так и будет играть и смеяться. Но на ее пути неизбежно встретится могучий поток и обуздает ее. Он продолжит свой путь, еще более могучий и пополневший, а от бездумной речки-струи даже имени не останется.

Валька поставил ладонь ребром на дно ручейка. Вода мягко зашелестела между пальцами, серебристой струйкой стала переливаться через край ладони, а в руки не далась. Тогда Валька сделал из ладони ковшик и быстро зачерпнул глоток воды.

Холодная, как лед, она была вкусна, от нее даже зубы заломило. Такую студеную воду приятно пить в июльскую жару, тогда она — слаще меда.

Валька долго слушал журчание веселой струйки, бегущей из родника. О чем все-таки она журчит? Наверно, каждый понимает ее по-своему. Вальке представилось, что она рассказывает ему об уходящем детстве, о тех радостях, что остались позади и больше никогда уже не вернутся. Струйка бормочет о том, что лето проходит всегда слишком быстро, за ним торопится осень, а потом, глядишь, и зима прилетит на белых крыльях метелей, мороз закует пруды и реки и ее, бедную струйку, заморозит, высушит до дна. Только она все равно не сдастся, где-нибудь под толстым слоем льда пробьет себе дорогу к полноводному могучему потоку.

Подхватив сумку с учебниками, Валька пустился догонять товарищей.

Дорога от села Глухова до дома дальняя, успеешь не только всласть наговориться с друзьями, но и налюбоваться окрестностями. А можно взбежать на пригорок и там постоять, разглядывая в поднебесье чуть видного ястреба и дивясь его смелому полету.

Давно сошли снега, темная зелень озими расшила поля старинным узорочьем, дали без конца и без края. Вершины и долы, веселые курчавые перелески и слепящие зеркала маленьких озерков, силуэты деревень и сел — в бирюзовой дымке на горизонте. А над всем этим раздольем распахнулось бездонное небо с редкими мазками белых облаков. Жары еще нет, начало июня по-весеннему молодо, лишено той тускло-желтой дымки, которая застилает дали в знойные дни лета. Ветер родных просторов насыщен запахами парной земли, свежестью полой воды в логах и озерах, терпким ароматом отцветающей черемухи, что растет по берегам озер.

Дорога знакома до последнего поворота, вымерена шагами за два последних года учебы. Валентин задержался на вершине, посмотрел вперед, где в широкой ложбине вокруг трех прудов расположилось родное Сыресево.

Неужели прошло почти два года с того первосентябрьского дня, когда он вместе с Санькой Мельковым и братанами впервые пошел в Глуховскую семилетку? В Ардатово было далеко ездить, и как только в Глухове открыли школу, Валька стал ходить туда. Очень уж быстро пролетели эти годы!

Видимо, сознание, что школа закончена, пробуждало ощущение свободы и у друзей. Валентин поглядел вслед Саньке и братанам. Все очень выросли, раздались в плечах, вообще как-то заметно изменились. Теперь не услышишь от Саньки задиристо-хвастливых слов, он теперь говорит солидно, не торопясь и баском. Вон обернулся Вася Климов, смотрит вопросительно. Его круглые глаза потеряли пугливое выражение, стали внимательными и светлыми. Лешка Купецкий идет размашистым шагом и сутулится — так ходит его отец.

Должно быть, и сам Валентин здорово изменился за эти годы. Жаль, что по себе этого нельзя заметить. В зеркало почти каждый день смотришься, когда причесываешься, а никакой разницы не видно: лицо что вчера было, что сегодня — все равно.

Дома Вальку встретили торжественно. Мать напекла пирогов, наварила яиц и в круглом, как репа, фарфоровом чайнике заварила настоящий китайский чай. Латунный самовар сиял начищенным животом и отдувался, пуская пар.

Отец вышел из «чистой избы» одетый, как на праздник: поверх белой косоворотки — жилетка, суконные брюки заправлены в новые кожаные сапоги, волосы на голове вьются крупными кольцами, а усы — как стрелы у лука, только в стороны торчат.

Валька почувствовал, как сильно забилось сердце, в груди стало горячо: отец держал в руках гармонь.

— Поздравляю тебя, Воля, с окончанием школы. Это большой праздник и у нас с матерью, потому что ты первый из всех Ситновых стал образованный. А за то, что хорошо кончил школу... Глянь-ка, мать, у него в документе одни «хоры» да «очхоры»... За это самое дарим тебе вот... хромку...

Под конец короткой речи голос у отца дрогнул, он бережно протянул гармонь Вальке, часто-часто замигал.

Валентин неловко взял обеими руками полированный инструмент, присел на краешек лавки у окна.

— Хромка — самая хорошая гармонь... Спасибо, — сказал Валентин и погладил пальцами холодные перламутровые клавиши-пуговки. Клавиши мягко подались внутрь, легонько защелкали.

— Уж мы давно знаем, какую тебе хотелось, — неизвестно почему всхлипывая и сморкаясь, сказала мать.

— Спасибо, мам, спасибо, пап... А не дорого ли?

Отец справился с минутной слабостью. Голос его зазвучал крепко и ровно, как всегда.

— Это не в счет, Воля. Важное дело — образование закончить. Теперь тебе куда хочешь можно поступить. Хоть в контору с эдакой-то грамотностью, хоть дальше куда учиться.

Валентин знал, что отец сыздавна мечтает, чтобы сын стал ученым человеком и при хорошей должности. Но давно уже решено вместе с братанами и Санькой Мельковым устроиться осенью в МТС, которая открывается в селе Ивановском. Пожалуй, отец огорчится, когда узнает про решения идти учиться на трактористов. Не стоит спешить с разговорами об этом. Впереди еще целое лето.

Но за столом разговор о дальнейшей судьбе семиклассников неизбежно бы возник, если бы не пришли в гости отцы Лешки Купецкого и Васи Климова. Отец достал из посудной горки бутылку настоящего кооперативного вина, гости выставили на стол свои бутылки, и праздник получился самый настоящий.

Гости после двух стаканов освоились и разошлись вовсю.

— Воля, племяш дорогой! Валентин Егорович, сыграй, племяш, чтоб душа запела! — щуря захмелевшие глаза, попросил отец Васи Климова.

— Валяй, Валентин, тяни на весь размах! Егор Степанович, сыновья-то у нас какие, а? Куды нам до них, и-и-и! — перебил его Купецкий.— А только пускай не задаются. Кто им Советскую власть добыл? Мы аль не мы? Мы, я спрашиваю, али не мы? Так али не так?

— Так, сват, так, — поддакивал отец.

Валентин, смущаясь и краснея, заиграл, как умел. Он бережно прижимал к груди подарок, несмело ра-

стягивал мехи, а развеселившиеся гости до самого вечера пели и плясали под его еще нескладную — на чужих инструментах хорошо ли научишься? — но добросовестную игру.

Уже было выпито все вино и гости устали от пляски, когда между Купецким и Климовым разгорелся непонятный спор.

— И поеду, хоть что тут! Знаешь, там заработки какие? Нам тут и во сне не приснятся.

— И здеся работы во всю зиму не оберешься, зачем уезжать из села? Да и боязно как-то, куда черт занесет — неизвестно, — с сомнением покрутил головой отец Васи Климова.

— Да о чем это вы спорите-то, свояки? Аль другим нечем заняться? Бросьте вы! — весело крикнул Егор Степанович.

Купецкий выставил ладонь вперед, торопясь заговорил:

— Нет, ты, Егор, погоди, ты же не знаешь, про что я. Ну, уберемся осенью с хлебами, огороды выкопаем и что будем делать в колхозе всю зиму, а? Надо на заработки подаваться. Я прошлую зиму ездил, так к весне без малого три ста целковых привез.

— А куда ехать-то? В Арзамас? — заинтересовался отец.

— Дальше, брат Егор, за Арзамас, за Нижний... Теперь вон за Нижним Новгородом, за Окой, новый город строят, Дзержинский он называется. Там плотники на стройку требуются. Заработки высокие. Едем? К весне знаешь сколько деньжищ припрешь с твоими-то золотыми руками? Все хозяйство на ноги поставишь, и еще останется!

Отец задумался, потеребил усы и неожиданно обратился к Валентину, как к взрослому:

— А как ты мыслишь, Воля, ехать мне в зиму на заработки или не ехать? В самом деле, в колхозе строить пока нечего, денег для этого нет, председатель, глядишь, не заартачится, отпустит. А чего мне целую зиму на печке кирпичи протирать?

Валька вздохнул: скучно будет без отца зимой. Но что поделать? Не сидеть же такому мастеру всю зиму сложа руки? Да и деньги в хозяйстве нужны.

И Валентин солидно сказал:

— Поезжай, папа, это дело. Только придется нам с мамой за хозяйством самим доглядывать. Ничего, ты не переживай там, в Дзержинском-то. Разве мы недоглядим?!

— Молодец, племяш, светлая у тебя башка! Сразу сообразил, что к чему. Так едем, сват. Э-эх, Воля, вдарь русского!..

Но планам Валентина насчет дальнейшей жизни суждено было круто и счастливо измениться.

Однажды в июле, вечером, он, как обычно, тщательно оделся и перед тусклым трюмо при свете керосиновой лампы оглядел себя с ног до головы.

Из зеркала смотрел на него ладный, с широкой грудью и приятным лицом самый настоящий парень. Правда, на лице слишком уж выдавались скулы да нос был коротковат и чуть-чуть курнос, но вообще в этот раз Валентин сам себе понравился. Черная косоворотка с белыми перламутровыми пуговицами, кавказский поясок с набором и яловые сапожки сидели на нем в меру щеголевато и «показисто». Валентин поплевал на ладонь и пригладил мягкие, как кудель, светлые волосы. Теперь можно идти на гулянье.

Он взял с лавки гармонь, направился к двери. На пороге встретилась мать, взглянула не то насмешливо, не то ласково.

— Опять, чай, в Темёшево снарядился? И охота за две версты тащиться? Да и невеста там у тебя больно неприметна, черна да соплива... То ли дело Грушка Большова, девка что ягодка!

Мать, конечно, шутила, Валентин это понимал. Груша Большова была старше года на два-на три и замуж собиралась. А все-таки щеки загорелись, словно и вправду провинился в чем-то.

— И чего ты все смеешься, к ребятам я...

Мать прыснула в горстку, отступила от двери.

— Да иди уж ты, к ребя-а-атам... Знаю я.

Валентин проскользнул мимо матери и выбежал из дома. На улице темнело, но не так, как темнеет осенью. Сумеречный свет будет держаться до самой зари, позволяя различать предметы, даже лица людей.

Звонче стали людские голоса, далеко разносился собачий лай или мычание коровы в хлеве. Окна изб кое-где засветились, низко над землей вдоль порядка беспрестанно вспыхивали и сыпались красные искры — это мужики сидели на завалинках и курили. В небе уже выступили веснушки-звезды, только месяца не было. С полей мягкими теплыми волнами налетал ветер, приносил запах спеющей ржи и бой шальных перепелов. В центре села, у церкви, стройно и протяжно запели девушки.

Валентин поспешил туда, к извечному месту встреч, танцев и соперничества. На небольшую площадь между церковью и кооперативной лавкой каждый вечер собирались девчата и парни со всех концов села, как их деды и бабушки, матери и отцы собирались здесь в давние годы.

Парни уже ждали, рассевшись группами на лавочках и просто на траве, нещадно дымили самокрутками, переговаривались.

Приходу Валентина обрадовались. Девчата наперебой закричали:

— Воля, сюда садись! Кадриль, кадриль начинай!

— Валентин, иди к нам, давай вальс!

Хоть и почетно, но трудно положение гармониста на селе: угодить нужно всем, никого не обидеть, не оставить без внимания ничью просьбу, а кроме того, играть до полночи без отдыха, так что под конец пальцы правой руки немеют и становятся чужими. Зато нет на селе парня более уважаемого, чем гармонист. На вечорке и на празднике он самый жданный человек, а на свадьбе — первая родня.

Кадриль сменялась русской пляской, пляска — вальсом, падэспань — коробушкой, а желания отдохнуть у танцоров не появлялось. Валентин вспотел, хотя был лишь в одной рубашке, устал и попросил сделать перерыв. Но не тут-то было: девки налетели, как стрекозы, стали тормошить, а Грушка Большова — озорница — взяла и прямо в губы чмок!

— Воленька, женишок ты мой суженый, сыграй еще что-нибудь!

У Валентина и дух захватило, и щеки запылали. Хорошо, что вечером не видно, как краснеешь.

Пальцы машинально забегали по пуговицам-голосам, и завилась песня-танец:

Эх, Сашоночка, Сашоночка,
хорошая игра!
Весели меня, Сашоночка,
пока гуляю я!

Когда Валентин на минуту прервал игру, чтобы отдохнуть, все вдруг заметили, что в сторонке, прислонившись к палисаднику, стоит высокий стройный парень. Одет он был по-городскому: в пиджаке, широкие брю-

ки напущены на остроносые ботинки, на голове — маленькая, блином, кепочка. По поведению девчат Валентин определил, что неожиданно появившийся парень вызвал особый интерес. Девчата почему-то стали очень церемонными, очень молчаливыми, даже движения у них изменились: сделались плавными, важными, точь-в-точь как у гусынь.

На лавочку возле Валентина присел Вася Климов, похвалился:

— Глянь, Воля, это Ванюшка Климов, братан мой. Не узнаешь? Он только сегодня из города приехал. Студент.

«Студент, студент...» — зашелестело среди девчат и парней. Незнакомое многозначительное слово поразило всех. От этого слова веяло чем-то очень ученым и городским. Гармонь сбивчиво пискнула, дрогнула в руках Валентина и смолкла. Тотчас же девчата покинули круг, расселись на лавочках подле застывших в фасонных позах парней. Неведомо откуда в руках девчат появились веточки сирени и березы, они стали со скучающим видом отмахиваться от комаров, словно только теперь их заметили.

Вася Климов сказал:

— Воль, позвать Ванюшу? Он про город расскажет.

Валентин кивнул. Вася на минутку отошел и вернулся с двоюродным братом.

Ванюша Климов присел на лавочку рядом с Валентином.

— Привет, Воля! Устал, чай? Известно, музыку девушкам только давай.

Он достал пачку папирос. Через мгновение пачка опустела, зато парни теперь перестали коситься на Ванюшу Климова и сгрудились вокруг него, покинув девчат. И начался разговор...

5 Заказ 6670

Поздно ночью возвращался Валентин домой. Уснувшая гармонь висела на ремне через плечо. Песни девчат стихли вдали. Зато как оглашенные заорали петухи. В воздухе сгущалась предутренняя сырость.

Постепенно мысли Валентина, сперва растерянные, приобретали ясность. Рассказы Ванюши Климова о далеком Дзержинске на Оке, о химическом техникуме, где Ванюша учился, о будущей интересной профессии химика-технолога захватили. Пришло настоящее решение: ехать учиться в Дзержинский химический техникум. Это должно понравиться и матери с отцом. Мать будет довольна, что сын продолжает учебу, а отец еще и другим: все равно он собирается ехать на заработки в Дзержинск. Валентин будет в незнакомом городе не один. Надо скорей посылать документы и готовиться к экзаменам.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Приехав с рассветом на аэродром, Валентин пошел прямо на КП эскадрильи. В кабинетике капитана сидел в облаках дыма военком эскадрильи Квасников. Его лицо от бессонной ночи совсем пожелтело, веки набрякли и полуприкрыли глаза.

Поздоровавшись, Валентин сказал:

— Товарищ старший политрук, я к вам с просьбой.

Комиссар отвел в сторону руку с папироской, чуть приподнял веки.

— Говори.

— Я много думал об аварии... Свитченко виноват, что недоглядел. Но и я во многом виноват. Надо было самому проверить, как подвешены бомбы. Я считаю, что в трибунал дело Свитченко передавать не следует.

Пусть работает в полку и делом докажет... Пойдемте к командиру полка, товарищ старший политрук.

Квасников смял окурок, швырнул в консервную банку.

— Идем!

Командир полка вначале и слышать не хотел никаких оправданий Свитченко. Всегда спокойный, уравновешенный, на этот раз он долго бушевал:

— Печальники нашлись на мою голову! Сердобольность свою показываете! Мало тебе, Ситнов, что этот разгильдяй чуть не угробил тебя, так еще хочешь ему довериться? К черту всяких жалельщиков! Сейчас война, не в бирюльки играем!

Когда же к просьбе присоединился и комиссар, командир выслушал его, хмуря густые щетинистые брови, но ничего определенного не сказал.

Валентин и Квасников вышли из кабинета командира полка удрученные.

И все же на следующее утро в расположение эскадрильи прибежал полковой писарь старшина Антоненко и принес новый приказ.

В нем говорилось: «Учитывая отличную службу в прошлом товарища Свитченко, его обещание — совершенное преступление искупить отличной работой в будущем, а также ходатайство личного состава первой эскадрильи, приказываю: пункт третий приказа номер 046 отменить; за преступно-халатное отношение к своим обязанностям воентехника третьего ранга Свитченко от присвоения ему очередного воинского звания воздержаться до полного искупления преступления, с занимаемой должности снять и назначить на должность младшего техника по вооружению первой авиаэскадрильи; за причиненный государству ущерб, выразившийся в поломке люков самолета, удержать с това-

рища Свитченко на протяжении трех месяцев двадцать пять процентов содержания. Командир полка майор Большаков».

Это был все равно жесткий приказ, но не трибунал же!

Свитченко разыскал Валентина в капонире у бомбардировщика, схватил за плечи, ткнулся лицом в грудь и молча выбежал из капонира.

— Соловей тоже мне! — беззлобно выругался Валентин и полез по стремянке на центроплан. Надо было проверить, как новый радист старшина Старостин осваивается с незнакомой машиной.

До вечера Валентин успел переделать множество дел. Под руководством помощника командира полка по ночным и слепым полетам капитана Ситникова провел тренировку экипажей звена, ни разу не летавших ночью. Специально оборудованная, наглухо закрытая кабина без окон, где на приборной доске светились многочисленные приборы, вращалась вокруг оси, приобретала необходимый крен, воссоздавая у сидевшего в ней пилота или штурмана обстановку слепого полета, когда незаметны земные ориентиры, вокруг темно и даже звезд над головой не видно.

Часам к шести вечера через эту кабину прошли три пилота и три штурмана звена. Измученные больше, чем при настоящем полете, летчики повалились на траву в холодке.

— Ох, чертова кабина, ни дна ей, ни покрышки! — простонал молодой штурман Мячин, летавший в экипаже лейтенанта Костина.

Капитан Сотников, здоровенный детина с длинными руками и рыжеватой щетиной вместо усов, оделил всех папиросами из самодельного портсигара, с усмешкой сказал:

— Ну, чистые дети. В нашем деле тренировка — жизнь. Самонадеянность — гроб. Гляньте на небо, что видно?

Валентин, а за ним остальные подняли головы кверху. Небо стало белесым, как будто его вымазали известкой. Уже вся западная часть заволоклась кучевыми пепельными облаками. Края их, серебристые, как фольга, светились, но ниже к горизонту они сгущались и темнели, а на самом краю степи лежали плотным сизым валом.

— Шторм будет, — с досадой сказал Валентин.

— Никакого сомнения. Если придется лететь, полетите по приборам. Поняли? — победно оглядел пилотов и штурманов капитан Сотников.

Летчики промолчали. Капитан Сотников поднялся, бросил окурок и тщательно, по старой авиационной привычке, ввинтил его каблуком в землю.

— Ну, всего хорошего, друзья, мне пора!

Капитан ушел. Лейтенант Гаврыш, упрямо глядя на темнеющий край неба, мрачно проговорил:

— Ветер на взлете будет лобовой...

Механик Заровный заканчивал заправку баков горючим. Бензовоз негромко урчал помпой. Под центропланом кряхтели, стаскивая с тележки бомбы, оружейники. Среди них был техник Свитченко. Увидев Валентина, он поспешно сказал:

— Все отлично, товарищ командир звена!

— Валентин заглянул в бомболюки.

— Опять отлично? Как с грузом?

Даже сквозь слой загара стало заметно, как вспыхнул Свитченко. Он спрятал голову в бомболюке, оттуда глухо донеслось:

— Тысяча восемьсот, как и было приказано. Последнюю сотку цепляем.

Решение поднять тысячу восемьсот килограммов не было внезапным. Валентин за последний месяц каждую свободную минуту делал расчеты, знакомился с формуляром машины и высчитывал тот запас полезной нагрузки, который несомненно был оставлен конструкторами. По его подсчетам выходило, что и тысяча восемьсот килограммов еще не предел для такой прекрасной машины как «ДБ-3а».

Около семи часов вечера на стоянку самолетов прибежал писарь эскадрильи сержант Распопов. Валентина вызывали к командиру полка.

На командном пункте уже было все штабное начальство и командир первой эскадрильи капитан Цейгин.

Майор Большаков подошел к оперативной карте Южного фронта, сплошь исчерченной красными и синими пометками, стрелками, кружками и овалами.

— Товарищи командиры, — негромко, на низких нотах хрипловатого голоса начал командир полка. — Из штаба дивизии поступила шифровка. Нам предлагается любыми средствами и любой ценой выполнить одно особо важное задание Верховного командования. Мы с комиссаром и начальником штаба решили доверить выполнение этого задания лучшему командиру и отличному, испытанному летчику.

Майор посмотрел сперва на комиссара Мазепина, потом на начальника штаба майора Алехина и на капитана Цейгина, как будто спрашивая взглядом, не будет ли у них возражений. И вдруг сердце у Валентина екнуло: командир полка остановил испытующий взгляд маленьких коричневых глаз на нем. Валентин напрягся, как перед прыжком с парашютом, замер.

— Вам, товарищ Ситнов, именно вам! — четко подтвердил командир полка, и у Валентина гулко и сильно забилось сердце: так вот зачем вызвали!

Валентин встал.

— Готов выполнить любой приказ командования!

— Знаем и верим, товарищ лейтенант, — мягко сказал комиссар Мазепин, а командир полка повел рукой, приглашая ближе к карте.

— Смотри сюда, Ситнов. Чесноков, запоминай координаты, полетишь за штурмана группы. Примечайте маршрут... По сведениям нашей разведки, в районе румынского порта Констанца скопилось большое количество важных военных грузов. Кроме того, там сейчас база надводных и подводных кораблей противника. Отсюда военно-морские силы немцев имеют возможность выходить на наши коммуникации на Черном море, отсюда идут транспорты с войсками для поддержки фашистских частей, блокирующих Одессу с суши. Но и это не все. Констанца имеет грандиозные портовые сооружения, нефтесклады, обеспечивает горючим немецко-румынские войска чуть ли не всего Южфронта. Представляете, Ситнов, что значит Констанца для гитлеровцев и для нас?

— Представляю, товарищ майор, — задумчиво сказал Валентин.

Перед его глазами, как в кино, поплыли боевые корабли и транспорты с войсками фашистов, серебристо заблестели нефтебаки, выросли мощные портовые краны...

— Представляю, товарищ майор, — опять повторил он.

— Для фашистов это — главная база, для наших войск — смерть, — продолжал майор. — Ваша задача: обрушить бомбовый удар на портовые сооружения, на нефтесклады и корабли противника. Вылетаете группой в составе двух звеньев, вам придается звено лейтенанта Деревенько.

Майор на минуту умолк, улыбнулся.

— Понимаете, Ситнов, какая это будет помощь Южному фронту, героической Одессе и черноморскому порту, если вы сумеете потопить хотя бы несколько военных кораблей, а тысячи тонн нефти и бензина сгорят? Это же будет удар огромного стратегического значения, товарищи!

— Понимаю, товарищ майор, к вылету готов хоть сейчас. Машина подготовлена полностью, — сказал Валентин.

— Нет, вылет назначен на... Во сколько заходит солнце, майор Алехин? — обратился майор к начальнику штаба.

Начальник штаба на мгновение смешался, его черные длинные брови сдвинулись. Но он быстро что-то сообразил.

— В двадцать часов сорок пять минут, товарищ командир!

— Что ж, отлично. В двадцать два часа совсем стемнеет... Итак, вылет назначаю на двадцать два часа ноль-ноль минут. Сопровождения наших истребителей не будет, учтите, Ситнов.

Валентин, чувствуя легкость в теле, как во время полета, выбежал из КП полка. Подумав о скором вылете, посмотрел в небо. Оно было опять синее, лишь с северо-запада, от моря, на чистую синь наплывали снежно-белые груды облаков.

Сплошная облачность ускорила наступление темноты. Сырой и резкий ветер с дождем и градом обрушился на самолеты, как только они набрали высоту и легли курсом на запад. Над морем бушевал шторм. Об этом можно было догадаться даже по тому, что на

любой высоте машины швыряло из стороны в сторону, подбрасывало кверху, кидало в страшную бездну. Снизиться, чтобы пробить облачность, было немыслимо. Валентин дал команду набирать высоту, пока облака не останутся внизу. Это не удалось. Бешеные порывы воздушных вихрей разбросали машины на огромной площади, никто не видел теперь друг друга.

Боясь столкнуться, пилоты сломали строй и разбрелись над морем кто куда.

Такой сумасшедшей сумятицы в небе Валентин еще не видел. Во всякое другое время вылет был бы запрещен командованием. Но задание, которое получил Валентин, было настолько важным, что командир полка, даже узнав от синоптиков сводку погоды на ближайшие сутки, подтвердил приказ на вылет.

В наушниках шлемофона все чаще и чаще слышались ругательства пилотов, треск грозовых разрядов. На пятнадцатой минуте полета раздался тревожный запрос:

— Первый, первый, слышите меня? Говорит шестой, я шестой, где вы? Держусь на высоте три тысячи, продолжать полет не могу. Жду приказаний!

Шестой — это лейтенант Заборов из звена Деревенько. Неужели не справится с управлением машиной и вернется?

— Шестой, я первый! Держаться курса, высота пять тысяч!

— Вас понял, вас понял, высота пять тысяч!

Но и на такой высоте спокойной обстановки для полета не было. Хуже того, теперь отчего-то стали «задыхаться» моторы, резко снизилась скорость, и машина по временам переставала слушаться рулей.

В сплошном мраке машину то швыряло вниз, то вдруг невесомой бабочкой подбрасывало куда-то квер-

ху. Валентин с трудом удерживал самолет на курсе, с тревогой вслушиваясь в треск и свист радио. По голосам он узнавал летчиков своего звена и радовался, что вовремя успел провести с ними тренировку в слепых полетах. Как это сейчас необходимо!

— Первый, первый, вас не вижу, вас не вижу, первый! Продолжать полет невозможно, жду приказаний! — снова начал взывать лейтенант Заборов и вдруг смолк.

— Шестой, шестой, держись курса! Заборов, понял меня, понял?

Но Заборов больше не отзывался. Теперь в наушниках громко и тревожно закричал Гаврыш:

— Первый, первый, я третий! Надо снижаться, обледенение!

Валентин вздрогнул, как будто ему за воротник бросили горсть ледышек: стекло его кабины странно заискрилось, свет электрических лампочек теперь преломлялся в нем, как в призме.

«Лед!» — в тревоге дрогнуло сердце. Сразу стало заметно, как отяжелел руль высоты и элероны. Валентин мгновенно представил себе, какая дополнительная тяжесть в виде толстой ледяной корки навалилась сейчас на поверхность крыльев, на рули, на фюзеляж... Минута-другая такого обледенения — и самолет многотонной глыбой ухнет в море.

— Внимание, вниманье! Уходим вниз, до высоты две тысячи! Высота — две тысячи! Курс прежний!

Уже на высоте трех тысяч метров обледенение прекратилось, а чуть пониже стекло перестало серебриться, и на нем погасли радужные блики. Но швырять машины стало сильнее. Прибавилась и другая забота: на позывные стали отвечать лишь три пилота. Это были Гаврыш, Деревенько и Чемоданов. Остальные либо

потеряли связь, либо вернулись назад. Не отзывался и лейтенант Проценко.

Валентин подумал: «Не вернуться ли всем? Экипажи могут погибнуть, не доходя до цели. Кому это нужно? И командование полка не осудит: никто не ожидал штормовой погоды. Завтра можно вылететь снова...

Завтра? Но сколько горючего успеют за эти сутки отвезти враги на полевые аэродромы? И где будут их корабли тогда? Черта с два — завтра!»

Валентин до крови закусил нижнюю губу, и боль от укуса встряхнула сознание. Пусть у него осталось всего четыре самолета, пусть неимоверно трудно лететь, задание будет выполнено любой ценой!

Но когда, по расчетам штурмана Чеснокова, до цели осталось не больше ста километров, перестал отзываться на позывные и лейтенант Деревенько. Теперь лишь три машины мчались вперед.

Валентину стало легче и веселее, когда в шлемофоне раздались знакомые голоса.

— Штурман Каблуков, радист, стрелок, не дремать! Выше голову, други! — это Гаврыш подбадривает свой экипаж.

— Шустров, сколько до цели? Эй, радист, Калистратушка! Держи хвост пистолетом! Гляди, нет ли «Мессеров»! — это младший лейтенант Чемоданов.

Но какие тут «Мессеры»! В такую штормовую ночь ни один фашистский самолет не осмелится высунуть из ангара и носа.

— Товарищ командир, подходим к цели! — раздался спокойный голос штурмана Чеснокова. — Довернуть два градуса, курс сорок семь!

Итак, цель все-таки достигнута. Несмотря ни на что, три машины он привел в тыл врага!

Валентин весь напрягся: теперь бы только отбомбиться точно, а тогда...

Снижение — и на высоте в тысячу метров самолет пробил облачность.

Здесь, над сушей, ветер был потише, не так бросало в воздушные ямы. Внезапно впереди что-то блеснуло, унеслось в сторону, ударило по глазам. Что-то слепящее, как пламя электросварки, встало перед кабиной, в глазах потемнело... «Прожектора! В перекрестье берут!»

— Второй, четвертый, вниманье! Под нами цель, под нами цель! Четвертому подавить прожектора! Второму осветить цель! За мной, за мной!

— Вас понял, подавить прожектора!

— Вас понял, осветить цель!

Валентин левым разворотом со снижением ушел от прожекторных лучей, поглядел вниз. Но с высоты в тысячу метров в темноте невозможно было что-либо разглядеть. К тому же прожектора снова суматошно заметались перед машиной, то упираясь голубыми столбами в облака, как бы поддерживая свод неба, то скользя по крыльям. Не замедлили вмешаться и зенитки. Как только Гаврыш сбросил светящиеся авиабомбы, сразу тысячи огненных шаров вспыхнули вокруг самолетов. Невольно, подчиняясь инстинкту самосохранения, Валентин потянул на себя штурвал, чтобы набрать высоту. Машина рванулась вверх, прочь от разрывов зенитных снарядов. Но сплошная стена огней, кажется, так и вставала везде, куда он ни направлял свой бомбардировщик.

В мертвенном слепящем свете осветительных авиабомб, как на негативе, выступили силуэты зданий и портовых сооружений Констанцы. Вот тускло блестят бензобаки, вот на светлой поверхности гавани видны длин-

ные узкие черточки — корабли противника, а вот огромные, как поля, крыши портовых складов. И отовсюду в небо тянутся цепочки зеленоватых тире — пулеметные трассы.

Валентин выровнял машину и отвалил в сторону от города и порта. Такой заградительный огонь зенитной артиллерии преодолеть невозможно. Внизу показалось несколько ярких всплесков огня — это Чемоданов сбросил бомбы на прожектора. Однако страшные клинки по-прежнему продолжали обшаривать небо. Вот два луча вдруг скрестились, замерли, и сейчас же в месте их пересечения что-то ярко вспыхнуло и золотыми брызгами разлетелось во все стороны.

— Чемоданов... взорвался! — ахнул штурман Чесноков.

— Видел, иду на цель! Держитесь, друзья! Второй, второй, следуй за мной!

Решение пришло рискованное, но верное: пикировать на цель. Бомбить прямо с пикирования. Возможно ли это? Бомбардировщик «ДБ-3а» не пикирующий, он не приспособлен для такого бомбометания. Выдержит ли конструкция? Но что с того? Задание-то будет выполнено!

— Штурман, радист, стрелок, иду на пикирование! Держитесь, братаны! Штурман, вниманье!

— Давай, командир, жми! — отозвался Чесноков.— Сперва на корабли. Довернуть три градуса влево!

— Второй, второй, иду на пикирование! Беру на себя корабли! Ваша цель — нефтебаки. Делай, как я! — приказал Валентин Гаврышу.

Секунд пять продолжался сумасшедший рывок вниз. Самолет свистящей торпедой падал на растущие в глазах очертания кораблей. На высоте четыреста метров Валентин выбрал штурвал на себя. Неимоверная

тяжесть навалилась на плечи, на грудь, пригнула голову к коленям. Замерло дыхание, и застыла мысль: «Выдержат ли крылья?» Валентин руками почувствовал, как затрясся стабилизатор, завибрировало хвостовое оперение. В мозгу возникло: «Не успели заменить обтяжку хвоста... Машина тяжелая, нагружена бомбами сверх нормы, она не рассчитана на такие перегрузки...»

И все же самолет выдержал. В какой-то миг машина зависла, как бы переламывая себя, и вот острый нос, сверкающий в лучах прожекторов, как граненый кусок хрусталя, полез вверх, а портовые сооружения, корабли и баки уползли вниз, под крылья.

— Здóрово, командир, думал, так в корабль и врежемся! — прохрипел Чесноков. — Аж дух захватило. Зато влепили славно, полюбуйся!

Валентин увидел над гаванью два желто-красных столба огня.

— Прищучили их, как миленьких, товарищ командир! — восторженно завопил стрелок-радист Старостин, и только теперь Валентин с удивлением вспомнил, что позади него сидит уже не Алпетьян, а новый член их боевой семьи. По всему видно, неплохой парень, не трус и не хлюпик. А это главное — будет хорошим товарищем.

Выйдя на западную окраину Констанцы, где зенитный огонь был не так плотен, Валентин облегченно вздохнул и вытер перчаткой пот со щек и под носом.

«Это да!» — подумал он, и горячая волна восторга обожгла грудь, захотелось вслед за Старостиным закричать во все горло: «Урра! Урра! Урра! Урра!»

И было чему радоваться: один или два корабля противника поражены с первого же захода, найден новый метод бомбометания, экипаж цел, и невредим самолет!

Валентин огляделся. Бело-огненные кружочки разрывов остались позади. Внизу, уже над самыми крышами портовых складов, светились САБЫ. Пока цель освещена, нужно громить врага, бомб хватит.

— Второй, как дела?

— Сто потов сошло, командир! — разгоряченно отозвался Гаврыш. — Кажется, в нефтебаки угодил — горят!

Действительно, неподалеку от порта в небо ввинчивалось дымно-оранжевое пламя.

— Идем на второй заход! Опять из пикирования! Штурман, внимание на склады!

Уже веря в крепость машины и в удачу, Валентин опять бросил бомбардировщик на склады в порту. С пикирования Чеснокову было нетрудно угодить в цель, как в блюдечко. Облегченный самолет с натужным воем моторов рванулся вверх, сделал левый разворот. На высоте три тысячи метров Валентин стал ходить кругами над горящим портом, чтобы фотокамеры успели запечатлеть результаты бомбардировки.

Когда штурман доложил, что фотосъемка закончена, Валентин вызвал Гаврыша:

— Второй, второй, идем на свой аэродром! Курс — домой, домой!

Над морем самолеты опять попали в шторм. Но что теперь он значил! Тело наливалось силой, облегченный самолет слушался рулей, как добрый конь седока. Неподалеку от Крымского берега зазвенел по радио голос Гаврыша. Он пел весело, задорно, и никак нельзя было удержаться, чтобы не запеть:

Там, где пехота не пройдет,
Где бронепоезд не промчится,
Угрюмый танк не проползет,—
Там пролетит стальная птица!

У Гаврыша оказался чистый, неплохо поставленный голос. Валентин, как умел, подтягивал ему, а вскоре штурманы Каблуков и Чесноков, радисты Старостин и Чимбуладзе, подключившись к внешней связи, дружно подхватили припев:

Пропеллер, громче песню пой,
Неся распластанные крылья!
За вечный мир, в последний бой
Летит стальная эскадрилья!

Лишь строгий окрик дежурного у станции наведения прервал песню:

— Кто на подходе, кто на подходе? Внимание, отставить песню!

Валентин назвал свои позывные и запросил посадку. Дежурный на мгновение смолк, точно поперхнулся, и вдруг ликующе, торопясь, закричал:

— Даю посадку, посадку разрешаю! Включаю прожектор!

Внизу сверкнул огонь, широкий сноп света лег на посадочную полосу.

Не успели Валентин и Гаврыш приземлиться и подрулить к стоянке эскадрильи, как сюда же примчалась машина командира полка. Валентин, увидев выбравшихся из машины майора Большакова и комиссара Мазепина, поспешно спустился вниз, спрыгнул с крыла. Отстегнув парашют, поправив на голове шлемофон, подошел к командиру полка.

— Товарищ майор! Ваше задание выполнено. В порту замечены пожары, есть попадания в корабли противника. Самолет младшего лейтенанта Чемоданова сбит зенитной артиллерией противника, машины Деревенько, Заборова и Проценко не дошли до цели, полагаю—вернулись домой. Командир группы лейтенант Ситнов!

Лишь только Валентин оторвал от виска руку, командир полка живо обхватил его плечи, сжал по-медвежьи жестко и трижды поцеловал в щеки.

— Благодарю, лейтенант Ситнов, от лица службы благодарю и поздравляю с героическим выполнением задания! Молодец, сынок! Буду представлять к большой награде. Где Гаврыш?

Отыскав взглядом лейтенанта Гаврыша, подошел к нему, тоже обнял и расцеловал.

— Благодарю и вас, лейтенант! Поздравляю штурманов и радистов, воздушных стрелков и механиков! Все заслужили награды и благодарность командования. Спасибо, дорогие, что не подвели своего командира!

Комиссар Мазепин, поздравляя с победой, крепко пожал всем членам экипажа руки, сказал:

— Когда вернулись три машины из твоей группы, Ситнов, и Деревенько рассказал, как вас встретило море, мы уж и не надеялись, что вы будете живы. Молодцы!

И немного погодя, когда улеглось волнение, тихонько попросил:

— Как Чемоданов погиб, расскажи, Ситнов...

Наутро, когда экипажи Валентина и Гаврыша отоспались на КП эскадрильи и позавтракали, капитан Цейгин, широко улыбаясь, поздравил Валентина Ситнова с назначением на должность заместителя командира эскадрильи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Дождь прошел шумно, но быстро, словно бы и не осенний: налетела туча, обрушилась густым ливнем на аэродром и ангары, на желтую степь, поиграла пузы-

6 Заказ 6670

рями в лужах и умчалась к горам. А вокруг стало свежо и празднично: исчез запах бензина и выхлопных газов, даже пожухлая трава и бурые листья терновника словно ожили и зашевелились от капель влаги на них.

Внезапный ливень загнал механиков и летчиков эскадрильи на командный пункт. В маленьком помещении сразу стало весело и чадно. Едкий табачный дым плотно, как ватой, набил комнату эскадрильного КП, потянулся в полуоткрытую дверь кабинета командира.

Валентин закашлялся, чертыхнулся:

— Вот, черти, начадили! — и опять склонился к листку бумаги. Командир эскадрильи капитан Цейгин улетел с комиссаром Квасниковым и двумя машинами третьего звена под Херсон, где теперь был немецкий прифронтовой аэродром. Им было поставлено задание уничтожить фашистские машины и разбить взлетные полосы. Вылетел командир еще с час назад, пора бы уже вернуться. Фронт приблизился к Крымскому полуострову настолько, что путь туда и обратно вместе с временем на выполнение задания теперь занимал не больше полутора часов. Чтобы не изнывать от безделья, Валентин принялся составлять отчет о боевых действиях эскадрильи за истекший месяц.

Неожиданно над крышей КП взвыла сирена воздушной тревоги. Все переглянулись: в этом было что-то неожиданное и непривычное. Воздушных тревог в полку давно уже не было.

— По машинам! — крикнул Валентин.

Летчики и техники нестройной толпой выбежали из КП. Противный вой сирены и паническое кудахтанье зениток на воздухе оглушали.

Валентин, Заровный и появившийся откуда-то Чесноков побежали вдоль кромки аэродрома к стоянке

самолетов первой эскадрильи. На бегу Валентин видел, как суетятся у машин механики, расчехляют и запускают моторы — может, придется взлететь, чтобы не послужить беспомощной целью для немецких бомбардировщиков.

По взлетной дорожке уже мчались, ревя моторами, остроносые «Миги», истребители аэродромного прикрытия. Не успел Валентин добежать до своего бомбардировщика, как «Миги», пара за парой, взвились в воздух и стали набирать высоту.

Почти сейчас же на бетонную полосу стали опускаться вернувшиеся с боевого задания бомбардировщики: в воздухе они уже не могли оставаться, так как израсходовали горючее.

«Один, два, три... четыре... Командир эскадрильи! — узнал Валентин. — Вовремя вернулись...»

Заровный уже подготовил машину к немедленному вылету. Валентин, не дожидаясь доклада механика, занял свое место в кабине, включил рацию.

— Штурман, здесь?

— Здесь!

— Радист, держать связь с КП полка!

— Есть, держать связь!

— Кукишев, на месте?

— На месте, товарищ командир!

Это был первый воздушный налет противника с начала войны. Он означал, что немцы приблизились к Крымскому перешейку и что война отныне начинается даже для семей летного и технического состава.

Команды на вылет так и не последовало. Командир эскадрильи капитан Цейгин из кабины своей машины по радио пояснил:

— Звену лейтенанта Ситнова держать боевую готовность «два». Кончится налет — полетите на задание.

Валентин спустился на землю и пришел на КП.

А в небе уже завертелась карусель. Очевидно, командир полка послал в воздух всю эскадрилью истребителей прикрытия — двенадцать машин. Стремительные, как стрижи, «Миги» набрали высоту и с солнечной стороны кинулись в середину вражеских бомбардировщиков.

Немецкие самолеты подошли к аэродрому на большой высоте и почему-то без истребителей сопровождения. Их крылья вспыхивали на солнце слепящими искрами, опознавательных знаков разобрать было невозможно. Но силуэты машин, тщательно изученные в первые же дни войны, выдавали их конструкцию и принадлежность. Это были «Юнкерсы-88». Свыше двадцати машин. Неровный колышущийся гул их моторов нарастал неотвратимо, как грозовые раскаты. Они шли с северо-запада. Фашисты, очевидно, вылетели с недавно занятого аэродрома под Херсоном и прошли над северным побережьем Черного моря.

Валентину сначала показалось, что в небе повисла безобидная комариная стайка и медленно движется куда-то мимо аэродрома. Зенитки били непрерывно, белые комочки разрывов вспыхивали весело и красиво, но гораздо ниже немецких бомбардировщиков. И оттого, наверно, что снаряды не достают врага, пушчонки злились, захлебывались и еще более суматошно кудахтали: «Куда-куда-куда-куда!»

— Слабы пушечки, как моськи против слонов, — сквозь зубы процедил комиссар Квасников. — Сюда бы сейчас покрупнее...

Между тем «Миги» сделали свое дело: врезавшись в строй немецких бомбардировщиков, они вынудили фашистских летчиков сломать порядок и разлететься в разные стороны. Один из немцев задымил, повалился

на крыло и, страшно загудев, устремился к земле. За ним черным прямым столбом потянулся дым.

Другие «Миги» закружились вокруг немецких бомбардировщиков, уклоняясь от пулеметных трасс воздушных стрелков. Строй «Юнкерсов» распался, единой огневой оборонительной системы у них теперь уже не было.

Валентину казалось, что он видит сейчас какое-то совсем неумелое представление. Разве так медленно и вяло все это происходит в воздухе? Там не успеешь сделать один маневр, как уже опять на тебя сваливается противник, все решают доли секунд, стремительно действуют руки и ноги, и еще стремительнее работает мысль. А тут... С земли кажется, что безобидные маленькие птицы, весело играя, гоняются за другими, более крупными, дробно щелкают клювами и кричат: «Кррры-кррры-кррры». Валентин понимал, что это бьют скорострельные пушки «Мигов», но никак не мог поверить в это.

«Юнкерсы», как вспугнутая охотниками утиная стая, заметались над степью. Некоторые прорвались к аэродрому и сбросили бомбы. Валентин заметил, как от крыльев одного из «Юнкерсов» отделились черные точки, понеслись вниз, вытянулись... Уже стало заметно, что это бомбы, серия бомб, и показалось, что они сейчас угодят прямо в командный пункт...

Невольно голова вжалась в плечи, все тело собралось в мускулистый комок... Ахнули взрывы, с перекатом прогремели над землей, словно по ухабам прокатилась огромная телега. Посреди поля выросли четыре черных пышных цветка.

Валентин выпрямился. Сердце билось часто, а на лбу выступил пот.

Так вот как рвутся на земле бомбы!

Не вытирая пот, чтобы не показать своего страха командиру и комиссару, Валентин искоса поглядел на них и отвернулся. Лица и капитана Цейгина, и военкома Квасникова были бледны. Валентину стало легче — видно, всем летчикам на земле трудно во время воздушного налета. В это время комиссар сказал:

— Эх, вот и «Миг»...

Валентин увидел падающий дымным факелом советский истребитель.

— Кто это? — спросил он, но сейчас же понял, что вопрос глуп — разве можно в такой кутерьме отличить одну машину от другой?

Вскоре «Миги» подожгли еще четыре немецких бомбардировщика. Немцы стали поодиночке уходить в сторону от аэродрома, сбрасывая бомбы куда попало. Бомбы падали большей частью за границами летного поля, ломали кустарник и акации, застилали дымом степь. Несколько раз ахнуло в стороне военного городка. Тревога за семью выгнала Валентина из-под навеса крыльца, он отбежал от командного пункта несколько шагов, посмотрел в сторону авиагородка. Там был виден дым, что-то горело.

— Ну, вот и доотступались, — с горечью сказал, подходя поближе, штурман Чесноков.

— Да, — подтвердил комиссар Квасников. — Теперь налеты будут постоянными. Базироваться здесь нам будет трудно.

Наконец зенитки смолкли, все самолеты ушли за пределы видимости. Лишь неподалеку от аэродрома, в пустынной степи чадили обломки «Юнкерсов».

Как только воздушный налет кончился и взлетные полосы были приведены в порядок, Валентин получил задание вылететь со своим звеном в район Каховки. Нужно было во что бы то ни стало отыскать спешно

наведенную немцами переправу через Днепр и разбить ее.

Было уже темно, когда три машины первой эскадрильи легли курсом на Каховку. Маршрут был знакомый, путь недальний, ничто не предвещало особых трудностей.

Всего через сорок минут полета штурман Чесноков доложил, что внизу — район Каховки, предполагаемое место переправы.

Бомбить узкие цели — переправы, мосты — всегда сложно. Обычно такие цели бывают прикрыты большим количеством зенитной артиллерии и прожекторов. Днем переправа с высоты трех-четырех тысяч метров видится чуть заметной полоской, в которую попасть бомбами, кажется, немыслимо. Но как отыскать такую цель ночью, да еще в полной темноте?

Валентин приказал экипажам своей группы смотреть в оба и сам, делая над Каховкой и излучиной Днепра круг за кругом, до рези в глазах смотрел, смотрел...

Фашистские зенитчики и прожектористы затаились, надеясь, видимо, что русские летчики ничего не обнаружат и уйдут.

Валентин передал по радио Гаврышу и Костину, чтобы они осветили местность САБами, а сам снизился до высоты в тысячу метров, рискуя напороться на заградительный огонь. Но зенитки по-прежнему молчали. Через минуту днепровская излучина сверкнула блестящим сабельным лезвием, призрачно осветились крыши Каховки, перекрестья улиц и дорог.

И все-таки никакой переправы опять никто не заметил. Однако нервы у немцев-зенитчиков не выдержали. Внезапно в небо уперлись два голубых столба, скрестились, поползли в стороны, опять сошлись, и тотчас же ударили зенитки. Огненные шары заплясали

вокруг тройки самолетов. Пришлось опять набрать высоту.

Что делать? Сбросить бомбы на зенитки и уйти, а дома доложить, что никакой переправы не обнаружено? Но это же будет великая подлость! Ведь наличие зениток и прожекторов как раз и подтверждает, что переправа где-то здесь.

Валентин резко бросил машину вниз, на зенитную батарею.

— Штурман, освети цель!

Чесноков развесил над землей и рекой светящиеся фонари. И тут Валентин с высоты восемьсот метров увидел торчащий из воды конец переправы и спуск к ней с берега Днепра. Так вот оно что!

Немцы погрузили переправу в воду, надеясь такой хитростью скрыть ее от наблюдения с воздуха.

— Вижу переправу, захожу на цель! Делай, как я! Высота четыреста метров, угол атаки двадцать пять, захожу на переправу вдоль!

Правда, такой заход еще более затрудняет боковую наводку, и штурману придется делать сложный расчет. Но в Чеснокове Валентин был уверен и потому устремился прямо на предполагаемый центр переправы.

Огненные вспышки, столбы воды и дыма... Самолет подбросило взрывной волной, потом опять швырнуло к воде. Опасная затея — бомбить с такой рискованно-малой высоты. Зато ни одна бомба не пропадает даром. Такая работа требует железных нервов и непоколебимой воли.

При свете прожекторов и разрывов бомб тройка бомбардировщиков отбомбилась удачно. Валентин отдал приказ ложиться на обратный курс, а сам развернулся в последний раз над переправой, чтобы сфотографировать ее остатки при свете САБов. И в этот

момент машина вздрогнула, ее бросило в сторону, накренило...

Валентин сначала не понял, что случилось. Но мгновение спустя еще один удар в левую плоскость потряс самолет, и сейчас же из центроплана, где баки с горючим, вырвался длинный узкий язык пламени, лизнул фюзеляж.

«Все, сбит!»

Валентин спикировал, потом рванул штурвал на себя, соскользнул на крыло, опять горкой ринулся в небо... Но сбить пламя так и не удалось. Вся левая плоскость теперь была охвачена огнем, обшивка горела сильно, магниевым светом.

— Штурману покинуть самолет немедленно! Иду на посадку!

Наушники шлемофона молчали. Оборвалась связь. Валентин не знал, услышал Чесноков команду или нет. При аварийной посадке штурман, сидящий в носу самолета, смертельно рискует. Поэтому так необходимо, чтобы он выпрыгнул с парашютом. А машину еще можно посадить. Только бы приземлиться на своей территории.

Валентин направил самолет полого к земле. Бомбардировщик еще подчинялся управлению. Выпускать шасси было некогда, и Валентин посадил самолет на брюхо. Сильный удар на секунду отнял сознание. Но нестерпимо обжигающее пламя привело в себя. Валентин откинул колпак, выскочил на крыло и застучал кулаком по фонарю кабины радиста.

— Живей из машины, дальше от самолета!

Старостин с трудом приподнялся, свесился через борт кабины. По его лицу текла кровь. Валентин помог ему выбраться, вместе они соскользнули на землю. Трава вокруг самолета уже загорелась.

— Помоги Кукишеву выбраться! Бегите дальше!

Старостин немного очнулся, побежал к кабине воздушного стрелка. Валентин заглянул в кабину штурмана: там никого не было.

«Выпрыгнул!» — Валентин вытер рукавом мокрый лоб, быстро осмотрелся. Пламя охватило теперь обе плоскости. Плавился и пузырился дюралюминий на плоскостях и центроплане. Почему же не взрываются баки?

Валентин отбежал от самолета метров на тридцать, оглянулся, но ослепительная вспышка ударила по глазам, а воздушная волна швырнула набок...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Лишь в полдень следующего дня, усталые, измученные, добрались Валентин, радист и Кукишев с отступающими частями до Перекопского перешейка. От пехотинцев они узнали, что фашистские войска прорвали нашу оборону в районе Херсона и Цурюпинска и ринулись к Крымскому полуострову. Валентин был обожжен, но, к счастью, несильно: обгорел комбинезон, вздулась на щеках кожа, сгорели брови. Но все это сейчас показалось чепухой по сравнению с тем, что делалось на фронте. С попутной автомашиной они добрались до Симферополя, а оттуда с бензовозом — до своего аэродрома.

О них уже беспокоились. Оказывается, летчики его группы видели, как он был подожжен и приземлился в степи. Потом заметили вспышку на земле и поняли, что это взорвался его самолет.

— Парашют не видели? — с тревогой спросил Валентин у Гаврыша. — Штурман выпрыгнул.

Лейтенант Гаврыш стащил с головы шлемофон, поерошил кудри, крякнул, но промолчал. За него угрюмо ответил Костин:

— Парашюта не видели...

Валентину стало ясно, что друзья не верят в возможность спасения Чеснокова. Неужели Чесноков погиб?

На командном пункте капитан Цейгин лишь молча обнял его, поздравляя с возвращением, и сейчас же сказал:

— Пришел приказ об эвакуации семей военнослужащих. Собери всех семейных, кто свободен от полетов, и на грузовике — в гарнизон. Семьи поедут на автобусах до Симферополя, сопровождать их будут бойцы из БАО. Вы должны через час быть здесь. Предстоит горячая работа.

— Есть!

Валентин с десятком летчиков и техников за несколько минут домчался до авиагородка. Посреди небольшой площади уже стояли автобусы, вокруг них молчаливо сгрудились женщины и дети и глядели на дорогу к аэродрому, ожидая мужей и отцов.

Спрыгнув с машины, Валентин побежал к своему домику. Валя сжала руки, что-то хотела сказать, но у нее лишь задрожали губы.

— Ты уже собралась? Вот молодец! — будто не замечая вопросительного взгляда жены, бодро сказал Валентин. — А Лариса готова?

Валя загородила ему дорогу, схватила его за плечи:

— Подожди, что это у тебя?

— А, так, пустяки! Давайте скорей на автобус, кричи Ларису. Где Валерик?

Валерка уже давно стоял возле и теребил Валентина за брюки.

— Па-ап, па-ап же, вот я!

Валентин взял сына на руки, прижал к себе и закрыл глаза. Вдруг необычно остро почувствовалось, как он соскучился по сыну, как не хватало ему в последние месяцы Валеркиной болтовни, его расспросов, запаха его мягкого теплого тела. Сын... Куда же поведет тебя жизнь, и сойдутся ли опять стежки отца и сына?

— Па-ап, а ты с нами не поедешь? А далеко нам ехать?

— К дедушке в деревню, Валерка, не близко, но ты не робей, там вам будет хорошо.

Валя подошла к чемоданам и остановилась. Валентин по ее усталым глазам, по всему выражению круглого милого лица видел, что она полна тревоги. Но она старалась не плакать, не показывать своего отчаяния: она давно была готова ко всяким неожиданностям, как и каждая жена военного летчика.

— Ты не беспокойся, Валюша, приедете в Сыресево, там с радостью примут. Уж где безопасно, так на родине. Туда никакой фашист не долетит.

— Не о нас я, — подняла голову Валя. — Ты-то как здесь останешься?

Валентин опустил на пол Валерку, обнял жену.

— Нашла о чем беспокоиться! Что я — дитё? Мое дело — фашистов лупить, чтобы от них клочья летели, правда, Валерий? Так и будем, не впервой. Помнишь финскую? И сейчас за меня не бойся, буду жить назло врагам!

Валя всхлипнула:

— Только год вместе прожили, и опять...

Она уткнулась в его грудь лицом и заплакала. Валентин одной рукой прижал ее к себе, а другой стал гладить по волосам. Пусть выплачется сейчас, в дороге ей понадобится мужество.

Скрипнула дверь. Валентин поднял глаза. На пороге стояла Лариса Тарасова и печально-покорно ждала, когда они кончат прощаться...

Проследив глазами за автобусом, Валентин дождался, пока он не скрылся в степной дали, и повернул обратно к аэродрому.

Небо затягивалось тучами, ветер с моря был перенасыщен влагой. Будет дождь. В мирное время сказали бы: «Нелетная погода». А теперь такой погоды нет. Потому что надо драться с врагом насмерть за жизнь, за семью, за счастье. Когда пришло это счастье? Когда родился Валерка? Или когда они с Валей ступили за порог загса? Или еще раньше? Когда же, когда?..

БУДУ ЖДАТЬ ВСЕГДА

...Валентин вздрогнул. Мотор вентиляционной установки взвыл на высокой ноте, стены физической лаборатории завибрировали, как в лихорадке. Мгновение — и в электромоторе что-то вспыхнуло, он задымил и смолк. Лаборатория наполнилась удушливым дымом, запахло жженым проводом и резиной.

Вся четвертая группа закашлялась, зачихала, но вскоре в предчувствии скандала студенты смолкли. У преподавателя физики Михаила Алексеевича Казанского щеки почернели до синевы, а круглые очки блеснули ночной молнией и погасли.

— Кто включил мотор?

Все промолчали. Казанский повел очками по рядам. Наступила такая тишина, что сквозь глухие зимние рамы отчетливо донесся трамвайный звон; показалось, что он прозвучал раздражающе звонко.

— Я спрашиваю, кто включил мотор? — уже громче спросил Казанский и вдруг топнул ногой, сорвал с носа очки и с гневом, с дрожью в голосе закричал: — Да какое же это скотство сжечь мотор!

Худой, высокий и черный, он был похож сейчас на встрепанного, обиженного грача, который только что собрался взлететь, а его взяли, да и дернули вниз за крылья. Валентин заметил, как затрясся в руке преподавателя мел, как заморгали подслеповатые, утратившие добродушное выражение глаза.

Валентин встретился взглядом с Гришей Коробушкиным. Тот упрямо сдвинул брови и отвел взгляд. Тогда Валентин встал и сказал:

— Михаил Алексеевич, это я включил мотор.

Казанский перестал моргать, торопливо завел за ухо одну дужку очков, потом другую и воззрился на Валентина, как на диво.

— Ты-ы-ы, Ситнов? Заче-ем?

Валентин не успел придумать объяснение, развел руками и растерянно пробормотал:

— Так... Ннне зншнаю...

Михаил Алексеевич, то ли оттого, что ответ показался ему невразумительным, то ли от злости, расслабленно опустился на свое место за столом и чужим, трудным голосом сказал:

— Ну, подумайте, вы, третьекурсники! Он сделал пакость и не знает зачем. Как это понять? Вредительство, иначе я не могу расценить его поступок. Хорошо, Ситнов, я сообщу в учебную часть. Выговора тебе не миновать. Посмотрим, как ты поступишь в аэроклуб с такой характеристикой!

Студенты приглушенно загудели. Михаил Алексеевич поставил локти на стол, закрыл ладонями глаза и так замер.

Валентин повернулся спиной к окнам, оглядел лабораторию.

Ребята молчат, словно в рот воды набрали. Девчата шушукаются. Особенно негодует вон та неразлучная пара — две девушки небольшого ростика, обычно веселые насмешницы, а сейчас рассерженные, как скворчихи. Это Валя Никишина и Варя Панычева. Они повернулись к столу Гриши Коробушкина и что-то шипят ему в лицо. А Гриша глаза под стол прячет.

Как ни серьезно было положение, Валентин не мог не улыбнуться. Ему припомнилось, как на первом курсе эти две девушки преследовали его насмешками. Он — высоченный столб, а они — крохотные пигалицы. Подойдут, давясь смехом, и вдруг скажут: «Валентин, пойдем с нами на кино?» У него кровь бросится в лицо, а они и рады: расхохочутся на весь коридор и убегут. А то еще что-нибудь придумают. Долго он не мог понять, почему они к нему пристают, потом уж Валя Никишина призналась: «Хотелось посмотреть, как ты краснеешь». Шутихи, нашли забаву.

Но это было уже давно. Теперь Валентин не стеснялся разговаривать с ними при всех и даже осмеливался ходить на базар, чтобы покататься на качелях. Правда, большей частью на качели или каток он ходил теперь с Валей, но Варя на это не обижалась. Валя Никишина — хорошая, веселая и отличница. Хотя это не главное, главное — чем чаще на нее смотришь, чем больше с ней разговариваешь, тем больше она нравится. Она кареглазая, симпатичная, добрая, не как все. Она еще больше хорошеет, когда зальется румянцем или засмеется.

Прозвенел звонок. Казанский взял классный журнал и, не оглядываясь на студентов, выбежал из физлаборатории.

Валентин вышел в коридор, встал спиной к высокой батарее центрального отопления. Это было постоянное место его и Вали Никишиной. Вот и сейчас она подошла с Варей, недовольно надулась. Скоро у батареи собралась чуть ли не вся группа.

— Зачем ты взял вину на себя? — сердито спросила Варя Паныччева. — Не ты же включил мотор, мы знаем, кто!

Валентин отвернулся к окну и молчал.

— Ты что, хочешь, чтобы тебе характеристику в аэроклуб испортили? Мотор включил Коробушка, пусть идет в учебную часть и сознается.

— И вообще, когда ты, наконец, Валентин, будешь взрослым? Последнюю рубаху готов отдать кому ни попало! — грустно сказала Валя.

— Гриша, Коробушкин! Иди сюда! — крикнула Варя.

Коробушкин подошел вразвалку, с усмешкой. Но усмешка его была кривой. Валентин понял, что он пытается скрыть неловкость.

— Слушаю вас, мадам Панычева, чем могу служить? — Гриша изогнулся в поклоне, отвел руку в сторону.

Но Варя оборвала его:

— Брось кривляться, Гришка! Слыхал, что Михаил Алексеевич сказал? Валентину ведь из-за тебя влепят выговор. Как ты на это смотришь?

Гриша выпрямился, засунул руки в карманы, поскучнел.

— Как на это смотрю-у-у? — вяло протянул он. — А никак не смотрю. Ничего не будет, так это он просто, пригрозил и все.

За двойными рамами с мутными от пыли стеклами виден был двор, спортплощадка и кусты желтой акации, застывшие от декабрьского мороза жесткими не-

движными прутьями. За забором сплошной стеной стоял сосновый заснеженный лес.

Валентину не хотелось получать выговор. Но потребовать от друга, чтобы тот сходил в учебную часть и сознался, Валентин тоже не мог. В конце концов, никто не заставлял высовываться.

И все же в сердце Валентина закрадывалась тревога: а ну как и в самом деле техникум даст отрицательную характеристику? Не посмотрят, что он комсомолец, значкист и за активную работу в Осоавиахиме награжден мелкокалиберной винтовкой. Прощай тогда мечта! Ведь это только подумать — представляется возможность стать летчиком, ле-етчиком! На днях нужно будет ехать в Горький на медицинскую комиссию, а потом летно-планерная школа здесь же, в Дзержинске, и... в небо.

Кто не рвется теперь в небо? Первые Герои Советского Союза — тоже летчики. Валентин знал их всех наперечет не только по фамилиям, но и в лицо: над его кроватью в общежитии, на стене, хлебным мякишем прилеплены их портреты, вырезанные из газеты. Ляпидевский, Леваневский, Молоков, Каманин, Водопьянов, Слепнев и Доронин... Валентин мог бы быстро, скороговоркой перечислить их фамилии наизусть, как стихи, если бы даже его среди ночи разбудили. А рекордный комсомольский перелет на планерах из Ленинграда в Крым? Целый воздушный поезд из трех планеров и одного самолета покрыл без посадки около четырех тысяч километров. А Валерий Павлович Чкалов? Его знаменитый рекорд на дальность полета — перелет без посадки на остров Удд в Охотском море? Великий летчик и к тому же земляк... Нет ни одного парня в техникуме, ни одной девушки, которые не бредили бы авиацией. И Валя Никишина тоже хочет пода-

вать заявление в аэроклуб... Так что же, из-за выговора все пропадет?

После уроков Валентин быстро оделся и вышел из техникума. Ему хотелось одиночества, он думал, что любое горе и любую неприятность лучше перенесешь наедине с самим собой.

Валентин прошел мимо пустыря, на котором студенты техникума каждую зиму заливают каток, мимо высокого здания средней школы имени Горького с куполообразной вышкой на крыше для телескопа, мимо фабрики-кухни и возле нее остановился, пережидая, когда пройдет трамвай.

Удивительное дело, прошло уже два с лишним года, как Валентин приехал в Дзержинск и увидел здесь трамвайные красные вагончики. Но до сих пор он с любопытством и мальчишеским радостным удивлением любовался их быстрым грохочущим бегом, с удовольствием слушал их веселый заливистый трезвон, ловил глазами мелькающие в окнах лица пассажиров.

Валентин уже не застал того времени, когда на месте здания техникума, школы имени Горького и фабрики-кухни был сплошной лесной массив. Правда, краснораменный бор и теперь еще обступил город со всех сторон — в двадцати шагах позади спортплощадки техникума можно было собирать маслята и сыроежки, — но уже ясно наметились основные магистрали и площади нового социалистического города. Теперь лишь старожилы рассказывают при случае о бывшем захолустном поселке Растяпино да сиротливо покосившиеся серые дома Выселок за станцией напоминают о тех давних временах...

— Валентин, постой!

Валя и Варя Панычева разрумянились от мороза, догоняя его.

— О чем задумался? — спросила Варя, заглядывая снизу вверх, пытаясь посмотреть в глаза.

Валентин промолчал.

— Ты, Валь, не думай про выговор, чего уж там, — жалобно попросила Валя Никишина.

Она пошла рядом. Ее мягкое круглое плечо коснулось локтя Валентина. У него в груди шевельнулось чувство теплой нежности. Он замедлил шаги и незаметно, чтобы не увидела Варя, отвел левую руку за спину, чуточку помедлил и крепко обнял Валю. Валя чуть вздрогнула, приостановилась и пошла дальше совсем медленно, отчего близость ее маленькой фигурки стала ощутимее.

Дошли до Мопровской, остановились. Варя Панычева деловито сказала:

— Ну, мне скорей надо, с вами не по пути.

Валя освободилась от руки Валентина, поспешно возразила:

— Как же не по пути? Ты в общежитие? И я.

— Да ладно, ладно, знаю я! — засмеялась Варя. — Идите уж одни, жених с невестой. Куда вам спешить? А я побегу...

Валя Никишина вспыхнула, словно в испуге отступила в сторону, но Варя снова засмеялась, лукаво подмигнула Валентину и побежала через линию по направлению к больнице.

Валентин взял Валю за руку в шерстяной варежке, потянул к себе.

— Пойдем одни, Валь, я провожу тебя. А она умная, Варя-то... К Оке пойдем, посмотрим, какая она зимой.

Валя ничего не сказала, но так посмотрела и так крепко прижалась плечом, что у Валентина пересеклось дыхание, и он пошел дальше осторожно, бережно

держа ее за руку, точно боялся нечаянно толкнуть и уронить.

Вечерело. Узкий проулок с накатанным до блеска санным следом вывел их на берег затона Оки. Предвечерняя стылая тишина стояла тут. Сюда не доносились трамвайные звонки и фырканье автомашин, не долетали людские крики, и невнятный городской шум слышался глухо и отдаленно.

Они медленно пошли вдоль затона по глубоко протоптанной в снегу тропе. Затон, пойменные луга и сама Ока вдали, заваленные синим снегом, слились в одно огромное пустое пространство. За рекой, на высоком правом берегу, едва виднелись из-под заснеженных крыш домики Дуденьева, окруженные прозрачной дымкой заиндевевших деревьев. Правый берег сейчас был облит розовато-багряным светом зари, ярко желтел глинистыми обрывами.

Валя шла молча, счастливыми глазами оглядывая синий снег затона, прозрачные дали и крутые горы на правом берегу Оки. Из ее приоткрытого рта вылетало легкое и тоже розовое облачко пара, а сама она была такая маленькая и такая легкая, что снег под ее валенками скрипел чуть слышно. Валентин не обижался, что она молчит: в такие минуты слова все равно бессильны. Он и сам был охвачен необыкновенным чувством покоя, когда почему-то хочется смеяться, но не громко, а неслышно, про себя.

Предвечерний ветер все усиливался. Он летел с востока, из-за поворота реки. Ветер был колючий, как новый цигейковый воротник пальто, припахивал огурцами и дымком. Впереди завиднелись печи гипсового завода, за ним — трубы и корпуса химического комбината, а чуть правее, где Ока круто заворачивает к югу, черной стеной встал Растяпинский лес.

Вот оттуда, от старого Растяпина, три года назад и увидел Валентин пристань Дзержинск и берег затона, заваленный горами белого камня и соли, и белесые от алебастровой пыли крыши домов. Серый ряд одноэтажных домиков тянулся влево от пристани, чуть-чуть вверх по-над берегом.

Сначала показалось, что вот это и есть весь Дзержинск, совсем невзрачный и похожий просто на поселок. Но чем ближе подходил пароход к берегу, тем больше признаков крупного города замечал Валентин.

За приокской улицей виден был сосновый лес, но сосны стояли редко, вразброс, и между стволами проглядывали белые стены зданий. Увидел он и частокол трамвайных столбов вдали за гипсовым заводом, а над сосновым бором крышу какого-то здания с красным флагом.

Пароход подходил к полинявшей от дождей и солнца грязно-голубой пристани. Отец возился с багажом, а Валентин стоял у борта и во все глаза глядел на незнакомый город, который отныне должен был стать его родным городом.

И он вдруг с особой остротой вспомнил Сыресево, простор полей и лугов, веселый шелест зеленых рощ и беспокойный лепет родниковых струй в долах и оврагах. Но воспоминания эти только промелькнули в голове и тревожно-сладко ворохнули сердце. Отец крикнул со сходен: «Воля, айда за мной!» И Валентин поспешно перебежал по шатким мосткам на гулкие доски пристани...

— Знаешь, Валентин, — сказала Валя Никишина, — мне так хочется всегда с тобой быть. Почему это, а?

Валентин от неожиданного признания растерялся и не знал, что сказать, хотя чувствовал, что ничего не сказать никак нельзя: обидится, уйдет.

— А вот в летной школе будем вместе учиться... И в техникуме опять же, — пробормотал Валентин и еще крепче сжал руку Вали.

По этому рукопожатию она должна была понять, не могла не понять, что он хотел бы сказать много хорошего, да просто не умеет.

— А ты думаешь, меня примут? — с тревогой, с надеждой спросила Валя, и Валентин поспешил успокоить ее:

— Неужели не примут, конечно примут! Велели и девушкам же подавать заявления. А кончим аэроклуб, и насовсем вместе останемся... Ну, верно говорю, насовсем вместе... Понимаешь?

— Да-а-а, это ты только так говоришь, — грустно протянула Валя. — А сам вчера с Ленкой Мальцевой в кино ходил.

У Валентина запылали щеки, он закашлялся, стукнул себя кулаком в грудь.

— Это когда же ты видела? Да чтобы я с кем пошел...

— А вчера и видела! — подняла сердитое лицо Валя.

— Да брось ты это, не думай, Валь! Это я просто так с ней, понимаешь, ну, нечаянно. Я с ней больше не пойду, не думай!

— Да-а-а, не пойдешь... А неделю назад, в день Конституции, на вечере с кем танцевал?

Валентин опять раскашлялся, да так громко, что эхо гулко раздалось в морозном воздухе, шарахнулось под обрыв, там поворочалось с минуту и заглохло. Валя Никишина закутала лицо в поднятый воротник и повернула назад, к женскому общежитию. Она пошла небыстро, неуверенно, словно давая Валентину возможность догнать ее и оправдаться. Валентин пере-

стал притворно кашлять и в два прыжка оказался рядом с ней.

— Я больше не буду, ладно, Валь?

Она промолчала, но руку, когда он опять взял ее, не отняла.

У женского общежития она сказала:

— У тебя деньги еще есть? А то я стипендию получила.

Валентин вчера отдал последнюю пятерку Гришке Коробушкину, но все равно поспешно сказал:

— Есть, есть, пока хватит. Я тебе еще и прошлые не отдал.

— Ну, ладно, ты только скажи, когда понадобятся, ладно?

Валя приоткрыла дверь и нырнула в темноту.

Валентин потоптался на месте, подождал, когда в окнах погаснет свет, и пошел к своему общежитию.

Рядом с Валей он совершенно забыл о том, что случилось сегодня в техникуме. И теперь тревожные мысли опять пришли к нему. Даже когда он разделся, поужинал всухомятку и лег в постель, ему было о чем подумать.

Вскоре откуда-то пришел Гришка Коробушкин. Он был мрачен. Повесив пиджак на спинку стула, подошел к своей кровати, сел на одеяло. Валентин посмотрел на него выжидательно: ясно было, что Гриша хочет что-то сказать и собирается с духом.

— Ну, где был? — помог ему Валентин начать разговор.

Гриша пожевал губами, как старуха, оглянулся на других ребят и наклонился вперед.

— Казанский шум поднял. До директора дело дошло.

У Валентина ёкнуло и заныло сердце.

— До дире-ектора-а?

— Факт, теперь выговора не миновать. Прощай аэроклуб.

Гриша замолчал, как будто ожидая расспросов. Но Валентин закрыл глаза и не стал ни о чем спрашивать. Накипала обида.

Коробушкин неожиданно сказал:

— Знаешь, Валь, это я включил установку.

Валентин отвернулся к стене, открыл глаза. Портреты летчиков-Героев на стене расплывались.

— Я знаю, что ты включил, — тихо сказал он.

Гриша на минуту замер, перестал дышать, потом с шумом выдохнул воздух и убито сказал:

— Ну, все равно теперь. Я ходил в учебную часть. Тебе выговора не будет. Мне будет.

Валентин мгновенно обернулся, недоверчиво посмотрел на друга. Утешает? Смеется? Гриша не смеялся, он глядел в окно и вздыхал по-коровьи грустно.

Надо было сказать Грише что-нибудь хорошее, а на ум ничего не шло: неудобно ведь говорить ему ласковые слова, не девчонка он.

— Эх, а я боялся, в аэроклуб не примут! — воскликнул Валентин и сейчас же спохватился: Грише-то несладко, вместе собирались учиться на летчиков. — А ты-то как теперь, Гриш, а?

Коробушкин лишь махнул рукой и свесил голову.

Услышав разговор про аэроклуб, к койке Валентина подсели и другие ребята. Как же иначе — все, кому исполнилось семнадцать-восемнадцать лет, хотели учиться летать. Уже подали документы в аэроклуб и теперь ждали вызова на медицинскую комиссию.

Комиссия... Об этом страшном испытании ходили самые невероятные слухи и вызывали сумасшедшие споры до рассвета. Кто-то где-то слышал, будто желаю-

щих поступить в аэроклуб испытывают так: сажают в кресло и вертят изо всех сил, пока человек не закрутится до полусмерти. А потом велят пройти по одной половице. Кто хоть на сантиметр ступит в сторону — готово, забракован. А Ванюшка Зеленов слышал и другое, еще более страшное: завяжут тебе глаза, введут в темный коридор — и шагай вперед. Куда идешь — неизвестно, что на пути встретится — тоже не знаешь. Вот и надумаешься всякой чертовщины. Страх забирает. А коридор все тянется, все тянется и вдруг — ах! Пропасть под ногами! Если в этот момент закричишь или даже ойкнешь, не бывать тебе летчиком. А на самом деле эта пропасть и не пропасть вовсе, а всего только низенькая ступенька... Вот как.

Валентин лежал с открытыми глазами, сцепив зубы. Сердце билось глухо, сильно, беспокойно. Какие бы страшные испытания ни ожидали впереди, их надо выдержать. Собрать всю силу воли, скрепиться, а в аэроклуб поступить. Научиться летать — иначе жить не стоит.

Прошел год, как начали заниматься в аэроклубе, и вот учеба закончена. Жаль, что Валя Никишина не попала в аэроклуб. И ведь смешно сказать почему: одного сантиметра роста не хватило.

Сегодня наконец сданы последние зачеты и экзамены, сданы на «отлично».

Валентин огляделся. Тесное помещение аэроклуба на Окской улице полным-полно девчат и курсантов. Впрочем, теперь уж не все присутствующие могут называться курсантами: по крайней мере третью часть составляют пилоты. Пи-ло-ты... Званье-то какое!

Валентин сидел на скамейке между Валей и Варей

Panычевой и непрерывно перебирал в уме слова с корнем «крыл» и «лет». Окрыленный, крылатый, крылья, полеты, летать, летчик, летный... Да сколько же их, крылатых слов, придумано русским народом! Лишь извечная мечта о покорении воздушного пространства могла создать эти изумительные слова.

Валентин заметил, что Валя сбоку смотрит на него как-то неуверенно, украдкой, словно пытается что-то в нем разглядеть. Чудачка, что он, переродился, что ли? Обыкновенный, как и был... А так ли вообще-то? Пожалуй, за последнее время в нем что-то все-таки изменилось. Он и сам замечал, что стал спокойней, словно уверенней шагал по земле, а главное — он знал теперь, какова будет его будущая жизнь: школа военных летчиков, полеты на боевых самолетах. Иного пути ему не нужно. Ради того, чтобы стать военным летчиком, можно пожертвовать всем, даже техникумом.

— Валя, Валентин, — толкнула его в бок Варя Панычева. — Ты как герой, смотри, на тебя все уставились.

И правда, Валентин куда ни повертывался, встречал любопытные взгляды девчат, приглашенных на вечер, несколько завистливые взгляды парней-курсантов и краснел. Хорошо, что вскоре торжественная часть закончилась и началась танцевальная суматоха.

Валентин сперва танцевал с Валей, потом с Варей, потом еще с кем-то, потом еще... Наконец Гриша Коробушкин в перерыве сказал:

— Не гоже так, Валентин, посмотри, как она переживает.

Он кивнул в сторону двери, где у косяка сиротливо сжалась маленькая фигурка Вали Никишиной. Валентину стало жарко: опять от радости ошалел и про Валю забыл! Он пробрался сквозь толпу ребят и девушек, взял Валю за руку.

— Ты, Валь, не думай, я так это...

— Ладно уж, знаю я тебя,— с необычной покорностью сказала Валя и безропотно пошла танцевать.

Ее покорность и непонятная грусть поразила Валентина. Было шумно и весело, однако музыка, смех и крики доходили словно издалека, сквозь прозрачную, но глухую стену. Все его мысли были теперь об одном: скоро вызовут в военное училище, впереди — полеты на истребителях или скоростных бомбардировщиках, в общем — настоящая жизнь. А Валя?

И когда далеко за полночь вечер кончился и все вышли на мокрую по-весеннему улицу, он вдруг притянул Валино лицо к себе и поцеловал в щеку. Валя ахнула, закрылась ладонями. А Валентин сказал:

— Завтра пойдем распишемся, а потом будем ждать вызова в летную школу. Через год закончу ее и приеду за тобой. Ты только жди, ладно?

Валя в темноте прижалась к нему, едва слышно выдохнула:

— Буду ждать хоть всю жизнь.

Валя, может быть, сказала это просто, как говорят всегда в таких случаях. И он воспринял ее слова тоже как само собой разумеющиеся и обычные. Разве они могли тогда знать, что ей и правда придется ждать его всю жизнь?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Прошло несколько дней с того памятного вылета в район Каховки, а Валентин все никак не мог успокоиться и войти в колею. Он не хотел мириться с мыслью, что штурман Чесноков погиб и что боевая испытанная машина сгорела в степи.

Летчики полка вылетали на боевые задания по четыре раза в сутки. Командир звена Гаврыш, летчики Проценко и Костин почти не вылезали из кабины самолета. Спали урывками в тесном помещении на КП эскадрильи или прямо в каптерках на моторных чехлах. И так только механики заканчивали подготовку машин к боевому вылету, летный состав занимал свои места и летел к приближающемуся фронту. Изможденные механики и вооруженцы плотно набивались в каптерки, нещадно дымили папиросками, чтобы разогнать сон, но не могли побороть усталость и застыли намертво. Спали до тех пор, пока дежурный по эскадрилье не будил их громким криком:

— Вставай встречать машины!

Валентин видел все это, удивлялся самоотверженной работе летного и технического состава и тем более переживал свой, как он думал, курортный отпуск. Он хлопотал по эскадрильным делам, провожал экипажи на боевые вылеты, составлял донесения и требования, ругался с неповоротливыми завскладами. Дел хватало, подчас некогда было сбегать в столовую и поесть. И все-таки он считал, что все это не дела, все это лишь крохотная доля того, что он должен сейчас делать. Главное — летать, бить врага, он же летчик, боевой летчик, а не штабист!

Осиротевшие члены экипажа ходили за ним по пятам, а механик Заровный своим нытьем прямо-таки рвал душу.

— Ну товарищ лейтенант, ну попросите в полку, может, какая завалященькая машинка найдется, а? Мы бы ее отделали, как конфетку.

— А идите-ка вы, братаны, к черту, без вас тошно,— отмахивался Валентин.

Стрелкам и механику ничего не оставалось делать,

как идти на стоянку эскадрильи и там помогать другим экипажам готовить бомбардировщики к полетам.

В один из особенно тяжелых и хмурых дней в конце октября Валентин проводил на боевое задание звено Гаврыша и, вернувшись на КП эскадрильи, стал просматривать составленное писарем донесение о боевых потерях в эскадрилье за сентябрь. Писарь не ошибся, все точно. За месяц в первой эскадрилье сбиты три машины: одна упала за линией фронта, в тылу у немцев, две другие сгорели на нашей территории. Из этих двух — одна лейтенанта Ситнова. Экипаж той, что упала за линией фронта, с боевого задания не вернулся, из экипажа другого самолета погиб стрелок, из третьей...

Валентин прочитал: «При выполнении боевого задания погиб смертью храбрых штурман, заместитель командира эскадрильи лейтенант Чесноков».

Резким росчерком остро отточенного карандаша, так, что порвалась бумага, Валентин зачеркнул эти строчки и с внезапной злобой крикнул писарю:

— Перепиши еще раз! Бумажная твоя душа!

Сержант Распопов в растерянности встал, округлившимися глазами посмотрел на рваный листок бумаги, обидчиво дрогнул губами.

— Товарищ старший лейтенант, я все правильно написал...

Валентина ударило в пот, вспышка гнева прошла так же мгновенно, как и возникла. Черт возьми, тут с ума сойдешь. Трудно подписывать такие донесения, ой, как трудно. За каждой цифрой, за каждой фамилией встают живые люди, дорогие товарищи и друзья, с которыми за годы службы в полку по-настоящему сроднился.

— Ты, сержант, не сердись на меня. Понимаешь, такие дела...

Валентин вытер потный лоб ладонью, поглядел на Распопова. Тот хмуро, но не обидчиво посмотрел навстречу, чуть улыбнулся.

— Я не сержусь, товарищ старший лейтенант, чего уж тут, я понимаю. Напишу, что Чесноков не вернулся с боевого задания.

Валентин кивнул и внимательно посмотрел на писаря. Почему он в звании повысил? Что за лакейское усердие?

— Приказ из армии пришел, товарищ старший лейтенант, — растянув рот до ушей, сказал наконец Распопов.— Почитайте-ка сами, товарищ старший лейтенант.

Это был приказ о присвоении очередных воинских званий. Валентин пробежал глазами отпечатанные на машинке строчки, взгляд споткнулся на фамилии «Ситнов». И только потом заметил повыше: «Присвоить звание старшего лейтенанта...»

Валентин невольно покосился на воротник гимнастерки, сейчас же вспомнил, что потихоньку посмеивался над Кукишевым за это же самое, и прогнал с лица улыбку. Писарь уже протягивал на ладони два красных кубика — и где, чертяка, успел раздобыть?

— Давайте, я привинчу, товарищ старший лейтенант, самим-то вам неловко, гимнастерку сымать надо...

Валентин только крякнул, но послушно подставил воротник писарю.

Вечером, когда летный состав получил возможность отдохнуть от боевых вылетов, в полковой столовой собрались все «именинники».

Подняли стаканы с молодым виноградным вином, пожали друг другу руки. Валентин встал, налил лишний стакан, поставил его посреди стола и легонько стукнул о его край своим стаканом.

— Поздравляю, старший лейтенант Чесноков, с присвоением очередного воинского звания... И вообще за тех, кто в полете!

В молчании товарищи выпили вино, с минуту еще постояли.

В столовую быстро вошел писарь полка старшина Антоненко.

— Командира эскадрильи и комиссара к командиру полка!

Квасников и капитан Цейгин переглянулись, отодвинули тарелки и торопливо вышли из столовой.

— Что случилось, старшина? — спросил Валентин.

У Антоненко необычно вытянулось лицо, глаза странно побелели.

— Немцы заняли станцию Ишунь, товарищ старший лейтенант. Приказано готовиться к перебазированию...

Писарь сказал это излишне таинственно, с испугом, но и без того одно слово Ишунь говорило очень многое. Станция Ишунь — это значит перерезана железнодорожная линия Джанкой—Херсон, это значит — немцы уже в Крыму.

Стало ясно, что нельзя терять ни минуты, нужно сейчас же готовить имущество к эвакуации.

— Что ж, братаны, айда к своим машинам. Готовьтесь к боевым вылетам, как обычно, механики пусть прикинут, что необходимо взять с собой на другой аэродром,— сказал Валентин и вместе со всеми вышел из столовой.

Капитан Цейгин пробыл у командира полка недолго. Он вернулся на КП эскадрильи озабоченный.

— Ситнов, садись и слушай. Обстановка серьезная. Приказано перебазироваться на кубанский аэродром, но боевых вылетов не прекращать... — между бровей капитана встала глубокая вертикальная складка. — Ко-

миссар займется подготовкой к эвакуации, а тебе, пока техники собирают имущество, срочно надо лететь на задание. Все подготовленные машины сейчас же подними в район станции Ишунь. Там фашисты сосредоточили несколько дальнобойных батарей. Нашей эскадрилье поручается отыскать эти батареи и подавить.

Валентин смутился, развел руками.

— Товарищ командир, но у меня...

Капитан Цейгин устало улыбнулся:

— В третьей эскадрилье произошло перемещение личного состава. Для тебя высвободилась машина. Штурман — старший лейтенант Каблуков. Сейчас же посылай Заровного принимать самолет.

— Есть, есть! — Валентин выскочил из КП и отыскал членов своего экипажа.

Спустя час старенький «ДБ-3а», постреливая моторами, лег курсом на Крымский перешеек.

Батареи дальнобойной артиллерии противника были подавлены с двух заходов. Штурман Каблуков оказался настоящим снайпером бомбометания, а бомбардировщик неплохо переносил сумасшедшие нагрузки, скрипел узлами, дрожал крыльями, но неизменно выходил из пике в целости.

В течение следующих трех дней Валентин, не жалея себя и экипаж, не думая об усталости, делал вылет за вылетом днем и ночью, сбрасывая на фашистские войска каждый раз по полторы тонны бомб, и сожалел о своей сгоревшей машине, которая безотказно поднимала до двух тонн груза.

Казалось бы, самоотверженная работа летчиков, стойкость артиллеристов и пехотинцев обязательно должны были остановить наступление немцев, задержать их у легендарного Перекопа. Но однажды, пролетая над перешейком, Валентин увидел на земле клубы

дыма и пыли, а в степи ползущие в трех направлениях зелено-пятнистые колонны танков. Танки ползли на юг — к Симферополю, на восток — к Керчи и на юго-восток — к Феодосии. Значит, немцы все-таки прорвались в Крым. Сбросив бомбы на одну из колонн, Валентин примчался на свой аэродром за боевым грузом.

Но здесь уже стало известно о прорыве немцев у Перекопа. В поместительные зеленые «Дугласы» спешно грузили имущество полка.

— Старший лейтенант Ситнов! — непривычно строго, с официальной сухостью обратился к Валентину капитан Цейгин. — Вам поручается ответственное задание. Поведете отряд транспортных самолетов на новый аэродром. Штурман пусть получит координаты и ориентиры. Прикрытия истребителей не будет, глядите в оба. Со мной полетят остальные бомбардировщики эскадрильи. Отбомбимся по танкам противника и на посадку придем на новый аэродром. Все ясно?

Перед вылетом, пока заправляли баки горючим, Валентин успел прочитать только что полученное письмо. Оно было из Сыресева. Жена сообщала, что после долгих мытарств на железной дороге и на попутных машинах до Сыресева добрались благополучно. Начала работать в колхозе. Валерка здоров. Удивительно тихо здесь: ни гула самолетов, ни грохота бомбежек. Отец приписал: пусть Валентин не беспокоится о жене и сыне, сберегут до его возвращения.

От письма пахнуло родиной, ароматом свежего хлеба и лугового сена. Родные приволжские края, земля детства и первых радостей...

Тяжело нагруженные «Дугласы» поднялись в воздух вслед за бомбардировщиком Валентина и пристроились чуть сзади треугольником. Валентин сбавил скорость, чтобы тихоходные «Дугласы» не отставали, сде-

8 Заказ 6670

лал прощальный круг над аэродромом. Сверху было видно, как с севера и востока, из степи, к аэродрому движутся длинные полосы пыли: ясно — немецкие мотоциклисты и танки приближаются к авиагородку.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

...Лето на Северном Кавказе приходит рано. Уже в мае весенняя свежесть полей и лесов в предгорьях уступает место летнему зною, а в июне палящее солнце иссушает травы в степи, заволакивает небо и дали желтой полупрозрачной дымкой, и становится трудно дышать. Но сегодня нежданный дождь смирил зной, умыл листву деревьев, напитал воздух мягкой влагой.

Вернувшись с боевого задания, Валентин перебежал под дождем поле аэродрома и зашел в приземистую глинобитную мазанку. Здесь помещался командный пункт эскадрильи.

Середина дня, но в тесной мазанке полутемно. В углах комнаты прячутся мохнатые неподвижные тени. За маленьким оконцем по листве тополей весело шелестит теплый дождь.

Валентин зажег самодельную лампешку. Пары горящего бензина скудно осветили стол, листок блокнота с типографским грифом в левом верхнем углу: «Командир эскадрильи».

Надо было кое-что записать, пока Заровный готовил машину к очередному вылету.

Но о чем писать? Столько событий случилось за прошедшие зиму и весну, что обо всем на бумаге не расскажешь.

Оставив Крым, бомбардировочный полк в течение зимы сорок первого—сорок второго годов сменил не-

сколько аэродромов: немецкие войска наступали. Несмотря на постоянные перебазировки, летали много, до полного изнеможения. На бомбежку тылов противника вылетали каждый день, а иногда и не по одному разу.

Наконец немецко-фашистские войска потерпели поражение под Москвой и откатились назад на добрую сотню километров. Повеселели люди — военные и гражданские, повысилось мастерство войск, а война стала привычной, хотя неприятной и тяжелой работой.

С весны сорок второго года фашисты опять оживились. Вылетая на разведку в глубокий тыл врага, Валентин замечал скопления живой силы, танков, автомашин и артиллерии противника восточнее Ростова, Шахт и Миллерова. По всей видимости, гитлеровцы готовили удар в направлении Северного Кавказа и Волги. А судя по количеству боевой техники и войск, фашисты хотели одним стремительным броском сбить обороняющиеся советские войска и выйти к предгорьям Кавказа и Большой излучине Дона.

Это предположение оправдалось. Всего месяц назад немцы развернули наступление и двумя бронированными группировками устремились в глубь степей. Летчики полка закрутились в сумасшедшем вихре почти круглосуточных полетов: чуть-чуть спали, потом взлетали, бомбили танковые колонны немцев на марше, опять садились, вздремывали тут же, на стоянках самолетов, завернувшись в моторные чехлы, спали так, что не слышали рева моторов над головой, полусонные садились в кабины и только тогда окончательно приходили в себя. В эти трудные дни капитан Цейгин получил звание майора и был переведен на должность заместителя командира полка, а Валентин принял под свое командование первую эскадрилью.

И вот теперь немецкие войска вышли к Волге, подступили к Майкопу... Много, ой, как много еще впереди боев и бессонных тревожных ночей! Горько на душе от поражений и потерь. И кажется, что в тесной комнатушке КП щедро разлита горечь степной полыни...

Валентин попил воды, опять сел за стол и устало оперся щекой на руку. Щетина на щеках уколола кожу. Решил побриться. Достал из чемодана бритвенный прибор, зеркальце со спичечный коробок величиной, посмотрел на себя и присвистнул: заросшее белесой щетиной лицо осунулось, глаза ввалились, лоб и щеки, нос и подбородок обожжены солнцем, вообще лицо стало каким-то незнакомым. Своими Валентин признал лишь сильно выпирающие скулы да оттопыренные уши. Странно, он никогда прежде не замечал, что уши у него оттопыриваются, как две розовые раковины.

Вздохнул, покачал головой, пробормотал: «Эх, Волька, Волька, и мать родная тебя не узнала бы сейчас!» Потом налил холодной воды в стаканчик и стал разводить мыло.

Добривать щеки пришлось чуть ли не на ходу. Зазуммерил полевой телефон. Вызывали к командиру полка. Кое-как доскоблив щеки и сполоснув их водой, выбежал на пустынную улицу станицы.

На командном пункте Валентина встретили загадочным молчанием. Писарь Антоненко подмигнул, смешно надул щеки, задрал кверху нос. Заместитель командира полка майор Цейгин крепко пожал руку, потянул к двери в кабинет подполковника Большакова.

— Пойдем, капитан, смелей!

Валентин подумал, что такая встреча сулит что-то необычное, но что — так и не угадал. Подполковник Большаков, ласково щуря глаза и улыбаясь, встал из-за стола, взял в руки газету.

— Капитан Ситнов, смирно! Слушайте Указ Президиума Верховного Совета Союза СССР!

Сердце у Валентина горячо ворохнулось и замерло. Майор Цейгин тоже встал по стойке «смирно», но с усмешкой скосил глаза на дверь, откуда выглядывала ухмыляющаяся физиономия Антоненко.

— «Указ Президиума Верховного Совета... За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество и геройство присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда Ситнову Валентину Егоровичу... Председатель президиума... Калинин, секретарь... Горкин. Москва, 20 июня 1942 года.» Вольно!

Командир полка положил газету, вышел из-за стола и схватил Валентина за плечи.

— Поздравляю, сынок, поздравляю от имени командования полка и от своего имени! Достоин, капитан Ситнов, достоин такой награды!

Из крепких рук командира полка Валентин попал в руки майора Цейгина, а потом его поздравляли и обнимали неведомо откуда появившиеся техники, летчики и штурманы.

— Ну, Герой, такая радость в жизни однажды бывает! — сказал начальник строевого отдела старший лейтенант Поддубный.

— Какой я Герой,— возразил Валентин и почувствовал, как щеки наливаются предательской краской, а голос дрожит от радости.

— Брось прибедняться, капитан!

Командир полка в это время что-то неторопливо подписал, положил ручку на стол.

— Что ж, Ситнов, готовься в дорогу. Жаль, командира второй эскадрильи капитана Гаврыша сейчас нет.

Вместе полетите в Москву за новой материальной частью и, кстати, получите в Кремле награды.

— Гаврышу тоже присвоили? А кому еще, товарищ подполковник, разрешите узнать,— спросил Валентин.

— Ну, теперь у нас в полку сразу три Героя: ты, Гаврыш и Алексеев. Доволен?

— Еще бы, товарищ подполковник!

Немножко шальной от счастья, вышел Валентин от командира полка и, пока писарь оформлял командировку в Москву, присел к столу начальника строевого отдела. Тот подсунул какой-то лист бумаги.

— На-ка, Герой, почитай копию наградного листа. Читай, читай, увидишь, сколько нам пришлось постараться для тебя.

Валентин взял лист и с чувством недоверия с интересом прочитал описание боевых вылетов, как будто читал не о себе, а о ком-то очень знакомом. В наградном листе перечислялись боевые вылеты на Плоешти, Бухарест, под Киев, Кировоград, Днепропетровск, Ишунь, под Керчь и Феодосию... Все это уже наполовину забылось, стало далеким, а теперь отчетливо и ярко всплывало в памяти. Ничего не упустили — вот что удивительно. Никогда Валентин не думал, что в годину бедствий каждый его боевой вылет, каждый даже малый успех регистрируется, остается в доброй памяти и приказах командования.

На следующее утро Валентин встретился с новыми Героями дивизии у транспортного самолета. Гаврыш и Алексеев приоделись в кожаные регланы, надели новые фуражки и хромовые сапоги. Вместе с ними в самолет поднялся и незнакомый капитан с сильным, чуть раздвоенным подбородком, прямым носом и пронзительными глазами в сетке морщин.

— Павел Таран, — знакомясь, сказал капитан и при-

стально, словно стараясь надолго запомнить лицо, посмотрел на Валентина.

Транспортный «ПС-84» вместил нескольких летчиков и механиков, которые тоже летели в Москву получать новые самолеты, и какой-то груз в ящиках. Закрылась дверца в фюзеляже, гулко, как в пароходном трюме, забухали моторы, а за оконцами побежала назад желтая трава аэродрома. А вот и последние толчки, секунды привычной тяжести на подъеме, и самолет уже повис над широкой степью...

...Ни с чем не сравнимо чувство свободного полета. Если ты даже просто воздушный пассажир, озабоченный тем, как бы скорее добраться до места назначения, ты все равно будешь охвачен необыкновенным чувством, будешь неотрывно смотреть через борт машины или в иллюминаторы вниз, на далекую землю с темными и желтыми полосами полей, с пятнами лесов, неровными квадратами городов и деревень. И потом долго еще будешь вспоминать свой первый полет и с восторгом рассказывать о нем друзьям, родным и знакомым. Это если ты просто пассажир...

Но если ты сам ведешь чудо-птицу, если под ногами у тебя чуткие педали руля поворотов, а пальцы крепко сжали ручку управления, если в твоей воле то взмыть в голубизну неба, то ринуться вниз и вдруг выровнять машину над самой землей, так что в глазах замелькают огненные круги, в общем, если ты хозяин своего полета,— нет для тебя выше счастья.

Валентин чуть двинул ручку влево, слегка нажал левую педаль. Послушный «У-2» накренился, сделал левый разворот. Вновь открылась взгляду широкая лента Оки с синим весенним льдом, поплыли назад заросшие

красно-зеленым кустарником острова, промелькнули разноцветные крыши поселка. И сейчас же распахнулось желтое от прошлогодней жухлой травы летное поле.

Легкая машина послушно прошла над северной границей аэродрома. Валентин оглядел посадочную площадку: кроме постоянного знака «Т», никаких сигналов не было. Вот от кучки людей возле автомашины отделилась юркая фигурка, махнула рукой в сторону Оки. Ясно, разрешает идти в зону. «Что ж, держись теперь, Волька! Собери всю волю, все уменье, решается твоя судьба».

Прежде всего надо было набрать высоту, а потом уже и крутить фигуры.

Валентин двинул сектор газа вперед, немного выждал, пока мотор не набрал силу, и потянул ручку на себя. Ветер, плотный, как вода, ударил в прозрачный козырек перед лицом, засвистел в расчалках, ткнулся в уши. Перед носом машины заголубела пустота, горизонт повалился вниз. Самолет сначала как будто встал на хвост, уперся в голубую стенку и совсем перестал двигаться. Валентин глянул через борт кабины влево. Позади крыла, далеко-далеко внизу, мельтешило желто-полосатое пятно. Земля.

Оттого, что машина слушается его беспрекословно, от необычайной легкости во всем теле, от радостного сознания своего могущества Валентин засмеялся и запел.

И пока руки и ноги автоматически двигали рулями, а машина небыстро плыла над сизой лентой Оки, набирая высоту, песня не умолкала. Припомнился жаркий июльский день далекого деревенского детства, когда увидел первый раз в жизни удивительную птицу — аэроплан. Да разве смел он тогда думать, что пройдет семь-

восемь лет, и диковинная машина станет послушной и понятной до самого последнего винтика! Где ты, Санька Мельков, где вы, братаны? Посмотрите-ка: Волька летит. Во-олька!..

Как струны, звенели ленты расчалок между крыльями, победно и ровно гудел на больших оборотах стодвадцатипятисильный мотор. Валентин бросил машину в штопор, плавно вышел из него, взмыл к небу, сделал переворот через крыло и развернулся к границе зоны. Положенный набор фигур был выполнен. Чем послушнее машина выполняла его волю, тем больше крепла уверенность, что летать он может и летать будет, и опять-таки тем лучше выходили фигуры высшего пилотажа. Ему теперь казалось, что он всегда, от самого рождения умел летать, как те птицы, которым он дивился мальчишкой. Леталось легко, свободно, без напряжения и скованности. Так и летал бы до самого вечера, но дисциплина есть дисциплина, и Валентин пошел на посадку.

Когда он приземлился и подрулил к старту, к машине подбежали курсанты. Они взялись за концы крыльев, помогли развернуть машину. Валентин вылез из кабины, соскочил с крыла на траву аэродрома.

— Здóрово! — негромко крикнул ему один курсант и вытянул кверху большой палец.— Здорово у тебя выходило!

Валентин быстро подошел, почти подбежал к начальнику летной подготовки, отрапортовал.

Тюба серьезно откозырял, напружинив скулы, но глаза выдали его: в уголках глаз собрались веселые морщинки.

— Поздравляю вас, товарищ курсант, с выполнением задания! — и уже просто, по-товарищески добавил:— Хорошо, Ситнов, вижу, что и на боевой машине

полетишь, как бог. Главное, ты самолет чувствуешь, а это все. Отдыхай, пока комиссия решает.

Инструктор Женя Маркин, как только Тюба отошел к столу экзаменационной комиссии, обвил Валентина длинными и гибкими, как веревки, руками.

— Спасибо, Ситнов, что не подвел. Очень хорошо летал, хоть бы как и я сам.

Он торопливо хлопнул Валентина по плечу, отбежал к машине и крикнул:

— Курсант Зеленцов, к полету!

Метрах в двадцати от крытой машины, где пристроились на самом солнцепеке за шатким столиком члены комиссии, в затишке возле дремлющей «скорой помощи» расселись прямо на траве ожидающие своей очереди курсанты. Все они были в серых комбинезонах, в кожаных шлемах с овальными очками на лбу. Валентин не торопясь подошел к ним.

— Поздравляю, Валь, хорошо вел машину, как будто сто лет летаешь, — сказал Сергей Лесков. — Особенно чисто из штопора вышел, как по маслу соскользнул.

— Счастливчик, — вздохнула высокая и беловолосая Лида Тарасова, — отлетался уже. А нам еще ждать да ждать.

Валентин с трудом сдерживал радостное возбуждение. В нем все пело от гордости. Но он неторопливо закурил, с усмешкой сказал:

— Велико счастье, что отлетался. Я бы еще сто раз слетал, да не дают.

Довольный зачетными полетами, Тюба сделался разговорчивым и веселым. Таким он бывал нечасто. Валентин запомнил его жестким, требовательным, даже иногда излишне требовательным службистом. Еще не забылся тот случай, когда приказом этого самого Тюбы Валентин был отстранен от полетов. Впрочем — за дело.

Это случилось в прошлом году в конце лета. Свершилось великое: Валентин впервые слетал без инструктора за спиной. Самостоятельный вылет! Он на всю жизнь остается в памяти каждого летчика. Он опьяняет сердце и нервы, он навеки пробуждает в человеке великую страсть авиатора.

И вот после такого события ребята из общежития встретили Валентина восторженными возгласами и рукопожатиями до боли. Посыпались предложения отметить этот день как положено — с вином и закуской. Валентин не посмел отказать друзьям. Зато на следующее утро приехал на аэродром весь разбитый, с тяжелой головой и смрадным дыханием.

Как на грех, Тюба решил похвастаться перед начальником аэроклуба успехами своих учеников.

— Курсант Ситнов, три шага вперед!

Плохо соображая, что к чему, Валентин подошел к Тюбе, приложил руку к шлему...

И что же тут началось!

Тюба, как гончая, втянул воздух носом, фыркнул и неестественно тонким голосом завопил:

— Пи-и-ил, мерзавец? Перед поле-етами пи-ил? Во-он отсюда-а! Две недели без полето-ов!

Валентин, как ошпаренный, отскочил от взбешенного начальника летной части и постарался затеряться в толпе курсантов. А Тюба еще долго лютовал, да так и не успокоился до вечера...

Валентин поглядел в иллюминатор. Внизу, в окна между облаками, были видны поля, потом потянулись пригороды какого-то большого города.

Много же воды утекло с тех пор, как закончены аэроклуб, летное училище.

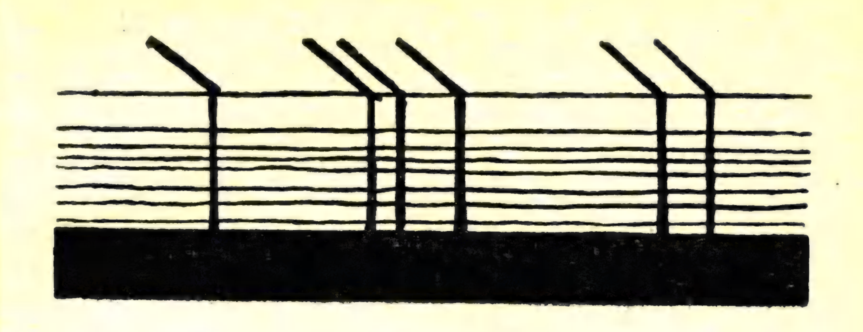
Валентин выбрал бомбардировочную авиацию: его привлекла мощь, красота очертаний и стремительность скоростных бомбардировщиков.

...А вот теперь... Подумать только: Герой Советского Союза! Один из немногих в полку. Спасибо командованию, спасибо Родине, что заметили его работу и оценили так высоко. Почти с первых дней в боях! Уже можно подвести кое-какие итоги и сказать себе: да, я не прятался в трудную минуту в кусты, не дорожил своей жизнью ради жизни многих, ради Советской Родины. Трудная была жизнь, опасная работа. И все-таки не надо иной судьбы!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

С начала летнего немецкого наступления на Курской дуге гул самолетов на аэродроме не затихал ни на минуту. Количество боевых вылетов с каждым днем увеличивалось, и воздух словно загустел от самолетов, немецких и наших. У немцев появились новые истребители — модернизированные «Фокке-Вульф-190», с усиленным вооружением, маневренные и быстроходные. И, хотя превосходство в воздухе скоро было прочно завоевано советскими истребителями, бомбардировщикам приходилось быть все время начеку.

В эти трудные дни на полк обрушилась серия тяжких бед. Увеличились потери личного состава и самолетов. Одной из первых тяжелых потерь была гибель Героя Советского Союза Алексеева. Не успел личный состав пережить это горе, как из района станции Мокрая сперва не вернулся экипаж старшего лейтенанта Заборова, потом командира звена капитана Костина и, наконец, капитана Проценко, с которым погиб и воздушный стрелок младший лейтенант Кукишев.

О зенитной артиллерии противника и истребительном прикрытии в районе станции Мокрой в полку пошла недобрая слава. Молодые летчики вылетали на боевые задания в этот район без энтузиазма, заметно подавленные нехорошими предчувствиями. Наконец, когда лейтенант Марченко и младший лейтенант Черепанов из первой эскадрильи вернулись с боевого вылета, не выполнив задания,— сбросили бомбы, не долетая до цели, Валентин пришел в кабинет вновь назначенного командира полка подполковника Гусарова.

— Товарищ командир полка, разрешите мне самому слетать на задание в район Мокрой. Хочу посмотреть, что это за орешек такой.

— Надеетесь раскусить?

— Надеюсь, товарищ подполковник. При всех условиях задание будет выполнено!

— Ого, не слишком ли самоуверенно, капитан Ситнов?

Командир полка нахмурился, посмотрел на начальника штаба майора Алехина так, словно ожидал от него подтверждения слов Валентина. Алехин шевельнул тонкими бровями, спросил:

— Как думаешь, Ситнов, провести вылет? Район Мокрой изучил?

Валентин, стараясь говорить убедительно, разложил на столе карту и пояснил:

— Вылетим всей эскадрильей, восемь машин. Станция Мокрая—вот она, подходы знакомы. А вот тут у фашистов установлены зенитные батареи, и вот тут, и вот тут... Думаю, тройку самолетов бросить на них, а с остальными обрушиться на противника. План налета обсудили с экипажами эскадрильи еще вчера. Разрешите, товарищ подполковник?

— Большой риск, — потирая подбородок, проворчал

командир полка,— а Героев Советского Союза у нас в полку не без счета. Одного уже потеряли...

— Так что же мне теперь, в капонире прятаться?

Валентин резко убрал карту в планшет. Подполковник Гусаров хлопнул ладонью по столу. Стакан с карандашами упал на пол и разбился.

— Пусть будет так, лети, упрямец!

...Был чудесный июньский вечер, когда Валентин поднялся в воздух. С ним летели штурман майор Каблуков, стрелок-радист лейтенант Старостин и воздушный стрелок старшина Уханов. Старшина стал летать в его экипаже с осени сорок второго года, когда Кукишев был переведен на машину Проценко. Немногословный увалень, Уханов был незаметен на земле, но заслужил добрую славу меткого стрелка в воздухе. Он уже не раз спасал бомбардировщик, отбивая из своего пулемета атаки немецких истребителей, заходивших в хвост. В воздушных боях он сбил два немецких самолета и получил орден Красного Знамени.

Валентин сделал круг над аэродромом, подождал, когда к его машине пристроятся другие самолеты, и повел эскадрилью на запад. Наверху было совсем светло и солнечно. Прозрачные хлопья облаков цеплялись за консоли крыльев, словно удерживали, не хотели пустить машину в опасный полет. Но они не в силах были задержать скоростной самолет, и отрывались, исчезали позади.

По земле длинными седыми космами стлалась пыль; в стороне от магистрального шоссе горели фашистские и советские танки, черными столбами дыма отмечая путь отступления противника. Немецко-фашистские войска откатывались к Донбассу. Горизонт над степью был затянут желтоватой дымкой то ли пожаров, то ли мутного пропыленного марева.

9 Заказ 6670

Вскоре штурман Каблуков доложил, что до цели осталось пять минут полета. Валентин посмотрел на приборную доску: высота — две тысячи метров, скорость — четыреста пятьдесят километров.

Внизу показались первые квадраты приаэродромных зданий. Немецкие самолеты были едва различимы под маскировочными сетями. Мелькнула мысль: «Самолеты на месте, это славно. А где же страшный зенитный огонь, о котором так много болтали в последнее время?»

И как будто в ответ на этот вопрос штурман Каблуков предостерегающе крикнул:

— Командир, «Мессеры»!

Валентин поглядел вверх: из курчавого облака с серебристыми краями на эскадрилью пикировали фашистские истребители. Узкие, длинные, точно торпеды, с обрубленными консолями крыльев, они стремительно прошли над бомбардировщиками, позади развернулись, стали набирать высоту. Так вот почему молчат зенитки: боятся задеть своих!

Валентин глянул вправо-влево. Машины его эскадрильи, чуть переваливаясь с крыла на крыло, следовали немного позади. Пока никто из летчиков не дрогнул, не свернул в сторону от курса. В наушниках шлемофона раздалось:

— Я «Орел», я «Орел»! Слева «Мессеры», атакую!

Это советские истребители сопровождения вступили в бой с фашистами. На них можно положиться, и Валентин прибавил газу, начиная разворот. Надо было скорее выводить машины на цель.

И вдруг он заметил, что «тридцатка» младшего лейтенанта Тюльникова сваливается влево, к земле, и почти тотчас же увидел еще одну группу истребителей противника. Это были «Фокке-Вульф-190». Советские «Яки»

продолжали бой с «Мессершмидтами», и Валентин понял, что его эскадрилья должна позаботиться о себе сама.

— Внимание, от солнца атакуют «Фоки»! Внимание, захожу на цель! Следуйте за мной! Стрелкам прикрыть огнем!

Валентин бросил свой самолет вниз, на аэродром противника. Земля вздыбилась, угрожающе кинулась в глаза.

— Штурман, готовьсь!

— Туго, командир, наседают! — крикнул лейтенант Старостин и сейчас же захлебнулся, смолк.

На высоте триста метров Валентин вывел бомбардировщик из пике, и в этот момент штурман весело воскликнул:

— Ага, черти, попало!

Заходя на второй круг, Валентин огляделся. Летчики его эскадрильи кружились над объектом, аэродром противника заволакивался дымом. Воздушные стрелки отбивались от наседавших «Фокке-Вульфов».

— Командир, доверни полтора градуса! Так, хорошо! Бросаю!

Воздушный бой и налет на аэродром заняли немного времени. На глаз Валентин определил, что на аэродроме уничтожено не меньше пятнадцати самолетов противника, подожжены ангары и еще какие-то строения. Задание было выполнено. Он отдал приказ ложиться на обратный курс. И в это мгновение машину сильно тряхнуло, пламя багряными лентами затрепетало над левым крылом. Тотчас же жирный дым закоптил кабину, а вскоре огонь охватил всю плоскость и подобрался к фюзеляжу.

Валентин отжал штурвал от себя, бросил машину на скольжение, стараясь сбить пламя, потом рванулся

в облака. Однако пламя погасить не удалось. Машина неровно, рывками пошла книзу. Моторы захлебывались, вот-вот взорвутся бензобаки...

— Прыгать, всем прыгать! — крикнул Валентин, пытаясь набрать хоть сколько-нибудь высоты. Стало ясно, что машину спасти не удастся, до линии фронта тоже не дотянуть. А самолет уже потерял управление и стал заваливаться на левое крыло. Огромная, широко распахнутая желто-зеленая степь, казалось, перевернулась и падает сверху на самолет. Валентин услышал голос штурмана:

— Скорей, командир!

И в наушниках все смолкло.

Валентин с трудом освободился от ремней, задыхаясь от дыма, вывалился на крыло и соскользнул в пустоту. Он горел факелом, грудь и руки невыносимо жгло. Падение сбило пламя. В полубеспамятстве Валентин дернул вытяжное кольцо парашюта и, как ему показалось, почти сейчас же ударился о землю. Но, по-видимому, прошло какое-то время, когда он был без сознания, потому что, очнувшись, он увидел, что ветром его отнесло далеко от места падения самолета. Его машина чадно горела на той стороне степной балки.

Освободившись от парашюта, он некоторое время пытался погасить тлеющий мех комбинезона, обожженными руками отрывая клочья материи, потом догадался скинуть комбинезон совсем.

Неподалеку находилось какое-то селение. Высокий, как египетская пирамида, террикон указывал, что это шахтерский поселок. От окраинных домиков туда, где горел бомбардировщик, теперь мчались два мотоцикла с колясками. Ясно, что мотоциклисты обрыщут всю степь, все балки вокруг поселка, когда не обнаружат возле самолета трупов экипажа.

Валентин наскоро закидал парашют и комбинезон наломанными ветками и оврагом стал уходить подальше от этого места. По странной случайности на запястье левой руки уцелели часы. Но стрелки не двигались: часы остановились в 21 час 35 минут. Очевидно, это и был момент, когда он ударился о землю.

Уже свечерело. Пробираясь оврагом, Валентин опять оказался на окраине поселка. Это была неприятная неожиданность. В поселке могли встретиться фашисты и тогда... Он достал из кобуры пистолет, щелкнул затвором.

Совсем рядом позади кто-то ахнул. Валентин мгновенно обернулся, вскинул пистолет: у родника с ведрами и коромыслом в руках стояла женщина и с ужасом глядела на него. Темный платок на голове и худые серые щеки делали ее старухой.

Времени терять было нельзя. Спрятав пистолет, Валентин опустился на траву, махнул женщине рукой.

Женщина поставила у родника ведра и коромысло, подбежала к Валентину и тихонько запричитала:

— Боже мой, да что же это такое делается на белом свете! Ой же, как ты обгорел, лышеньки мои...

— Мне надо к своим... — с трудом выговорил Валентин. — Как вас зовут?

— А Чехова я, Екатерина Чехова, недалеко тут живу, с краю... Я видела, как вы с ихними самолетами бились. Потом немцы двух летчиков в поселок привезли. Только сгоревшие совсем, неживые...

«Значит, Старостин и Уханов, бедняги, — с горечью подумал Валентин. — А Каблуков?»

— Больше никого не привезли?

— Никого, сынок, никого окромя.

— Пить дайте...

Женщина сходила к роднику и вернулась с ведром.

Она опустилась на колени, дала напиться, полила на обожженные руки, на грудь, плеснула с ладони в лицо.

— Хорошо, хорошо... Спасибо вам... Слушайте, я вам верю. Буду пробиваться к своим, могут схватить или убьют... Вот возьмите и спрячьте. Буду жив — вернусь за ними, а погибну — перешлете родным по адресу в блокноте. Спрячьте.

Валентин снял с гимнастерки ордена, Золотую Звезду — не успел сдать адъютанту эскадрильи перед вылетом — и вместе с командирской книжкой и блокнотом засунул их в обгоревший планшет.

— Возьмите.

Женщина в обе руки приняла планшет, в ее глазах заблестели слезы.

— Куда же ты теперь? Оставайся у меня, укрою.

— Нельзя, мать, нельзя, пробьюсь и опять воевать буду. Прощай, мать, береги планшет!

Валентин направился было в глубь оврага, но вдруг решительно вернулся, вынул из планшета звезду Героя.

— Она мне будет как компас, как путеводная звезда,— без улыбки глядя на желто-золотистые грани Звездочки, сказал он и побрел в кусты вдоль болотистого ручейка.

Почему он доверился этой чужой женщине? Он не знал, просто он поверил ей, как поверил бы почти любому советскому человеку в час испытаний.

Овраг повел его на восток. Когда балка, постепенно поднимаясь, вышла в степь, Валентин отыскал в небе Большую Медведицу и потащился в ночном сумраке туда, откуда раскатистым громом надвигался фронт.

Но далеко уйти ему не пришлось. Под утро, переходя придорожный кювет, он от слабости споткнулся, упал на жесткую траву обочины и ударился головой о булыжник.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Очнулся Валентин от боли в груди: кто-то схватил его за обгорелую гимнастерку и защемил обожженную кожу.

Было светло. Перед глазами мелькали ноги в тупоносых сапогах, он отчетливо разглядел короткое широкое голенище и сапожный шов сбоку. Гортанные резкие голоса были непривычны для слуха.

«Немцы!» — мелькнула мысль.

Еще не сознавая, что делает, он рванулся, ударил ногой по чужим сапогам...

— Mein Gott! (Боже мой!)

— Er ist am Leben! (Он живой!)

Фашист, который хотел обшарить его карманы, в испуге отскочил и свалился в кювет. Валентин попытался подняться, уперся руками в булыжник, но на него сейчас же навалились, скрутили за спиной руки, поставили на ноги и толкнули вперед. Машинально Валентин сделал несколько шагов; сзади опять толкнули, опять пробежал несколько шагов. «В плен? Это он, капитан Ситнов, летчик-Герой идет в плен? Он, который дал себе клятву, если придется решать: смерть или плен — выбрать смерть? Это его, Валентина Ситнова, гонят, как скотину? Ни за что!» И когда один из немцев хотел опять толкнуть в спину, ударил его ногой в пах. Немец взвыл, а на Валентина будто свалилось огромное бревно и снова швырнуло в пропасть...

Второй раз он пришел в себя оттого, что на него лили холодную воду. Открыл глаза, с жадностью слизал с губ капли влаги. Над головой было темное небо с множеством золотистых звездочек.

«Уже ночь?» — подумал он, но, присмотревшись, понял, что над ним не небо, а крыша с десятками дыро-

чек, сквозь которые пробиваются тонкие лучики солнца. В открытую дверь сарая тоже падал сноп солнечных лучей, и в сарае было достаточно светло.

— Komm her! (Иди сюда!) — раздался высокий тонкий голос.

Валентин повернул голову на голос и увидел немецкого офицера в фуражке с высоко вздернутой тульей, во френче, с крестом под кармашком. «Как на плакате, вылитый фашист», — Валентин приподнялся, чтобы встать: перед врагом надо стоять во весь рост. Он привалился спиной к стенке сарая и, тяжело дыша, отдыхал.

В двух шагах от него остановился невзрачный человечишка с испуганными голубыми глазами и нервным тонкогубым ртом. Он был одет в форму командира Красной Армии, на выгоревших петлицах гимнастерки темнели четырехугольники — следы от знаков различия лейтенанта.

Человечишка заговорил по-русски:

— Пан капитан, вы сейчас в немецком полевом штабе. Немецкий офицер предлагает вам отвечать на вопросы правдиво и точно.

Валентин, оторвавшись от стены, шагнул к переводчику. Тот отбежал к двери, но опять быстрой скороговоркой, точно хотел побыстрее выполнить свою обязанность, закричал:

— Не упирайтесь, пан капитан, будьте благоразумны! Немецкий оберст говорит, что вы будете с почетом отправлены в благоустроенный лагерь для военнопленных летчиков, если ответите на несколько вопросов. Герр оберст требует, чтобы вы ответили на следующие вопросы: какие части стоят на нашем участке фронта, какого вы полка, какой дивизии, кто у вас командир, сколько в дивизии сейчас самолетов, какова их скорость, где расположены аэродромы?

«Ишь, собака, как таблицу умножения чешет... Знать, не первого меня допрашивает... — подумал Валентин. — Эх, если бы руки были свободны!»

Немецкий офицер что-то еще говорил переводчику, переводчик опять о чем-то спрашивал, но Валентин не слушал его. Ему припомнилась пословица, которую он не раз в детстве слышал от матери: «Где росла сосна, там она и красна». А этот мерзавец, сволочь, что предлагает?

Валентин собрался с силами и молча прыгнул на переводчика, но тут же упал на земляной пол. На его бока и спину обрушились тупые удары сапог и прикладов.

Сжавшись в комок, пригибая голову к груди, чтобы защитить лицо, Валентин вдруг нащупал подбородком что-то твердое, острое... «Звезда! Обыщут, найдут!» Это было невероятно, но Звезда уцелела: видно, немцы не обыскивали его, пока он был без сознания. Гимнастерка сбилась к шее. Он зубами ухватил Звезду вместе с полуобгоревшей материей кармашка и с силой рванул.

Звезда оказалась во рту. Теперь Валентин не мог кричать и ругаться и только хрипел.

Весь день, пока в дверном проеме не погас свет солнца, Валентина били, отливали водой, допрашивали и снова били. А потом оставили в сарае полуживого, с помутившимся сознанием и намертво стиснутыми челюстями.

Так прошла ночь. А утром появились солдаты, схватили его за ноги и голову, вытащили из сарая и бросили в кузов грузовой машины. Валентин ударился головой о доски кузова, но зубов не разжал.

...Он пришел в себя на госпитальных нарах. Открыв глаза и осмотревшись, понял, что лежит на спине

в большой комнате с высоким белым потолком, и оштукатуренными стенами. В стекла широких окон стучат корявыми ветвями тополя, плещут листьями, рождают колеблющиеся на стенах и потолке тени.

С трудом повернув голову и скосив глаза, увидел: слева — ряд деревянных топчанов, и под серыми одинаковыми одеялами лежат люди с перевязанными головами и руками. Повернул голову вправо — то же самое. Скосил глаза к подбородку: грудь и руки у него перебинтованы, а потом почувствовал и на голове давящую повязку.

В первое мгновение Валентин испугался: «А Звезда?» Но сейчас же вспомнил: она во рту. Вот почему так трудно дышать!

Щека вздулась, распух и язык — видно, удар кулака или сапога пришелся по щеке, и металлический луч Звезды поранил язык и десну.

Валентин попробовал шевельнуть руками. Они действовали, от бинтов были свободны два пальца на правой руке и три на левой. Оглядевшись, Валентин вытащил изо рта Золотую Звезду и сунул ее на грудь, глубоко под бинты. Потом он полежал с широко открытым ртом, стараясь остудить воспаленную десну и язык. Во рту сразу стало сухо, как в летний зной. Валентин попытался приподняться, но невидимая тяжесть давила на грудь и прижимала к жесткой постели. Валентин повертел головой, увидел рядом с собой сидящего на кровати раненого. У него на голове отросла черная, как сажа, щетина, а на лице с обгоревшими бровями ярко краснели безобразные пятна ожогов. Правая рука висела на бинте, перекинутом через шею, а нога — в гипсе.

— Попить бы... — хрипло сказал Валентин, и раненый услышал.

Он приподнялся, опираясь на левую ногу, правую чуть отставив в сторону, ухватился здоровой рукой за доску стола, придвинутого к нарам.

— Очнулся, друг? — спросил неожиданно звонким и бодрым голосом. — Сейчас напою, этого добра у нас хватает.

Прыгая вдоль нар, он добрался до двери в коридор. Проследив глазами, Валентин увидел там, на табуретке, ведро с водой и рядом с ведром — эмалированную кружку.

Раненый зачерпнул воды и опять прискакал к постели Валентина.

— Пей, друг, водица наша, русская, пей досыта. Эк, ну и разделали тебя... Сбили?

Валентин жадно выпил воду, отдышался.

— Где это мы?

— Госпиталь для военнопленных летчиков. Гиблая дыра. Да ничего, зато не тревожат лишним вниманием.

— Город... город какой?.. Ты тоже летчик?

Раненый, блеснув острыми белыми зубами, сказал:

— А ты, друг, догадливый, видать... Тут все летчики, я же сказал. Город Днепродзержинск, слыхал такой? Я — Иванцов Виктор, штурмовик. Подожгли, выбросился с парашютом, а уйти не успел. А ты?

Валентин коротко рассказал о себе, но про звание Героя и Золотую Звезду промолчал: ему казалось, что Герой, попавший в плен, если не жалок, то по крайней мере достоин осуждения.

— Бежать надо, Иванцов...

Иванцов здоровой рукой поерошил щетину на голове, дважды кивнул.

— Как только выздоровлю, ни минуты не останусь... А ты, Ситнов, давай поправляйся тоже. Кормежка здесь дрянная, но ты все рубай, все подряд, что ни дадут.

Скорее на ноги встанешь, а там уж что-нибудь придумаем.

И с этого дня мысль о побеге не оставляла Валентина, как не оставляла она и других пятьдесят военнопленных, которые находились на излечении в госпитале Днепродзержинска. Преодолевая отвращение, Валентин глотал бурду, именуемую супом, съедал пайку колючего хлеба, пил «каву» — мутную жидкость, которая лишь отдаленно напоминала кофе, жевал «пюре» из гнилой картошки и все же с каждым днем чувствовал, как прибывают силы. Врач и санитары-венгры не докучали летчикам обходами и медицинскими услугами. Перевязки делали раз в два-три дня, два раза в день приносили еду и больше в палатах не появлялись. Раненые и обожженные летчики редко вставали, больше лежали в постелях с открытыми глазами, глядели в потолок или в стену и молчали.

Лишь Виктор Иванцов неутомимо двигался, прыгая по палате, как подбитый грач. Он подходил то к одному, то к другому, пытался завести разговор и злился оттого, что это не удается.

— Вот бирюки чертовы, а еще летчики! Ну, чего молчите? Давайте решим, что делать будем. Ну?

Валентин замечал косые недоверчивые взгляды, которые бросали на Иванцова летчики, и понимал, почему они молчат: опасаются провокации. Но сам Валентин сразу, без размышлений поверил Виктору и жил надеждой на побег.

На десятый день Валентин поднялся на ноги. Уже не упираясь на каждом шагу в стены руками, прошел длинный коридор с рядом дверей по обе стороны и единственным окном в конце, у лестницы. Он догадался, что госпиталь помещается в бывшей школе. Сейчас он находился на третьем этаже, а под окном

стоял часовой в пилотке, в куцом френчике, с автоматом на шее. Окно выходило в сад, за садом — ряд колючей проволоки поверх забора и больше ничего.

Неужели ничего? Валентин всмотрелся в глубь сада: за забором начиналась какая-то улица, стояли деревянные дома, и дальше, за городом, — простор большой реки и в сизом тумане невысокая кромка леса.

С бьющимся сердцем Валентин вернулся в палату и, не в силах сдержаться, громко сказал:

— Ребята, можно бежать! Ночью снимем часового под окном — и в сад. А потом через забор — и в Днепр. Переплывем, а там уж свобода!

Виктор Иванцов потряс здоровой рукой и сказал:

— Бежать! Все, кто могут ходить, должны идти с нами. Бежать, так всем вместе, пока не угнали в Германию. Друзья, надо сообщить по другим палатам. Пусть готовятся. План побега выработаем сегодня же, а завтра... Действуем, братва!

К утру следующего дня летчики из других палат были осведомлены о предстоящем побеге. Ни Валентин, ни Иванцов не думали о том, что возможно предательство, даже мысль не приходила такая.

Как только стемнело, летчики столпились в коридоре третьего этажа. Валентин залез на подоконник и, дождавшись, когда часовой окажется как раз под окном, прыгнул ему на спину.

Фашист крякнул, всхлипнул и затих. Валентин бросился к забору. За собой он слышал поспешный бег товарищей и с трудом сдерживался, чтобы не закричать от радости.

Пять дней, переплыв ночью Днепр, пробирались летчики через Николаевку и Юрьевку к линии фронта, но в районе станции Лозовая все-таки наткнулись на полевую жандармерию немцев. После допроса их за-

толкали в телячий вагон и привезли в лагерь для военнопленных русских летчиков под городом Лодзь.

...Отсюда они совершили побег однажды в начале осени, когда сырая ночная мгла окутала землю.

Проверка закончилась, эсэсовцы ушли в свои казармы за чертой лагеря. Лишь часовые на вышках у пулеметов и прожекторов тревожно вглядывались в полумрак, при малейшем подозрительном шорохе готовые открыть огонь.

Сморенные усталостью, военнопленные уснули, как будто умерли, на своих жестких нарах. Валентин и Виктор Иванцов проскользнули к двери. Старшина барака приподнялся на постели, сонно посмотрел вслед.

— Куда?

— До ветру... — а позади старшины уже кто-то встал с одеялом наготове. Но старшина зевнул и опять опустился на свое место.

Беглецы скрылись за дверью.

На плацу между бараками — никого. Чуткая тишина. Смутно видны столбы лагерного ограждения и сторожевые вышки.

Уже давно летчики приметили, что угол их барака почти вплотную примыкает к одной из вышек с прожектором. Если удастся пробраться вдоль стены до этого угла, то луч прожектора уже не достанет их, они как бы окажутся в мертвом пространстве. Длинная металлическая цепочка, чтобы замкнуть ток, и кусачки приготовлены: товарищи с риском для жизни вынесли их из лагерной мастерской.

Теперь успех дела решали секунды. Несколько беззвучных скачков от стены барака к вышке, в спасительную тень... Часовой медленно вращает прожектор... Все спокойно.

Валентин набросил цепочку на колючую проволоку. Раздался страшный, показалось — громовой, треск голубых искр... Прожектор судорожно заметался по лагерю и вдоль хитрого плетения проволочной ограды. Но везде пусто и тихо. Видимо, ветер качнул провода и замкнул ток.

Часовой снова медленно повел луч прожектора вдоль бараков, потом к вышкам, ненароком помогая беглецам: луч ослеплял пулеметчиков, и они на какие-то мгновения переставали видеть, что происходит у колючей проволоки.

Эти мгновения решили все. Виктор перерезал проволоку, и они скрылись в ночи...

За стенами лагеря они сначала бежали, спотыкаясь о неровные борозды картофельного поля, потом проскользнули редкий сосновый лесок и побрели через болото, ориентируясь на восток, на тот клочок ночного неба, где уже редела мгла и угадывалась полоска зари. Они думали, что ушли далеко от лагеря, что только утром спохватится охрана и начнет погоню. Осталось лишь собрать последние силы, добежать до той вон куртинки посреди болота и укрыться там до следующей ночи, чтобы опять пойти навстречу свободе.

Кусты тальника на болоте укрыли их на день. Они хорошо замели свои следы, пройдя уже на рассвете километра полтора по дну илистого ручья.

Они брели и вторую ночь, все также на восток, угадывая направление по звездам. Нищая польская земля, как могла, помогала им: они собирали в полях картошку и свеклу. Овощи ели сырыми, так как остерегались разжигать костер. Притихшие хутора в ночном мраке казались вымершими и таящими опасность. Их приходилось обходить стороной.

На исходе второй ночи они вышли к хутору из трех домов. Уже светало.

— Зайдем? — сказал Виктор. — Попросим у поляков хлеба... Дадут.

— Можно, теперь уже спаслись...

Заспанный хозяин выглянул на их стук, испуганно отпрянул назад. Они лишь на миг увидели бледное, с мешками под глазами небритое лицо и требовательно застучали в дверь. В доме раздались восклицания на немецком языке, панически загомонили женщины.

Летчики только теперь заметили неподалеку от дома, обочь дороги, невысокий столб. К столбу прибит фанерный щит с какой-то надписью.

— Читай, — попросил Валентин.

— Achtung! Achtung! Внимание! Берегитесь беглых русских, охраняйте свой дом и имущество. Не ходите в лес! Каждый немец должен иметь при себе оружие!.. — разобрал написанное Виктор.

Они поняли: в доме живет фольксдойч — немецкий поселенец на захваченных в Польше землях. Загремел железный засов на двери, в форточке звякнуло стекло, оттуда высунулся ствол ружья.

Летчики опять скрылись в лесу.

Не прошло и часа, как они забрались в глубину березовой рощи, отыскали промытый ручьями овраг и укрылись в нем. Голод и бессонные ночи сморили их. Они забылись в тяжкой дремоте. И, кажется, только успели сомкнуть веки, как услышали остервенелый собачий лай, треск сучьев и топот многих ног.

Валентин прижался к земле, руками шарил в песке, под кустами: хоть бы камень или тяжелый сук! Что можно сделать без оружия?

Овчарка прыгнула Иванцову на спину, укусила в пле-

чо, подбираясь к горлу. На Валентина навалились сразу двое, заломили назад руки, ударили по голове...

И вот они опять в лагере. На чисто выметенном плацу выстроены пленные советские летчики. Избитых беглецов, раздетых догола, поставили перед строем. Начальник лагеря, подполковник СС, высокий и грузный, с рыхлым, как комок теста, лицом и сонными равнодушными глазами, вяло прошелся взад-вперед по плацу, остановился возле беглецов. Он брезгливо оглядел их тощие, в кровоподтеках и багровых синяках тела и приказал зачитать приговор.

Унтершарфюрер СС из лагерной канцелярии, поджарый, как борзая, был краток:

— Повторный побег из лагеря военнопленных, саботаж и агитация против Великой Германии... приговариваются к повешенью...

Весь строй военнопленных, как одно существо, вздохнул, шевельнулся, точно ветер прошел по вершинам сосен, и тотчас же замер в безмолвном напряжении. Валентин сжал губы и молчал, молчал, прожигая лицо подполковника карими неулыбчивыми глазами.

Иванцов словно плюнул начальнику лагеря в глаза:

— Можете нас казнить — нестрашно! Но вам не лишить нас единственного права военнопленных — бежать! — он качнулся вперед, повернулся к строю военнопленных и, протянув к ним руки, закричал:

— Товарищи, бегите! Вас ждет Родина! Бейте фашистов до последнего!

Охранники сбили его с ног и потащили прочь с плаца. Он, отбиваясь ногами и руками, захлебываясь и задыхаясь, продолжал кричать:

— Ситнов, чего молчишь? Скажи им, скажи... Да здравствует Советская Родина!

Стоя в унизительной наготе перед строем военнопленных, Валентин не думал о смерти: она столько раз глядела ему в лицо, что стала нестрашной. Он мучился оттого, что не может крикнуть так же горячо и гневно, как Виктор Иванцов. Золотая Звезда жгла во рту, как раскаленный уголь. Его повесят, а Звезда? Фашистам достанется? Нет, надо так стиснуть зубы, чтобы и у мертвого они не могли разжаться...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Валентин лежал не двигаясь. Шевелиться было больно. Он прислушивался, притаив дыхание, но стылую тишину нарушал лишь шум в ушах. Постепенно восстанавливалось в памяти все, что произошло на плацу. Его вместе с Иванцовым бросили в карцер и через какое-то время, приказав одеться, втолкнули в крытую грузовую машину и увезли в городскую тюрьму Лодзи.

Значит, ему еще отпущен срок для жизни. Что ж, до того, как наденут петлю на шею, можно о многом подумать, даже помечтать. Есть и еще отрада: воспоминания. Они захватывают цепко, согревают, пробуждают в сердце давно забытую нежность.

Валентин день за днем перебирал свою жизнь, вновь переживал прошлые радости и печали и снова говорил себе: «Не надо иной судьбы. Если бы опять пришлось выбирать путь в жизни, я бы выбрал прежний».

Ему уже стало казаться, что никакого тюремного карцера нет, что все это лишь возникший от усталости неприятный бред. Но в тишине заскрежетало железо, с ржавым скрипом открылась дверь:

— Los, Untermenschen! Schnell! (Выходи, ничтожество! Быстрей!)

Освещенный яркой электрической лампой, на пороге карцера стоял надзиратель — здоровяк с длинными руками и круглой головой в черном мундире гестаповца.

Валентин встал, шатаясь, вышел в коридор. Надзиратель толкнул его стволом автомата в спину, выгнал на тюремный двор, выстланный цементными плитами.

«Конец!» — подумал Валентин без страха, без отчаяния и осмотрелся, чтобы увидеть виселицу и Виктора Иванцова.

Но во дворе ни виселицы, ни Виктора не было. На цементных плитах съежились голые, в синяках и ссадинах, фигуры трех заключенных. Один из них был истощен до предела и походил на скелет, двое других — заросшие черными волосами жалкие подобия людей.

Надзиратель толкнул Валентина к ним и крикнул что-то по-немецки.

Заключенные опустились на четвереньки и запрыгали по двору лягушками. Надзиратель захохотал, перегибаясь через автомат, висевший на шее, и скандируя:

— Ein-zwei, ein-zwei! Jude, schnell! Jude, schnell! Pole, eins, jude, zwei!

(Раз-два, раз-два! Еврей, быстро, еврей, быстро! Поляк, раз, еврей, два!)

И вдруг с его лица слетело веселье. Валентин стоял на месте, заложив руки за спину и гордо подняв голову.

Гестаповец взбесился. Он дико заорал, схватил подвернувшуюся под руку палку от метлы и замахнулся на Валентина.

— Nieder, schnell, Mistvieh!

(Ложись, быстро, грязная скотина!)

Валентин взмахнул рукой, и палка отлетела к стене. Надзиратель пустил в небо автоматную очередь. Сбежались гестаповцы, затолкали заключенных в камеру, а Валентина потащили куда-то по двору, поставили лицом к изрешеченной пулями каменной стене.

Клацнули затворы автоматов. У Валентина внутри все омертвело, сжалось сердце, тело стало невесомым, как на взлете... Вот он — конец... Но свободная, живая мысль бросила упрек: «Дрожишь? Да разве можно показать врагу свою слабость?»

Валентин резко обернулся, приник спиной к стене и выпрямился.

— Стреляйте, гады!

— An! Feuer! (Пли!)

Треснули очереди. От пороховой гари защипало в носу, каменные крошки посыпались за воротник гимнастерки, пылью запорошило глаза... Что же это? Гестаповцы опустили автоматы и с любопытством смотрят на него. Испытывают?

«Я выстоял, я победил!» — мысленно закричал Валентин и поспешно, спотыкаясь, отошел от стены. В этот раз понял он, что человек до тех пор не сломлен, пока не признается в этом перед самим собой.

Никто из надзирателей не остановил Валентина, не ударил. Кто-то из них уперся автоматом в левую лопатку, пролаял:

— Gut, russische Flieger! Marsch, marsch! (Хорошо, русский летчик! Марш, марш!)

Железная дверь камеры-одиночки со звоном захлопнулась, лязгнул засов. Валентин упал на соломенную подстилку и закусил руку, чтобы подавить рвущийся из горла крик.

Время для него остановилось, и он не знал, сколько прошло дней и ночей до той минуты, когда вновь открылась дверь одиночки и надзиратель рявкнул:

— Heraus! (Выходи!)

Ослабевший от голода и побоев, Валентин едва поднялся на дрожащие ноги и вышел на тюремный двор. Ему пришлось сразу же зажмуриться: солнечный свет падал сверху резким ослепляющим пламенем. Его подтолкнули в спину, он сделал с закрытыми глазами несколько шагов, пока не уперся руками в стену. Открыл глаза, обернулся. Сквозь слезы, выступившие от резкого света, разглядел рядом с собой Иванцова.

— Виктор! Живой!

Летчики шагнули друг к другу взялись за руки. Подошел надзиратель и щелкнул наручниками. Валентин и Виктор оказались скованными рука к руке. Так же сковали и других заключенных: поляка и двух евреев.

За воротами тюрьмы стояла крытая машина. Их втолкнули в кузов. Дверцы захлопнулись, с воем заработал мотор, и машина рванулась вперед.

— Куда нас теперь? — ни к кому не обращаясь, спросил Иванцов.

Валентин ничего не мог ответить и лишь пожал плечами. В переднем углу застонал поляк:

— Иезус Мария, они еще и не знают, куда их везут! Конечно, в Аушвиц!

Ни Валентин, ни Виктор не поняли: какой Аушвиц? Что это такое?

Ответил чернобородый, с узким желтым лицом еврей:

— О-о-о, это такой лагерь... Освенцим... Откуда люди выходят только через люфт!

— Что такое люфт? — переспросил Валентин, смутно припоминая значение немецкого слова.

— Воздух, — пояснил Виктор. — Но как понять «на воздух»?

— О-о-о, Аушвиц! Скоро узнаете, паны... Матка бозка, лучше было бы умереть в петле!

Беглецов вышвырнули из машины возле самого входа в лагерь. Их окружили эсэсовцы и погнали к высоким красивым воротам. Эсэсовцы держали на сворках свирепых овчарок, а у входа в лагерь играл духовой оркестр. Гремели бравурные марши, к башням у ворот подтягивались колонны заключенных в полосатых одеждах. Заключенные шли ровными рядами, прижав руки к бокам, чеканно отбивая деревянными ботинками строевой шаг. Уже темнело, зажглись прожекторы, и над воротами в колеблющемся белом свете ярко заблестело то ли скульптурное изображение, то ли герб: большая хищная птица распростерла крылья над голым человеком и рвет ему грудь. А чуть пониже по всей ширине металлических ворот прибиты печатные латинские буквы.

— "Arbeit macht frei".

— Труд делает свободным... — перевел Виктор Иванцов и выругался: — Сволочи!

Их провели в ворота, остановили у низкого серого здания. Валентин огляделся: по виду это чистый, отлично оборудованный военный лагерь; двухэтажные бараки, окрашенные в кирпично-красный цвет, вытянуты в три строгие линии; посредине главного лагеря — площадь. Вдоль бараков тянутся аллеи и газоны, разделенные асфальтовыми тротуарами; на газонах — зеленая и голубоватая трава, подстриженные деревца и кустарник.

Везде аккуратность, чистота и порядок.

Но по плацу шагают живые мертвецы, у них обтянутые сухой кожей лица-черепа. Они одеты в полосатые штаны и куртки, на головах — такие же полосатые и плоские бескозырки, а в глазах мертвецов — тоска и боль. Оркестр бодро выдувает из медных глоток марш за маршем, и мертвецы четко отбивают шаг, маршируют мимо эсэсовского офицера в сером мундире, единым движением по команде снимают шапки и по команде же надевают. А рядом — охранники с автоматами и плетками в руках...

У серого здания уже собралась толпа людей. Это тоже новички, по-лагерному — «цуганки». Эсэсовец с птичьим носом и клинообразным подбородком снял со всех наручники, приказал раздеться и сложить одежду в бумажные мешки. Валентин успел спрятать Золотую Звезду в рот и теперь, быстро сняв обгорелую, испачканную кровью и землей гимнастерку, сунул ее в мешок, потом снял брюки и остался в рваной майке и трусах. Но эсэсовец, брызжа слюной, что-то закричал, рванул за майку, и Валентин понял, что надо раздеться догола.

В тамбуре карантинного блока их осматривали два врача, видимо тоже заключенные. Они приказывали повернуться, наклониться и, если находили физически слабых или больных, велели им отходить в сторону. Пока очередь дошла до Валентина, таких набралось десятка три. По цепочке заключенных прошел легкий шепот: «Тех в лагерь для слабых...» И лишь позже Валентин узнал, что лагерем «для слабых» был крематорий в Биркенау.

Валентина, а вслед за ним и Виктора Иванцова втолкнули в карантинный блок на дезинфекционную обработку. Здесь все делалось стремительно: к заключенному подходил «парикмахер» с паяльной лампой

в руках, мгновенно «сбривал» синим пламенем волосы на голове и на теле, толкал дальше, а там другой «санитар» смазывал опаленные места лизолом и пихал обработанных новичков под ледяной душ.

Валентин, сцепив зубы, прошел через все пытки дезинфекции и, выбежав в соседнее помещение, получил от кладовщика желтое застиранное белье, полосатую тонкую куртку и такие же брюки. Плоская, похожая на поварский колпак шапка дополнила его костюм. Когда он оделся и оглянулся на других, в глазах замелькали черные, синие, зеленые полосы. Все лица показались одинаковыми, он никак не мог найти Иванцова, пока тот не подошел совсем близко и не сказал:

— Ну вот и прифорсились, Валентин!

Вместе с одеждой им вручили красные лоскутки материи с буквой «Р» и белые — с личным номером: «Русский, номер 189011» — у Валентина, «Русский, номер 189012» — у Иванцова. Кладовщик — старик с мутными глазами и обрюзгшим лицом — что-то сказал по-немецки.

— Велит пришить на грудь слева, не пришьем — расстрел на месте, — перевел Иванцов.

Летчики взяли у кладовщика иголку с ниткой, пришили «винкеля» к курткам, передали иголку другим и, подталкиваемые непрерывно прибывавшими новичками, подошли к столику у окна. Здесь совершился последний акт их вступления в Освенцим — клеймение. Дюжий немец в сером мундире схватил Валентина за руку, задрал рукав на левой руке и точными, натренированными движениями выколол пониже локтя личный номер. И опять предупреждение, громко переведенное Иванцовым:

— Кто уклонится от клеймения, тому расстрел...

Заключеных, обезображенных до неузнаваемости санитарной обработкой и нелепой одеждой, вывели из карантинного блока и развели по баракам. Валентин и Виктор с трудом разыскали на нарах свободное место и прилегли отдохнуть. Но к ним сейчас же подбежал невысокий худой заключенный, испуганно шепнул:

— Вставайте, хлопцы, нельзя ложиться до отбоя! Изобьют!

Летчики спрыгнули с нар и остались стоять, не зная, куда деваться.

Но долго стоять им не пришлось. В блок вошел массивный, с упитанным лицом заключенный, еще от порога закричал:

— Neubaugen, kommt zu mir! (Новички, подойдите ко мне!)

Худенький невысокий заключенный, который предупредил, чтобы не валялись на нарах, опять сказал:

— Идите швыдче, это староста. Зовет до сэбэ. Може, на кухню пошлет...

Тусклые глаза заключенного оживились. Он проглотил слюну и вместе с Валентином и Виктором подошел к старосте.

В самом деле, староста приказал забрать стоявшие на столе бачки и следовать за ним. Маленький заключенный поспешно схватил один бачок, сунул его Валентину, другой дал Виктору, а третий подхватил сам. Вслед за старостой они вышли на плац. Здесь вечерняя проверка заканчивалась, полосатые колонны узников растекались по своим блокам.

Вблизи кухни Валентин увидел несколько серых фигур, которые бродили, словно привидения, под окном раздатки, копошились в мусорных ящиках и, если находили кожуру картофеля или брюквы, с жадностью,

дико озираясь, заталкивали поспешно в рот и глотали.

— Что же они делают, глядите!

— Russische Schweine! (Русские свиньи!) — презрительно бросил староста, и Валентину стало больно и стыдно за своих соотечественников.

Худенький заключенный негромко сказал:

— Что же делать, все равно больше года здесь не проживешь.

— Проживешь, если не сдрейфишь! — проворчал Иванцов.

Когда бачки были наполнены «кавой» и получены четыре буханки эрзацхлеба, летчики и худенький заключенный под конвоем старосты вернулись на блок.

Староста ткнул Виктора в грудь, спросил:

— Sprechen Sie deutsch? (Говорите по-немецки?)

Иванцов ответил утвердительно. Тогда староста опять что-то сказал, дважды повторив: «Тышэльтестер, тышэльтестер». Иванцов усмехнулся:

— Ну вот, братва, и с повышением меня. Старшим стола назначен.

Он разделил четыре буханки хлеба на сорок малюсеньких кусочков, налил кому в кружку, кому в алюминиевую миску «кавы» и принялся медленно, как будто испытывая величайшее наслаждение, отхлебывать из своей кружки мутную бурду.

Валентин проглотил хлеб, быстро выпил каву и, чтобы не слышать упоительного всхлебывания и чавканья товарищей, отошел от стола. Его могучий организм после многодневной голодовки просто не почувствовал от ужина никакого подкрепления.

Дождавшись отбоя, он забрался на второй ярус нар, где уже копошился в изголовьях постели худенький заключенный, и вытянул ноющие ноги. Жесткие,

небрежно выдолбленные из дерева колодки натерли сустав большого пальца на левой ноге и лодыжку на правой. Надо будет отыскать стеклышко и кое-где подскоблить дерево...

Прежде чем уснуть, он достал из кармана куртки Золотую Звезду и опять сунул ее в рот. Но постоянно держать Звезду во рту было неудобно и опасно. Придется изобрести такой тайник, чтобы она не мешала разговаривать и есть и все же была бы постоянно с собой. Может, пришить кармашек подмышкой? Но где достать иголку с ниткой и кусок материи?

В бараке наступила тишина. Заключенные укладывались на отдых и тяжело засыпали.

Виктор Иванцов забрался на нары позже всех и, как только вытянулся под редким одеялом, спросил худенького заключенного:

— А ну, рассказывай, приятель, кто ты, откуда?

Валентин прислушался к шепоту заключенного. Его звали Иваном Костылько. Он был воздушный десантник, во время выброски за Днепр, в тыл к немцам, повредил ногу и попался немецкой полевой жандармерии. Сначала был в лагере для военнопленных и там завоевал настоящую популярность, исполняя русские народные и украинские песни. Это не понравилось фашистам, и его обвинили в агитации против Германии, а на исправление послали сюда, в концлагерь. Он прибыл в Освенцим неделей раньше летчиков и уже успел изучить лагерные порядки.

— А вы кто? — спросил он в свою очередь.

Не вдаваясь в подробности, Иванцов рассказал ему о себе и о Валентине. Костылько успокоился и скоро засопел во сне.

Валентин лежал с открытыми глазами. Слабая лампочка у выхода из барака скупо освещала помещение,

так что лица Виктора и Вани Костылько с трудом можно было различить. Глядя в доски третьего яруса нар, Валентин силился вспомнить родной дом в Сыресеве, отца и мать, жену и сына. Но в памяти с калейдоскопической быстротой сменялись картины пленения, допросов, пыток. Они путались с яркими и солнечными воспоминаниями о детстве, о полетах. И, когда он уснул, в сновидениях было то же.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Первую неделю в Освенциме Валентин прожил в каком-то полубреду, полупомешательстве: жив ли он, в своем ли уме? Может, все это — кошмарный сон?

Но проходили дни, и он убеждался, что страшней действительности ему еще не приходилось видеть. Побои в немецком полевом штабе и пытки в городской тюрьме Лодзи — ничто по сравнению с ужасами Освенцима.

В лагере умирали каждый день — от голода, от болезней, от старых и свежих ран, просто убитые охранниками или уголовниками. Слабые, отчаявшиеся умирали скорей, без сопротивления, с выражением равнодушия и бесконечной усталости на лицах, высохшие, как мумии. Сильные и здесь умирали, как на фронте: бросались в бой открыто, с голыми руками и гибли от пуль охранников. Многие, собрав всю волю, искали среди заключенных единомышленников, друзей и строили фантастические планы побегов.

В течение четырнадцати дней заключенные карантинного блока проходили специальную «подготовку», знакомились с лагерными порядками, изучали немецкий язык.

На второй же день после прибытия в карантин староста Густав притащил в блок большой фанерный щит. Черной краской на нем были написаны по-русски и по-немецки основные «заповеди» для заключенных: Achtung! Aufstehen! — внимание, встать! Mützen ab! — шапки долой; Hinlegen! — ложись! Kniebeuge! — присесть на корточки с вытянутыми руками и несколько других.

— Тому, кто не выучит сегодня же эту азбуку на зубок, сворочу скулу! — перевел Виктор Иванцов угрозу Густава.

Два дня в бараке шла дрессировка узников.

Наконец на третий день старосте показалось, что новички готовы предстать перед глазами начальства. Заключенные карантинного блока были выведены во двор и представлены унтершарфюреру Адольфу Рею, по прозвищу Коваль. Узники уже слышали, что Рей был истинным страшилищем. При его имени заключенные дрожали от ужаса и гнева. Никто никогда не видел его без хлыста из воловьих жил в руке и с заранее расстегнутой кобурой пистолета. Коваль мог одним ударом кулака раздробить череп и переломить хребет. Этот изверг, по словам старожилов лагеря, обожал свою службу и предавался занятиям палача со страстью и вдохновением.

Коваль прошелся перед строем новичков, отошел в сторону и приказал начинать.

Густав крикнул:

— Achtung! Stillgestanden! Mützen ab! Mützen auf! Испуганные присутствием страшного палача, заключенные вразброд сдернули с голов шапки, нестройно ударили ими по бедрам и также вразброд надели.

Староста побагровел, его жирное лицо исказилось от гнева.

— Kniebeuge, schmutzige Schweine! Mützen ab! Mützen auf! Kniebeuge!
(Присесть, грязные свиньи! Шапки надеть! Шапки долой! Присесть!

Но как ни старались заключенные, единства в движениях у них не получалось. Коваль не выдержал и исступленно заорал:

— Kniebeuge, verfluchte rote Häftlinge; Mützen ab! Mützen auf! (Присесть, проклятые красные арестанты. Шапки надеть! Шапки долой!)

Коваль замахнулся бичом и стал хлестать всех подряд по плечам, по головам и спинам. Потом отбросил хлыст и начал молотить заключенных ногами и кулаками. К счастью, это ему скоро надоело, он выругался, плюнул, пригрозил старосте волосатым кулачищем и ушел. Староста ненавидяще оглядел новичков, со всего маху ударил резиновой палкой-гуммой Ваню Костылько по голове и что-то крикнул Виктору. Иванцов быстро перевел:

— По местам, приятели! Айда в барак, опять тренироваться.

В этот день легли спать без ужина: за плохое построение и нечеткое исполнение команд новички лишались своей порции хлеба и кофе.

Едва прозвучал сигнал отбоя, как блокэльтестер Густав подозвал Виктора Иванцова к своему месту за фанерной перегородкой, что-то сказал и тут же ушел из блока.

Виктор закрыл за ним дверь и, выйдя на середину барака, негромко крикнул:

— Ребята, блоковый улизнул к своим дружкам пьянствовать. Вернется заполночь. Можете заняться своими делами, кто хочет, только не шуметь!

Обрадованные узники загомонили, многие слезли

с нар и сбились тесной кучкой у длинного — во весь барак — обеденного стола. Здесь было немного посветлее, посвободнее, чем в духоте и тесноте нар.

У кого-то нашлась сигарета, душистый дымок поплыл над головами хефтлингов, синими прядями проявился на желтом свете электрической лампочки.

Ваня Костылько, еще не оправившийся от удара по голове, приподнялся на нарах, слабым голосом сказал:

— Ребята, в бараке курить нельзя. За курение в бараке подвешивают к перекладине вниз головой...

Но на слова Вани никто не обратил внимания, да и от сигареты скоро не осталось даже запаха. Вкусный дымок повисел в воздухе с минуту и растворился без следа.

В темном углу нар, где лежал Костылько, чей-то приятный бас робко и тихонько запел:

Ах, ты, плен, ты, плен,
Плен коварный, злой...
Здесь погиб вчера
Друг-товарищ мой.
Чуть открыв глаза,
Чуя смертный час,
Он тогда же мне
Отдавал наказ...

Заключенные сперва замерли, потом стали присоединять и свои негромкие голоса к голосу смельчака. Валентин заглянул на нары: пел Ваня Костылько. Слова неизвестного поэта-узника он исполнял на мотив старинной русской песни «Степь да степь кругом», и то ли знакомая проникновенная мелодия была тому причиной, то ли правдивые слова, но песня через несколько минут захватила всех. Кто не знал новых слов, тот повторял старые или просто выводил мотив, но пели все...

Через две недели новичков распределили по блокам.

Летчиков и Ваню Костылько привели в тридцатый блок вечером, за полчаса до отбоя. Они отыскали три свободных места, одно к одному, и заняли их после недолгой перепалки с другими новичками.

А наутро, еще только чуть светало, заключенных подняли оглушительные удары гонга и рев эсэсовцев, ворвавшихся в барак:

— Heraus, heraus, Schweinkerl! (Выходи, выходи, свиньи!)

Валентин соскочил с нар, натянул полосатые брюки и куртку, плечо к плечу с Виктором Иванцовым выбежал на площадку перед блоком. Краем глаза заметил, что кого-то вытащили за ноги и швырнули на камни перед строем заключенных. Бестелесная полосатая фигура тряпкой распласталась на земле.

Вслед за ним из двери вылетел и упал плашмя Ваня Костылько. Он почему-то замешкался и не успел выбежать вместе с Валентином. В дверях блока показался староста, долговязый и длиннорукий немец Вилли с зеленым винкелем на левой стороне груди. Он замахнулся на Костылько резиновой гуммой. Валентин подскочил, подхватил Ваню под мышки и поставил в строй. Иванцов прижал его рукой к себе, Костылько удержался на ногах.

Вилли бешено заорал:

— Schnell, schnell, Untermensch! (Быстро, быстро, ничтожество!)

Сеял мелкий нудный дождь. Он был по-осеннему ледяным и пронизывал тонкие хлопчатобумажные куртки. Уже через пять минут тело задрожало в ознобе, зубы приходилось крепко сжимать, чтобы не стучали.

Мерзкая погода предвещала затяжную поверку. Младший эсэсовский офицер — блокфюрер — намеренно заставлял старост бараков еще и еще пересчитывать заключенных. Шеренги безликих полосатых фигур стояли по стойке «смирно» с шапками у бедер. А дождь все сыпал и сыпал с беспросветно серого неба.

Около восьми часов утра аппель наконец закончился. Заключенных построили в колонны и погнали на работу. Валентина, Виктора и Костылько назначили в партию форарбайтера Ганса, низенького, кругленького человечка с ласковой улыбкой и злыми глазами. У него на груди был нашит зеленый винкель, в руке он держал железную палку.

Колотушки посыпались на хефтлингов еще по дороге. Ганс бил железной палкой и тех, кто неправильно держал ряд, и тех, кто нечетко отбивал шаг деревянными грубыми колодками. Только и слышалось всю дорогу от лагеря до места работы:

— Ein-zwei! Links, links, schmutzige Schweine! (Раз-два! Левой, левой, грязные свиньи!)

И глухо стучала о плечи заключенных железная палка.

Колонна вышла за ворота лагеря и потянулась грязной дорогой куда-то в сосновый лес.

— Штайнбрух, штайнбрух... — зашелестело по рядам.

Что такое штайнбрух, Валентин не мог понять, а спросить об этом Виктора не решался: совсем рядом с ними шел «ласковый» толстяк Ганс с железной палкой в руках.

Пройдя молодой сосновый лесок, напоенный запахом смолы и хвои, колонна спустилась вниз, к какой-то не очень широкой реке.

11 Заказ 6670

— Висла, — шепнул кто-то рядом и сейчас же ойкнул: железная палка форарбайтера дотянулась до его головы.

Но к реке колонна не подошла, свернула влево и стала подниматься в гору. Наконец Валентин увидел глубокую выемку почти на середине горы и понял, что такое штайнбрух. Это — каменоломня.

Валентину и Виктору повезло: оба они попали в группу, которая нагружала вагонетки. Но Ваня Костылько оказался в числе «зинген пферде» — поющих лошадей. Этими «поющими лошадьми» были заключенные — поляки, французы, немцы, русские, чехи и словаки.

Железные ржавые цепи перекинуты через костлявые плечи, на шее и на висках синими жгутами завязываются вены, от натуги багровеют лица, наливаются кровью глаза. Узники тянут вагонетку по рельсам на пределе своих сил и... поют. Не петь нельзя: каждую повозку сопровождает охранник или форман из немецких уголовников, наметанный глаз палача моментально замечает переставшего петь узника, и на голову, на плечи, на лицо полуживого хефтлинга сыплются удары железной или резиновой дубинки.

Валентин голыми руками прямо из-под кирок камнедобывающей команды выворачивал известковые камни, поднимал и бросал в вагонетку. Не было рукавиц, кожа на ладонях слезала клочьями, ногти ломались и кровоточили. Через час работы кисти рук превратились в окровавленные вспухшие клешни, а впереди еще был целый день.

Иванцов с озлоблением кидал в вагонетку глыбу за глыбой, шевелил губами и дышал сквозь зубы: ругаться вслух или разговаривать было запрещено, охранники и форманы зорко следили за этим.

И все же как ни тяжело было ворочать пудовые камни, Валентин не мог без содрогания смотреть за работой «поющих лошадей», среди которых, склонившись до земли, тащился Ваня Костылько. Он же слабый, совсем еще мальчишка, ему на такой работе и недели не протянуть.

В двенадцать часов капо объявил получасовой перерыв на обед. Но никакого обеда заключенным не полагалось,— остаток дневного пайка они получат вечером, когда вернутся в блоки. И получат лишь те, кто вернется. А вернутся не все.

«Поющие лошади» повалились на усыпанную гравием дорогу и не шевелятся, не стонут. Все ли они вернутся на блоки сегодня вечером?

Валентин подошел к лежавшему ничком Костылько, дотронулся до плеча.

— Ваня, Ваня, как ты... как чувствуешь себя?

Костылько поднял голову, жалко улыбнулся и прохрипел:

— Конец мне, до вечера не дотяну...

И опять ткнулся лицом в гравий.

Валентин поднялся с корточек и решительно подошел к форарбайтеру Гансу.

— Я хочу заменить заключенного номер сто тринадцать тысяч шестьсот тридцать два...

Круглое лицо Ганса вытянулось, ласковая улыбка спорхнула с губ.

— Wie? Wie? (Что? Что?)

Валентин оглянулся, отыскивая Иванцова. Нужно, чтобы он перевел форарбайтеру сказанное. Но Иванцов уже сам бежал к Валентину.

— Ты что затеял, сумасшедший? О чем ты с ним говорил?

Валентин повторил и попросил перевести.

— Ты думаешь... — Иванцов оглянулся на лежащего без движения Костылько. — Ладно...

Выслушав переведенные Иванцовым слова Валентина, Ганс захохотал на весь карьер.

— Gut! Gut! Und du wirst auch ein Singenpferd seind! (И ты тоже будешь поющей лошадью!)

После сигнала на работу Валентин опять подошел к Ване, отстегнул от его пояса ржавую цепь, перекинул через плечо. Ваня поднялся с земли и, шатаясь, отошел в сторонку. Виктор взялся за другую цепь и резко дернул вагонетку.

Ганс и его форманы из «зеленых» признавали только один способ работы — блицарбайт, то есть молниеносную работу. Все заключенные должны были выполнять ее без минуты отдыха.

«Поющие лошади», обливаясь потом, задыхаясь, тянули вагонетку за вагонеткой вверх на гребень выемки, там переворачивали ее, высыпали камень, снова бегом спускались в карьер и опять с помутившимся сознанием втаскивали непомерно тяжелый груз наверх. Сердце колотилось бешеными неровными толчками, руки и ноги дрожали мелкой дрожью, стертые до крови плечи горели как в огне. И надо было еще петь, не переставая, не закрывая рта, чтобы форман видел, что они поют.

Вечером, лежа на нарах после отбоя, Валентин отчетливо понял, что в каменном карьере больше недели они не протянут. Чтобы не ждать, когда каторжная работа выпьет из них последние силы, нужно теперь же, завтра-послезавтра, сделать с жизнью окончательный расчет: напасть с острыми камнями на охранников и форманов и либо освободиться, либо погибнуть в схватке.

На нары забрался Виктор и горячо зашептал в ухо:

— Слушай, Ситнов, я приметил один колодец... Только люк открыть и спуститься по канализационной трубе, а она должна выходить к реке. Чуешь?

Валентин промолчал.

Виктор не угомонился и опять зашептал:

— Не решаешься бежать? Ждешь манны с неба? Не дождешься!

Валентин молчал и думал: вот сейчас надо сказать Виктору про камни и охрану. Что ответит он?

А Виктор — свое:

— Слышишь, надо ключи подобрать к замкам от люка. Открыть ночью и айда. По Висле спустимся, а там — на берег, и поминай, как звали...

Ваня Костылько в горячечном бреду вскрикивал и плакал. В полутьме блока то там то тут кто-то скрежетал зубами, ругался или визгливо кричал... Бежать, конечно, надо, но лучше бежать из полевой команды, из штайнбруха...

Так думал Валентин.

— Да чего ты все жуешь, конфетку нашел? — вдруг разозлился Иванцов.

Валентин замер, сцепил зубы, словно кто-то уже подбирался к нему, чтобы отнять Звезду, и вдруг ясно понял, что не должен, не может и не имеет права таить Золотую Звезду от друга.

Валентин вытолкнул языком Звезду на ладонь. В полутьме тускло блеснули золотые грани медали.

Иванцов как-то странно ахнул, словно подавился чем-то, потом сдавленно произнес:

— Твоя? Ты — Герой Союза? Чего же ты молчал, Валенти-ин?

— А чего было зря болтать, — Валентин протянул ладонь Иванцову, но сейчас же прикрыл ее другой ладонью и отдернул руки.

Однако было уже поздно. Мимо проходил заключенный. Он нес пустые котелки из-под баланды и остановился возле летчиков. Его голова возвышалась над краем нар второго яруса.

— Это чья Звезда, твоя? — шепотом спросил он.

Валентин посмотрел на него исподлобья.

— Моя, ну?

— Здорово! Как это ты ухитрился сохранить ее? Кто вы?

Самое страшное, что могло случиться, случилось: посторонний человек видел Звезду.

Валентин неохотно назвал себя. Виктор коротко поведал свою историю.

— Я тоже Виктор, инженер из Москвы, — сказал заключенный. — Дайте посмотрю.

Он взял из рук Валентина Звездочку, на секунду прижал ее к щеке, потом протянул обратно.

— Слушайте, завтра будет дан сигнал на селекцию, будут отбирать слабых и истощенных в Биркенау, в крематорий, на смерть. Можете попасть и вы, да и в штайнбрухе вам — смерть. Но мы поможем вам...

— Кто это мы? — с недоверием спросил Виктор Иванцов.

Заключенный словно не слышал вопроса:

— Сделайте завтра утром так...

Он совсем близко приник к уху Иванцова и что-то прошептал. Потом бесшумно, не звякнув котелком, отпрянул от нар и выскользнул за дверь блока.

— Что он тебе сказал? — спросил Валентин Виктора.

— Велел сказаться завтра утром больными, а он пришлет врача. Будем ждать, Валентин. Если это не провокация, то, значит, и здесь возможна борьба. Понимаешь?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Москвич не обманул. На следующее утро, еще до подъема, он привел в блок незнакомого человека, одетого в спортивную куртку и бриджи. Это было удивительно — среди тощих, изнуренных хефтлингов видеть чисто выбритого, опрятного и красивого мужчину в гражданской одежде. Из какого мира он явился? И разве есть еще на свете мир сытых и красиво одетых людей?

— Это чех Франтишек, доктор из кранкенбау, он вас мигом поставит на ноги! — подмигивая, громко сказал Москвич лежащим на нарах летчикам.

Чешский врач подошел к нарам, поставил на край доски маленький чемоданчик.

— Як се маш, русски? Болит? — спросил он, делая ударение в слове «болит» на «о».

— Болит, господин доктор, — скривившись, заискивающим голосом сказал Виктор Иванцов. — Так всего и разламывает, так и колотит.

— Я не господин, я — товарищ, такой же узник, как и вы, — поправил его чех. Он говорил все время по-чешски, изредка вставляя чисто русские слова, но летчики его прекрасно понимали. Они увидели, что чех и в самом деле политхефтлинг: у него над левым карманом куртки были нашиты красный винкель и пятизначный номер.

— Сперва вон того осмотрите, — показал Валентин на Ваню Костылько, который метался под тонким одеялом.

Пока Франтишек осматривал Костылько, а потом вводил шприцем Иванцову и Валентину в вены какую-то жидкость, Москвич успел переговорить с блоковым и вернулся.

— Порядок, друзья. На поверку выйдете, а на работу вас не погонят. Товарища как-нибудь выведите сами, а после аппеля придете в кранкенбау.

Уже к началу поверки Валентин почувствовал, что ему становится жарко, прошибает пот. По лицу Виктора Иванцова тоже было заметно, что и ему нездоровится. Что произошло? И лишь в лагерной лечебнице, когда Франтишек уложил всех троих в «постель» — на тощие матрацы, брошенные поверх топчанов, — они узнали, что им в вены нарочно был введен раствор хлористого кальция, чтобы нагнать температуру. А у Ванюши температура и без того подскочила до сорока градусов.

— Теперь вы на какое-то время избавлены от Биркенау и штайнбруха, — сказал Франтишек. — Селекция пройдет, выпишем вас опять на блоки. А пока лежите...

Но лежать в ревире мучительно тяжело. В горячечном бреду люди мечутся, стонут, вскакивают, ругаются или хохочут. Нестерпим душный, пропитанный запахом карболки и лизола больничный воздух, невыносимо страшен дикий крик, рвущийся из-за тонкой перегородки:

— Не хочу-у-у! Не буду глота-ать!

Это в соседней «палате» эсэсовский врач Гельмут проводит свои эксперименты над живыми людьми. Бывают минуты, когда хочется кончить жалкое рабское существование одним каким-нибудь безумным поступком.

Но Виктор Иванцов как-то сказал:

— Ничего, хоть мы и в аду, но на тот свет еще не отправились. Мы на этой грешной земле еще понадобимся. А судить нас будут не за то, что в плен попали, а за то, как поведем себя в концлагере...

Через три дня температура спала. Но Франтишек пока на блоки их не выписывал. Виктор-Москвич навещал часто, приносил то котелок лагерзуппе — лагерного супа, то вареный картофель. Валентин и Иванцов старались допытаться у Москвича, какие таинственные связи он использует, что имеет возможность в любое время суток ходить из блока в блок и даже в кранкенбау.

Но Виктор-Москвич лишь посмеивался и увиливал от расспросов.

Москвич стал их самым верным другом. Иванцов доверил ему план побега через канализационную сеть к Висле и просил достать ключи от люков. Но Москвич, мотая стриженой шишковатой головой, твердил:

— Погодите, придет час. Скажем, погодите...

Прошла неделя, здоровых летчиков и оправившегося Ваню Костылько держать в ревире стало невозможно. Уже дважды Гельмут останавливался в палате, где они лежали, и подолгу внимательно приглядывался к ним. Франтишек вынужден был выписать их поскорее на блок: Гельмут, по всей видимости, собирался забрать летчиков в свою палату для экспериментов.

И вот опять все трое стоят после подъема на мокром от дождя аппель-плаце и с замиранием сердца ждут: сейчас подойдет «ласковый» форарбайтер Ганс с железной палкой и опять погонит их в проклятый штайнбрух.

Но после аппеля к ним подошел совершенно незнакомый, высокий и худой, с седой щетиной на голове заключенный. На куртке у него был нашит красный винкель и ниже номер — 88349. Значит, советский военнопленный, из «старожилов» лагеря. Он внимательно, но быстро поглядел в сторону охранников и громко, как глухим, крикнул заключенным:

— Вы назначены в мою команду. Становись! Шагом марш! Живей, живей шевелитесь!

Седоголовый форарбайтер направился по дороге в дальний конец лагеря. Валентин с Иванцовым и Костылько, ритмично стуча деревянными башмаками по асфальту, пошли за ним. Валентин был настороже: куда их ведут? Не будет ли новая работа похлеще штайнбруха?

Седоголовый форарбайтер привел их к добротно выстроенным баракам-складам. Валентин догадался: на «Канаду» пришли. А «Канадой», как он уже слышал, заключенные прозвали район лагеря, где были расположены девяносто пять складов с одеждой и другим имуществом освенцимских жертв. Об этих складах на блоке говорили с откровенной завистью, считалось большим счастьем попасть туда на работу. По сравнению с известковым карьером, каменноугольной шахтой или подземными заводами работа на «Канаде» была отдыхом.

Седоголовый форарбайтер ввел их через широкие, как у железнодорожных пакгаузов, двери внутрь одного из складов. У Валентина разбежались глаза.

В складе горами были навалены одеяла, ковры, трости, шляпы, мужские, женские и детские ботинки и туфли — от модельных изящных до прюнелевых башмачков для малышей. Эти бессчетные массы одежды, обуви и вещей едва умещались в складе, но тут же были втиснуты чемоданы, тазы, детские коляски, посуда, электроприборы...

Один охранник с автоматом беспечно стоял у дверей и насвистывал веселую песенку, другой сидел на чемодане у забранного решеткой окошка и тупо смотрел в него. Заключенными распоряжались старшие команд и форманы-звеньевые.

Седоголовый подвел летчиков к груде детских колясок, чемоданов и обуви.

— Разбирайте вещи. Из чемоданов вытряхивайте все, пустые вон в ту кучу, белье, обувь — в другую. Не путать, иначе—беда. Военную обувь откладывайте в сторонку, это самая большая ценность здесь.

Теперь в голосе форарбайтера не слышалось раздражения, седоголовый говорил мягко, словно дружески предупреждал об опасности. Валентину показалось, что и в серых задумчивых глазах его появилось что-то новое, печальное.

Форарбайтер ушел в глубь склада, позвав за собой Костылько. Иванцов тронул носком деревянного башмака кучу обуви.

— Военную обувь велел в сторонку. Ишь ты, самая большая ценность... А почему, ты понимаешь, Валентин, а? Гитлер своих солдат будет обувать в эти ботинки, вот почему!

— А если не откладывать, а пускать в утиль? — Валентин оглянулся и пояснил свою мысль: — Представляешь, что получится? Каждый из нас уничтожит или запрячет поглубже куда-нибудь хоть пять пар обуви в день. Нас здесь двадцать человек. Сто пар в день. Три тысячи пар в месяц. Представляешь? Целый полк разуть можно! Так, братан?

Иванцов, словно в атаку, бросился на кучу вещей, раскидывая в сторону чемоданы, туфли и ботинки, зонты и одеяла, отыскивая и набирая в охапку обувь военного образца.

— Действуй, Валентин, вечером и других сагитируем.

Иванцов скоро скрылся за грудой велосипедов, белья, чемоданов, а Валентин взялся за голубую коляску с никелированными колесами на высоких рес-

сорах, вытащил ее из кучи вещей. В коляске лежали матрасик и обшитая кружевами подушечка. Он вынул матрасик. На дно коляски упали листки бумаги с какими-то черточками, линиями, кружками, буквами. Подобрал их, расправил. Здесь были нацарапанные незнакомыми угловатыми буквами письма, встретились написанные детской ручкой по-русски стихи:

Давай уедем с тобой далеко,
Где сбываются все мечты,
Где нет смерти и много хлеба...

Стихотворение обрывалось на этих словах. Валентин схватил другой листок. На нем простым карандашом была нарисована ромашка, над ромашкой — бабочка с пятнами на крыльях, как веснушки на щеках ребенка... На другом рисунке — море, на море больше рыб, чем волн. По морю плывут красные лодочки, они плывут куда-то далеко-далеко, где самому художнику уже не бывать. Под рисунком подпись: Гелена Геллерова...

Валентин сжал кулаки и застонал. От злости, от ненависти, от бессилия из глаз обильно, постыдно покатились слезы. Да что же это такое! Что же это!

Кто-то крепко взял его за плечо и свистящим злым шепотом произнес:

— Плачешь? От фашистов плачешь? Позор! Зубы сцепи и запоминай, записывай на текущий счет...

Валентин сбросил с плеча чужую руку, вытер рукавом глаза. Рядом с ним на корточках сидел седоголовый старшина рабочей команды. Его слова были презрительны и резки, но в морщинах вокруг глаз, в складках губ — не упрек, а горечь. Валентину стало стыдно своей слабости. Седоголовый потянул за куртку в глубь склада, к горе обуви.

— Иди сюда, говори тише... Откуда? Как в плен попал? Мне о тебе говорили. Я — Саша, так и зови. Как думаете устроить побег?

Валентин заколебался. Перед ним был совершенно незнакомый человек, к тому же форарбайтер, хоть и с красным винкелем политзаключенного. Не провокатор ли? Как узнаешь?

Саша дважды кивнул головой, сказал:

— Не веришь? Ладно, покажи Золотую Звезду.

Валентин схватился за Звездочку, приколотую к нижней рубашке под мышкой, и отодвинулся в тень.

— Теперь видишь, что я твою тайну знаю? Москвич рассказал. Покажи Звезду.

Валентин достал Звезду, протянул на ладони. Лицо у Саши стало детски-счастливым, губы дрогнули. Тонкими худыми пальцами он взял Звездочку за колодку, поцеловал.

— Спрячь подальше, Ситнов. Берегись, за утайку золота в лагере смерть. Рассказывай...

Всякой осторожности есть предел, иначе невозможно жить вместе с людьми. И Валентин рассказал о том, как был сбит и попал в плен, как пытался с Иванцовым бежать из лагеря под Лодзью и что из этого получилось. Саша угрюмо слушал, опустив голову, но исподлобья поглядывал на охранников.

— Вы достойные люди, — сказал он, когда Валентин умолк. — Ваш план побега через подземную канализацию обсудим. После отбоя к вам в блок придет Москвич, скажет, что делать. А теперь — работать. А как работать — сам сообрази. Увидишь на «Канаде» много страшного, а нервы береги, пригодятся. Молчи и терпи, терпи и молчи.

Терпеть и не возмущаться было не в характерах Валентина и Виктора. Достаточно увидеть копну жен-

ских волос или груду детской обуви, чтобы воображение тотчас же нарисовало ужасную картину гибели тысяч женщин и детей. От этого мутилось в голове, хотелось выть по-волчьи, кидаться на эсэсовцев, рвать их, терзать... Но что можно было сделать безрассудной вспышкой ненависти? Убьют и сожгут в крематории. Нет, терпеть, сплачиваться для борьбы и ждать, ждать. А пока...

Видно, не одни летчики задумывались над тем, как навредить фашистам. Скоро в помещении пыль поднялась столбом, эсэсовские охранники у дверей и окон стали чихать, ругаться, но вскоре не выдержали и выбежали из склада. Иванцов живо притащил откуда-то ведро воды, помещение спрыснули, воздух очистился от пыли, и теперь уже заключенные принялись «работать» без надсмотрщиков, лишь в присутствии форарбайтеров и форманов, которые удивительно поглупели и стали близорукими.

Лишь однажды седоголовый форарбайтер подошел к летчикам и шепнул:

— Обувь рвите мельче, бросайте в утиль подальше, тщательней засыпайте мусором.

Скоро куча изуродованной военной обуви, перемешанной с детскими ботиночками, рваными туфлями и прочим мусором, поднялась до потолка. В мужской, а особенно в дамской обуви, попадались золотые вещицы: крестики, кольца, цепочки, монеты, даже серьги и плоские часики. Все это находилось под стельками, было заделано в каблуки, спрятано под ватой в носках ботинок и туфель.

Что нужно было делать с этим золотом? Сдавать эсэсовцам? Черта с два! Заключенные прятали золото разными способами: лепили золотые монеты хлебным мякишем или пластырем к стопам ног и обувались,

вывозили кольца, браслеты или серьги в тайниках на рулвагах — телегах, развозивших по складам вещи узников, зарывали в землю под полом, ухищрялись, кто как мог. Главное, чтобы золото не попало в руки гитлеровцев.

Никакой надзор эсэсовцев не помогал. По крайней мере, треть имущества и валюты не попадала в банки и на вещевые склады Германии.

Валентин начинал понимать, что лагерь живет двойной жизнью и вторая жизнь полна загадок и тайн.

Если заключенному надо было выйти из склада по чьему-либо вызову, его раздевали донага, светили фонариком в рот, обыскивали одежду.

Валентин встревожился. Как быть со Звездой? Бросить ее здесь в куче обуви и одежды? Зарыть?

Да лучше умереть на виселице!

И опять помог седоголовый форарбайтер с номером 88349. Перед окончанием работы, уже при свете электролампочек, которые ярко осветили все углы склада, он незаметно для других сделал Валентину знак подойти. В его руках была палка, железная, толстая, — с такой обычно ходили все старшие рабочих команд.

— Давай Звезду, живей!

Валентин доверил ему Звездочку, как доверил бы жизнь. Саша отвернулся, что-то сделал с набалдашником палки и вдруг сунул Звездочку внутрь железной полой трубки.

— Верну после аппеля, жди Москвича.

Саша отошел в сторонку. Охранник-эсэсовец распахнул двери и заорал:

— Heraus! Marsch! Marsch! Los! Los!

По всем лагерным дорогам полосатыми колоннами двигались заключенные. Гремел духовой оркестр, составленный из ста пятидесяти узников-музыкантов. Он

играл веселый немецкий марш. Команды возвращались на свои блоки. Шли живые, выдержавшие еще один день каторги, в задних рядах тащили убитых или умерших от истощения. А оркестр играл весело и зажигающе. После марша раздались звуки жгучего фокстрота, по асфальту еще более четко и быстро застучали деревянные колодки, отбивая шаг.

Вечером, незадолго до отбоя, в блок пришел Виктор-Москвич. Он принес Золотую Звезду в тряпице и полбуханки хлеба за пазухой.

— Рубайте, дядя Саша велел.

Пока летчики и Ваня Костылько ели, он тихонько, с оглядкой рассказывал о жизни в лагере. Москвич работал в команде «бротенпладен», на пекарне и на кухне, часто встречался со многими заключенными и многое знал.

Прежде всего он сообщил им пять заповедей заключенных в концлагере: 1) беречь обувь, без обуви простудишься и угодишь в крематорий, 2) не рыскать по мусорным ямам, как бы ни мучил голод — дольше проживешь, 3) не надрываться на работе — беречь силы для будущей борьбы, 4) ничего не брать у товарищей и тащить все, что плохо лежит, у эсэсовцев, 5) крепить дружбу между заключенными различных национальностей и готовиться к самоосвобождению.

— Это, значит, к восстанию? — переставая жевать, спросил Иванцов.

Москвич оглянулся на хефтлингов, сидевших за столом или бродивших по бараку, еще тише сказал:

— Там увидим... Ешьте быстрей.

Ваня Костылько доел последнюю корку хлеба, пошарил вокруг себя руками, но больше ничего не нашел. Боясь прилечь на нары, он задремал, привалившись к столбу. Москвич шепнул:

— Айда в уборную...

Здесь, в холодном и сыром помещении, несколько заключенных докуривали добытые днем сигареты или окурки. Дождавшись, когда все ушли, Москвич зашептал:

— Ребята, поклянитесь именем матерей, жен и детей, что никогда никому и ни под какими пытками не выдадите тайну, которую узнаете от меня.

— Клянусь! — сказал Валентин.

— Жизнью отвечаю! — сказал Виктор Иванцов.

— Считаете ли вы себя по-прежнему членами партии? — с неожиданной торжественностью в голосе спросил вдруг Москвич.

— Всегда и везде!

— Верю, друзья. Слушайте. В лагере уже больше года действует антифашистская организация Сопротивления. Мы решили принять вас в свои ряды. О том, кто нами руководит, не спрашивайте: все равно не скажу. Организация уже большая. В нее входят русские, чехи, поляки, французы, немцы. Но в лицо знают друг друга только двое-трое. Это во избежание провала всей организации. Вы будете в группе Саши, куда вхожу и я. Сегодня вам поручается одно дело...

Москвич умолк, прислушался. Стук деревянных колодок по асфальтовому полу в коридоре приближался. Вошел заключенный, но, увидев, что у троих один окурок и ему вряд ли что останется, вздохнул и ушел из уборной.

— Саша велел обследовать канализационную сеть. Ключи к замкам и фонарик я принес, держи, Ситнов. Решено: русские попытаются разбить миф, что из Освенцима невозможно бежать.

Москвич достал из-за пазухи два ключа и сунул их Валентину в карман.

12 Заказ 6670

— Спуститесь под землю через люк у конного двора, обследуйте весь коллектор. Главное, надо узнать, можно ли выбраться к Висле. Если можно, то побег проведем в ближайшие дни. Переплывем реку, запутаем следы — и в горы, к партизанам.

— А если к Висле не пробраться? — спросил Иванцов. — Тогда как? Может, как в Лодзи, через проволоку?

Москвич с сожалением вздохнул, цокнул языком.

— Таким путем отсюда не убежишь. Кроме дивизии «Ваффен СС» и зондеркоманд, в которых служат эсэсовцы, лагерь еще охраняют специальные батальоны с собаками. Овчарки обучены охоте на людей. Так что...

— А по-моему, можно уйти из полевой команды, — вслух подумал Валентин. — Известковый карьер недалеко от Вислы, охранники иногда дремлют или собираются в кучу, а кругом кусты...

Вдали ударили в колокол. Раздались свистки лагершутцев.

— Тише, сигнал отбоя! — предостерег Москвич. — Завтра доложите дяде Саше, когда придете на «Канаду»...

Москвич исчез. Летчики вернулись в барак и, забравшись на нары, закрыли глаза: блоковый Вилли будет проверять, все ли заключенные соблюдают режим.

Спать и в самом деле хотелось досмерти. Сознание порой прерывалось, тело стремительно падало в пустоту, как при пикировании. Но либо Валентин Иванцова, либо Иванцов Валентина в такие минуты толкал в бок, и летчики опять неподвижно лежали с закрытыми глазами.

За полночь, когда в блоке все стихло, летчики слезли с нар. Валентин нащупал за пазухой ключи, Виктор

Иванцов зажал в руке принесенный Москвичом фонарик. Крадучись, они вышли из блока.

Во дворе было светло. Электрические лампы и лучи прожекторов на воротах отбрасывали на землю желтые круги, по временам медленно ползли по асфальту дорожек и аппельплацу, но за углами блоков и под деревьями лежали тени. Часовых у блоков не было, лишь патрули из лагерной полиции где-то ритмично стучали сапогами.

Теперь летчики уже знали, что после вечерней переклички эсэсовцы покидают лагерь и оставляют его под надзором многочисленных часовых на вышках. Власть в лагере целиком переходит в руки самоуправления из заключенных.

Перебежав пустынный промежуток между бараками, Валентин и Виктор безмолвными тенями проскользнули вдоль задней стенки конюшни, быстро открыли люк канализации и спустились в вонючий колодец.

Почти всю ночь лазили они по грязным трубам, задыхаясь от вони, сцепив зубы. Обследовали несколько коллекторов, измучились и уже отчаялись найти выход к Висле. И вдруг Иванцов обнаружил, что справа зияет круглый проход. Здесь можно было идти, лишь чуть пригнув голову.

— Выход к реке!

Не боясь, что их услышат или увидят, летчики кинулись вниз по широкой трубе, вспарывая тьму лучом фонаря. Им уже казалось, что они на свободе, что сейчас откроется выход, они бросятся в реку, вынырнут на поверхность и увидят звездное небо. А потом вернутся в лагерь и выведут за собой сотни, нет — тысячи заключенных!

И вдруг луч фонаря вырвал из тьмы... Проклятье! Выход к реке закрыт толстой чугунной решеткой.

Иванцов закричал:

— А-а-а-а, сволочи! Гады-ы, фашисты проклятые, а-а-а!

Он схватился за осклизлые прутья решетки, стал их дергать, трясти, раскачивать. Он рычал, как тигр, впервые попавший в клетку, пытался оторвать хоть один прут и кричал:

— Ааааа! Гады-ы, ааа!

С большим трудом Валентин оттащил его от решетки и повел запутанным путем назад.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Виктор Иванцов после утренней поверки куда-то пропал. Валентин и Ваня Костылько пристроились у чердачного окна. Последние дни «бабьего лета» стояли на редкость солнечные и теплые. Под крышей было душно, как в парной бане. Их радовала эта духота: исхудавшее, иззябшее тело впитывало тепло и млело. Клонило в сон. Они упрямо боролись с дремотой и глядели в окно поверх барачных крыш. На горизонте в синей дымке виднелась полоска гор — это Бескиды, там чешские и польские партизаны. За Бескидами, чуть левее, прямо на востоке, — родная земля.

Люди, каждый день видящие ужасы, казни, пытки, каторжный труд, привыкают к ним. Валентин видел это на примере товарищей и знал по себе. Палачи стараются унизить заключенных, а они думают о семьях, о детях, о счастливой любви в прошлом, о Родине и надеются на лучшее, несмотря ни на что. В этом — сила жизни.

С каждым днем тоска по Родине все сильнее овладевала Валентином. Он замечал, с какой жадностью

смотрит Ваня Костылько на восток, и понимал его. Валентин и сам каждую ночь видел во сне то родные лица жены Вали, Валерика, матери или отца, то грибные походы, то ночевки на лугах во время сенокоса... Но тоска по Родине — это не просто желание увидеть знакомые места. Тоска по Родине — это и жажда свободы, это воспоминания о том, как встает ранним утром над родным селом солнце, похожее на цветок подсолнуха...

И усиливает тоску плывущее над головой радостно-серебристое облачко, чистое, как детство.

Ваня Костылько отодвинулся от окна, показал рукой влево:

— Глянь, Валентин: жуть.

На северо-западе, над редким сосновым леском, висела большая сизая туча. Ветер оттуда приносил тошнотворный смрад.

— Крематориям опять работа, — процедил сквозь зубы Валентин. Он не мог оторвать взгляд от зловещего вида Биркенау — огромной фабрики смерти. Четыре квадратные трубы извергали в небо клубы дыма: печи выпускали «на люфт» ненужных фашистскому райху «унтерменшен» — людей «низшей» расы: евреев, славян, греков, французов, цыган...

— Скоро, что ли, наши придут? — тоскливо воскликнул Костылько.— Видно, нам уже не дождаться: сожгут всех.

— Придут, Ванюшка, теперь уже скоро. Наши гонят немцев с Украины, глядишь, за зиму на границу выйдут. Только уцелеть надо до этих пор.

— А как уцелеешь? Отсюда не убежишь...

— Один, конечно, не убежишь. Восстание надо готовить, вот что. Как наши подойдут поближе — всем на охранников и смести их. Идем к березке!

Костылько встрепенулся, повеселел, полосатой тенью мелькнул у чердачного люка. Валентин спустился вслед за ним.

Березка... Валентин не шутил: неизвестно кем посаженная, белоствольная березка и в самом деле растет в конце лагерной аллеи, возле прачечной. Она стоит и шепчет багряно-желтыми листьями о неистребимой любви к родной земле. Она тонка — песчаная лагерная почва мало дает ей соков, — но ветви ее гибки и нежны, а листья — зубчатые сердечки — источают знакомый горький аромат. Среди раскидистых толстых кленов и каштанов она, как слабая девушка среди корявых лешаков, но зато и на скудном лагерном супеске она вытянулась выше блоков и уже шелестит листвой навстречу восточному ветру.

Сегодня воскресенье, эсэсовцы после утреннего аппеля ушли отдыхать и пьянствовать в своих казармах за лагерной чертой. Лишь на вышках у пулеметов маячат зеленые тени часовых.

По лагерной аллейке медленно бродят туда и сюда высохшие хефтлинги. Русские, как Валентин и Костылько, либо идут на свидание с березкой, либо возвращаются от нее. Неритмично и негромко стучат колодки — оркестр сегодня молчит, и торопиться не надо.

Валентин прижался лицом к пахучей березовой ветке, глубоко втянул в себя ртом и носом воздух. От бесконечной нежности замерло сердце.

Кто-то негромко позвал:

— Ситнов, иди сюда!

Обернулся: Виктор Иванцов, Москвич и седоголовый Саша уединились в холодке возле прачечной, уселись в кружок. Среди них двое незнакомых.

— Обожди здесь, Ванюшка, я скоро,— сказал Валентин, подошел и сел возле Иванцова.

— Сдавай карты на всех,— кинул ему колоду Саша.— Играем в подкидного дурака, запомни...

Валентин раздал карты, искоса посмотрел на незнакомых товарищей. Саша заметил его взгляд.

— Знакомься, Ситнов. Это — Петр Махурин, танкист, тоже участник Сталинградской битвы, как и ты. Это — Федор Сгиба, батальонный комиссар. А это, друзья, тот Герой-летчик, о котором я вам рассказывал...

Переждав, когда Валентин пожмет всем руки, Саша продолжал:

— Предлагаю Ситнова и Иванцова ввести в руководящее ядро организации. Проверку выдержали. Махурин? Сгиба? Согласны?

Петр Махурин — коренастый, чернобровый крепыш со следами ожогов на лице. Ему около сорока лет. Он прожил интересную, славную жизнь. Сражался в Испании на стороне республиканцев, в 1942 году участвовал в разгроме немецко-фашистских войск под Сталинградом, командовал семнадцатой гвардейской танковой бригадой. Под Калачом прорвался в тыл врага и сделал налет на вражеский аэродром, но в танк угодил снаряд. Через люк Махурин успел выскочить из горящего танка, но гитлеровцы прошили его пулеметной очередью и полумертвого захватили в плен. В офицерском «шталаге» под городом Ладвассер кое-как залечили раны и заставили работать. В этом лагере, как потом рассказывал Петр, ему довелось быть вместе с замечательным русским человеком — генералом Карбышевым. Слушая рассказы Махурина о Сталинградской битве, Карбышев радостно говорил: «Ты молодой, Петр, а успел знатно побить врага. Тебе ли сидеть за колючей проволокой? Пока есть силы, беги! Беги в одиночку, бегите группой или целым лагерем, дезор-

ганизуйте жизнь вражеского логова, уходите в партизаны... Из ручейков образуются реки...»

Все это Валентин узнал потом, когда ближе сошелся с танкистом. А сейчас ему стало обидно, что Махурин слишком скупо, неохотно проронил:

— Я согласен, только пусть знают, что идут почти на верную смерть. Из горящих самолетов выскочить — не факт, отсюда, пожалуй, потруднее будет вырваться.

Махурин промолчал, пожевал запекшимися губами, оглянулся на заключенных у березки, потом продолжал:

— Я сменил уже четыре команды, изучил все пути и лазейки. Выйти к Висле, как обнаружили летчики, не удастся. Предлагаю следующие варианты: первое — подкупить посты на карьере...

— Чушь, фантазия! — сердито сказал Сгиба.

— Тогда второе: попасть на транспорт с барахлом и в дороге передушить всех охранников...

— И опять чушь, они тебя прямиком в Биркенау доставят, — не согласился Саша.

— Третье: есть возможность выехать из лагеря в машине с грязным бельем, а за стенками лагеря бежать.

И опять Федор Сгиба — высокий и сутуловатый, с цыганскими смолевыми глазами и смуглым лицом, — покачал головой и закашлялся.

Он и в самом деле был цыганом по национальности. Гитлеровцы ненавидели цыган не меньше, чем евреев, и безжалостно уничтожали. Федора Сгибу, учителя с Урала и политработника Красной Армии, в лагере должны были уничтожить в первую очередь. Но немецкие антифашисты из канцелярии сумели спасти его от крематория: записали в личную карточку, что он — армянин, и с тех пор Сгиба под незримой охраной под-

польщиков проживал то в одном, то в другом блоке и вел огромную агитационную работу.

По тому, как он сдержанно отнесся к предложениям Петра Махурина, Валентин понял, что Сгиба — волевой и осторожный человек.

— Не горячись, Петр, — откашлявшись, сказал Федор. — Все эти твои планы — чистая авантюра, не больше. Нужно другое...

— Восстание надо готовить! Когда подойдут наши — выступить с оружием в руках, — вставил Валентин.

— Правильно, товарищ, — согласился Сгиба. — Вы, Ситнов, коммунист? А вы, Иванцов? Отлично. Нет такого места на земле, где бы кончились обязанности члена партии или комсомольца. Значит, везде они должны быть деятельными борцами. Надо искать среди заключенных коммунистов и комсомольцев, в первую очередь из них сбивать боевые группы, готовые биться с фашистами насмерть.

Федор опять раскашлялся и замолчал. Тогда вновь заговорил Саша.

— Ударная задача ядра подпольной организации — объединение всех антифашистских сил в лагере. Мы должны, товарищи, сохранять и выводить из-под угрозы уничтожения советских людей. Нужно организовать диверсии на производстве, саботировать мероприятия лагерного начальства. Но главное — мы должны готовиться к вооруженной схватке с эсэсовскими палачами. Огромную помощь нам окажут немецкие антифашисты и австрийские коммунисты...

Иванцов возмущенно поднял руку:

— Эээ, куда хватил, товарищ Саша! Чтобы немцы стали нам помогать! Да провалят они нас, продадут ни за грош!

Валентин тоже не поверил Саше и добавил:

— Правильно, все они гады. На нашей земле что творили?! А нас с Иванцовым кто предал? Немец! А мы уже почти до Белоруссии дошли!

Петр Махурин и Сгиба переглянулись.

— В Испании я сражался вместе с немецкими коммунистами против банд Франко. Немецкие коммунисты помогли мне спастись от смерти, они нашли антифашистов-врачей, и те сделали операцию, когда у меня разошлись швы на животе... — задумчиво проговорил Махурин.

А Саша достал из кармана куртки пачку махорки, оделил всех щепотками крупки и негромко, но убежденно сказал:

— Вы не правы, товарищи летчики. Нельзя отождествлять понятия «немец» и «нацист», тем более, что вы коммунисты и советские люди...

Задымили самокрутки. Ароматный, знакомый с детства, но уже полузабытый запах махорки щекотал ноздри, радостно волновал, словно Валентин опять очутился на деревенской улице вечерком, когда выходят мужики посидеть на завалинке.

Саша затянулся «козьей ножкой» так, что щеки ввалились. Федор Сгиба закончил:

— В концлагере Освенцим, как и в других, две Германии: Германия душителей, палачей, и Германия людей настоящих. О них вы узнаете со временем. Это — соратники Тельмана. Они пережили весь ужас пыток в застенках Дахау, Маутхаузена, Бухенвальда. Эти люди — надежда и будущее немецкого народа...

Саша и Федор говорили с таким убеждением, что спорить с ними было невозможно. И все-таки Валентина их слова не убедили.

Виктор-Москвич прервал спор предостерегающим: «Тссс!» Саша тотчас же бросил Валентину карту:

— А ну, побей! Что, кишка тонка? А эту? А эту? Взял? Ха-ха-ха!

Мимо проходили двое хефтлингов. Они остановились, с минуту следили за игрой, потом пошли дальше.

Москвич сказал:

— Спору о немцах сейчас не будет конца. Поживем — увидим. А пока надо каждому дать задание, чем помогать наступающей Красной Армии.

Саша сложил карты в колоду, смешал:

— Ситнов и Иванцов на будущей неделе будут переведены на работу в электромастерскую. У тебя, Ситнов, техникум за плечами, с обязанностями электрика справишься, а нет, так товарищи помогут. Иванцов — мастер токарного дела, тоже не новичок будет. Свяжем вас с товарищами, организуете саботаж, чтобы мастерская встала или работала еле-еле.

Петр Махурин задумчиво посмотрел на Валентина:

— Так, у Ситнова, значит, техникум за плечами, да еще химический? Слушай, Ситнов, а не сможешь ли ты наладить одно очень важное дело?

— Какое?

— Ты химию должен знать досконально, так?

— Ну, многое уже забылось... — возразил Валентин.

— Понимаешь, мало у нас боеприпасов. Взрывчатку выносить из цеха военного завода стало слишком опасно. Нельзя ли наладить производство своей? Ну, пироксилина, что ли, или еще чего... Ты должен знать, ты химик.

Валентин задумался. Когда-то в Дзержинском техникуме студенты знали, как приготовить нитроглицерин, пироксилин, нитропороха...

— Азотная кислота найдется? А вата?

— Достанем, — уверенно сказал Махурин. — Еще что?

— Еще корпуса гранат, взрывателей.

— Дадим задание в заводские мастерские, только сделай чертежи. Все?

— Все-то все, но где всем этим заняться? — Валентин развел руками, оглянулся. Возле березки, прямо на траве, сиротливо сидел Ваня Костылько и скучно поглядывал на картежников.

Саша сказал:

— Завтра я тебя пошлю из склада в кантину за сигаретами, там встретишься с кривоносым продавцом, а он сведет, с кем нужно.

— Хорошо, — Валентин опять посмотрел на Ваню Костылько. — Но что делать вон с ним? Нас переведут в электромастерскую, а его? Не угодит ли в карьер?

— Слаб он для карьера, — хмуро проворчал Иванцов. — Не можем мы его бросить без помощи.

Саша потер ладонью стриженую голову, помолчал, подумал.

— Ладно, Костылько пока оставим на работе в складах. Нельзя ли и его привлечь к подпольной работе?

— А куда он годится, такой доходяга? Разве что песни петь. Это он может, за песни и в Освенцим угодил.

— Как это — за песни? — недоверчиво переспросил Сгиба.

И Виктор Иванцов рассказал недлинную историю паренька-десятиклассника с Украины.

— Это по твоей части, Федор,— с улыбкой сказал Саша. — Надо бы наладить вечера самодеятельности. Лагерное начальство, я думаю, пойдет на это, разрешение получим. Пусть иностранцы узнают силу русской песни! Продумаешь это, Федор? Посоветуйся с Василием, как это сделать.

Федор Сгиба молча кивнул и поднялся с лужайки. За ним поднялись и Саша с Махуриным.

— Все пока, товарищи, расходитесь по блокам. Ищите верных людей, готовьтесь встречать Красную Армию достойно!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Валентин проснулся под утро. Шевеля от озноба лопатками и прихрамывая, пробежал мимо дежурного штубендиста и спросил, сколько времени. Штубендист, зевая, посмотрел на часы: около четырех. Через час подъем.

В уборной и в умывальной никого не было. Валентин, оправившись, уже потрусил было в коридор, когда заметил на двери какой-то белый листок. Подошел поближе. Листок был исписан от руки карандашом, буквы были корявы, расползались вкривь и вкось. Но Валентина поразило не это, а смысл написанного. Корявые строчки сообщали:

«Немцы, которые принимали участие в массовых расстрелах итальянских офицеров, или в казнях французских, нидерландских, бельгийских и норвежских заложников, или критских крестьян, или же те, которые принимали участие в истреблении, которому был подвергнут народ Польши, или в истреблении населения на территориях Советского Союза, которые сейчас очищаются от врага, — должны знать, что они будут отправлены обратно в места их преступлений и будут судимы на месте народами, над которыми они совершили насилия. Пусть те, кто еще не обагрил своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзные державы наверняка найдут их даже на краю света и передадут в руки обвинителей с тем, чтобы смогло совершиться правосудие».

Внизу была подпись: «Декларация глав союзных держав СССР, США и Великобритании, октябрь 1943 г.» А чуть левее листка бумаги прямо на стене черным карандашом были написаны фамилии нацистов, подлежащих уничтожению за преступления против человечества. Первыми в этом списке стояли фамилии Гиммлера и коменданта лагеря Рихарда Бёра.

Дрожащей рукой Валентин потянулся, чтобы сорвать листок и отнести его в блок. Но сейчас же подумал, что не для него одного кто-то, рискуя жизнью, повесил этот листок именно в уборной, где, кроме блокового, писаря, штубендистов и хефтлингов, бывают и гестаповские ищейки. Теперь уже Валентин знал, чья это работа: без Федора Сгибы и его пропагандистов дело не обошлось.

Валентин вернулся в блок, разбудил Виктора Иванцова. Тот всхрапнул, со стоном перевернулся на спину и выругался.

— Эх! Такой сон видел...

— Сходи в уборную, посмотри на дверь и на стенку...

Виктор вернулся на нары с шальными глазами и просветленным лицом.

— Вот это дали им по мозгам! Теперь немцы призадумаются! Буди Костылько, пусть тоже почитает.

Ваню добудились с трудом. Он долгое время не мог понять, чего от него хотят, но все-таки послушался и побежал в уборную. Оттуда он прилетел, как на крыльях.

— Ребята, ребятушки, хлопцы мои ридны! Что я там нашел-то! Читайте скорей!

Он вытащил из-за пазухи листок, подал Иванцову. Валентин крякнул, с досадой сказал:

— Зачем ты, эх! Пусть и другие знают!

Ваня виновато кашлянул.

— Так я же хотел, как лучше. Переписать надо, чтобы всем хватило...

— Переписать? Это, пожалуй, дело! — согласился Иванцов. — Да лезь ты сюда, простудишься. На чем писать будем?

— На «Канаде» я видел бумажные мешки, карандаш одолжим у французов, у них есть, им разрешается домой письма писать...

— Добре, Ванюшка, сделаем десятка два экземпляров и распространим в других блоках.

До сигнала «подъем» летчики так и не уснули. Валентин поспешно оделся и, увертываясь от палки старосты, выбежал на аппельплац, встал в строй.

Все долгие часы работы на «Канаде» он помнил, что сегодня ему нужно явиться в кантину — лагерную лавчонку, где продается всякая мелочь: эрзацтабак, мыло, гуталин, зубная паста. Все эти «предметы лагерной роскоши» вырабатывались заключенными тут же, в парфюмерной мастерской под кантиной, в подвале.

Около двенадцати часов дня, когда эсэсовец-охранник объявил получасовой перерыв, к Валентину подошел Саша.

— Давай Звезду. Пойдешь в кантину, там тебя будут ждать. Скажешь, что тебя прислали за пачкой табаку с красной наклейкой. Понял? Это пароль, не забудь. Из склада выпустят, я уже договорился. Постарайся обернуться за полчаса. Действуй.

В кантине толкалось несколько заключенных, преимущественно «зеленых». Одни покупали табак и тут же, у входа в лавочку, закуривали. Другие, облокотившись на прилавок или ящики, вяло перебрасывались с продавцом незначительными словечками. Продавец — огромный верзила с изуродованным носом и тяжелыми челюстями боксера — смотрел на всех сверху вниз.

На Валентина, увидев его красный винкель, «зеленые» посмотрели с пренебрежением, один — рыжий, с толстыми губами — сплюнул под ноги и недобро спросил по-немецки:

— Was willst du, rotes Gesindel? (Чего тебе, красная сволочь?)

Валентин подобрался, сдерживая злость, как можно покорней и не совсем правильно по-немецки объяснил:

— Меня прислал господин форарбайтер, мне надо купить пачку табаку с красной наклейкой. Вот марки, видите?

Трудно выговаривая непривычные слова, Валентин посмотрел на продавца. Тот оживился.

— Эй, хефтлинг, тебе табаку, говоришь? С красной наклейкой? Ладно, понятно, сейчас сделаем.

Продавец что-то сказал «зеленым», подмигнул им и засмеялся. «Зеленые» заржали на всю лавчонку и стали расходиться. Продавец запер за последним дверь.

— Пойдем вниз. Тебя как зовут? Валентин? Ладно, понятно. А я Карл, по прозвищу Кривонос. Красиво? — продавец опять засмеялся, положил тяжелую руку на плечо Валентина и стал спускаться вниз по бетонной лестнице.

В мастерской, освещенной двумя электролампочками, работали у верстаков пять заключенных в засаленных мышиного цвета халатах. В кирпичную плиту были вмазаны два котла, сейчас в них что-то кипело, пузырилось, булькало, а к потолку поднимался пар и сгущался там в вонючее облако. Дышать было трудно, от духоты сразу выступил пот.

— Эй, Каленый! К тебе пришли! — громко закричал продавец и подтолкнул Валентина к низенькому, чумазому, действительно словно каленому на сковородке человеку. Тот прикрикнул на обернувшихся хефтлингов:

— Работай, работай!

И подошел к Валентину. У него были желтые, как янтарные пуговки, быстрые глаза и выгоревшие брови.

— Ты и есть номер сто восемьдесят девять тысяч одиннадцать? Ага! Кто тебя прислал? Саша Гусев? Что? Его фамилию не знаешь? Ага! Что тебе от нас надо? Зачем пришел?

Валентин опять объяснил, зачем пришел. И тогда форарбайтер махнул Кривоносу грязной рукой, сказал:

— Все в порядке, Карл, ошибки нет. Иди на свое место.

Каленый подвел Валентина к верстаку в углу под маленьким окном, усадил на табуретку. Сам не сел. Теперь они с Валентином стали одного роста. Каленый заговорил по-русски без всякого акцента.

— Завтра тебя переведут к нам в мастерскую на несколько дней. Ты должен на пробу приготовить нужное количество взрывчатки для гранаты, — Каленый говорил тихо, оглядываясь то на заключенных, то на дверь. — Этих не бойся, свои парни. Карл — тоже свой. Остерегайся эсэсовцев, которые заходят сюда то за мылом, то за гуталином. А так работай спокойно. Постарайся завтра принести с собой чертежи корпуса гранаты и запала. Ребята на заводе сделают быстро. Соберешь опытный образец гранаты, испытаем, а тогда уж без тебя наладим производство взрывчатки и гранат — в массовом масштабе. Понял?

Валентину не ясно было только одно: где потом испытывать гранату? Звук взрыва будет сильный.

— Место найдем, не думай об этом. Думай, как сделать взрывчатку. Говори, что для этого понадобится?

Когда Валентин объяснил, как решил готовить взрывчатку, Каленый кивнул, потянул за руку.

— Теперь все, беги на «Канаду», обеденный пере-

13 Заказ 6670

рыв кончается. Да, табак не забудь взять у Кривоноса!

На место работы Валентин все-таки опоздал. Обеденный перерыв кончился минут десять назад. Эсэсовец-охранник, встретив его у дверей, вытянул вдоль спины резиновой гуммой и злобно выругался. Но подоспел Саша, показал эсэсовцу табак, и охранник, ворча, оставил Валентина в покое.

В парфюмерной мастерской Валентин проработал три дня. Из лагерного ревира ему тайно доставили гигроскопическую вату, а кислота нашлась в мастерской. Заключенные, варившие мыло или гуталин, старались не замечать, над чем колдует новичок с красным винкелем, и не приставали с расспросами. Дело у Валентина спорилось. Он приготовил бы нужное количество пироксилина и раньше, но в подвал мастерской часто заглядывали эсэсовцы, и это тревожило, заставляло прерывать работу. Все же в начале ноября взрывчатка была готова.

В подвал мастерской какими-то таинственными путями был доставлен изготовленный в механической мастерской завода металлический стакан с крышкой — корпус гранаты и трубка для запала. Валентин плотно набил этот стакан пироксилином, наглухо завинтил крышку и ввернул запальную трубку, в которую был вставлен быстро воспламеняющийся, пропитанный бертолетовой солью и серой фитиль.

Испытать гранату решили здесь же, в подвале мастерской.

Но днем 2 ноября в кантину пришел Махурин и сообщил, что кое-кто из центрального руководства Сопротивлением протестует против испытания самодельных боеприпасов, дескать, можно подвести под казнь тысячи узников.

— Да разве каждый день узников не казнят? — воз-

мутился Валентин. — Разве нас не собираются всех уничтожить?

— Так-то так, Валентин, но если Центр возражает... Впрочем, подождем до завтра. Саша и Василий будут добиваться разрешения.

— Кто такой Василий? — заинтересовался Валентин.

— Не знаешь? — Петр Махурин пытливо посмотрел Валентину в лицо, улыбнулся. — Это — руководитель русской секции... Но постарайся о нем поменьше думать и совсем не говорить.

Разрешения Центра ждали еще три дня. Наконец 5 ноября Махурин в обеденный перерыв появился в кантине оживленный, нетерпеливый. Он спустился в подвал, подозвал Валентина и Каленого.

— Жми на все педали, Ситнов! Есть разрешение Центра, только велели предпринять все меры предосторожности.

— Сами знаем, — сказал Валентин в радостном возбуждении и тут же начал приготовления.

Все заключенные, рабочие мастерской, поднялись в кантину. Валентин поместил гранату в ящик с песком, зажег фитиль, отбежал к двери и укрылся на лестнице. Он прижался спиной к каменной стене и дрожал, но не от холода, а от волнения: произойдет ли взрыв? Удастся ли опыт?

За дверью глухо ухнуло. Валентин вбежал в мастерскую. В воздухе столбом стояла пыль, смешанная с чадом от котлов, пахло паленой бумагой, песок из ящика разлетелся по полу мастерской.

— Уррра! — негромко закричал Валентин и кинулся к ящику отыскивать осколки металлического стакана: надо было определить их количество и, следовательно, силу поражения. Его удивило, что никто не входит в подвал. Неужели не слышали взрыва?

Валентин поднялся в кантину. И Махурин, и Каленый, и Кривонос — все смотрели на него с тревогой, с ожиданием.

— Неужели не слышали? Айда вниз, братаны!

Удачное испытание первой гранаты всех словно окрылило. На грязном лице Каленого застыла глуповато-счастливая улыбка, Махурин блестел зубами и глазами. Будет же оружие для восстания, будет!

Пришел день 7 ноября — праздник Великой Октябрьской революции. С утра в блоке чувствовалось еле заметное оживление. И хотя, как в другие дни, рано прозвучал гонг, возвестивший подъем, как прежде орали эсэсовцы, выгоняя заключенных на аппельплац, Валентину казалось, что лица заключенных — русских, чехов, поляков и югославов — светятся внутренним праздничным светом.

Весь день работал Валентин, полный удовлетворения, что приготовил к великому Октябрю драгоценный подарок: три мощные гранаты.

Вечером, словно чувствуя настроение заключенных, эсэсовцы умышленно затянули на два часа поверку и распустили по блокам около десяти часов. И все-таки у хефтлингов до отбоя оставался целый час, дорогой час относительной свободы. Валентин сел на скамейку, привалился спиной к столбу и задремал. Ему припомнилось, как торжественно и весело отмечали годовщину Октября дома до войны. Наверное, и сейчас Валя с сыном, принаряженные, сидят за столом возле самовара, мать, может быть, приготовила что-нибудь вкусное, а отец принес бутылку вина. Только вряд ли за столом слышатся теперь песни и смех. Теперь уж они мысленно похоронили своего Героя: из полка, конечно, давно пришло сообщение, что он не вернулся с боевого вылета.

«А вы ждите, дорогие мои, я же ведь живой еще!» — хотелось крикнуть громким голосом, но Валентин промолчал и крепко зажмурился. Нет, невесело у них там проходит этот знаменательный день... А где сейчас ордена и медали и блокнот с планшетом? Донбасс освобожден. Та женщина, что повстречалась в овраге у родника,— жива ли она? Отослала ли в Сыресево планшет? А если нет?

— Валентин... Ну, Ситнов же, не надо скрипеть зубами, не надо!

Голос слышится как будто издалека. Это — Ваня Костылько.

Валентин открыл глаза, вздохнул. В тусклом желтом свете хефтлинги двигались, переговаривались, затевали ссоры из-за крошки хлеба, из-за окурка... Нет, это только показалось, что сегодня все чувствуют себя именинниками. Никакого праздника нет, тоска висит в блоке густым облаком, и нет в этом облаке просвета. Да разве способны униженные, забитые хефтлинги на что-то героическое!

Валентин не заметил, как подошел Москвич.

— Слушайте, Валентин, Ванюша, хотите принять участие в концерте? Надо же отметить двадцать шестую годовщину Октября.

Валентин даже приподнялся.

— Ты с ума сошел?

Москвич весело оскалился.

— Французы добились разрешения собраться и спеть религиозные песни. У них будто бы какой-то праздник. Приглашают нас. Пошли?

— Когда? Сейчас? А отбой?

— Ничего, старосте я дам пяток сигарет...

— Надо бы Иванцова подождать.

— Он уже там, идемте.

Во французском блоке было шумно и светло. Над длинным столом горела яркая двухсотсвечовая лампа, а при взгляде на стол глаза разбегались и голова кружилась от невероятной роскоши. На газетной бумаге были разложены галеты, сыр, копченая колбаса, даже сардины — все это французы получили в посылках Красного Креста. Но тут же лежали крупные неочищенные картофелины, куски хлеба, мармелад из свеклы и стояли три бутылки морса.

У Валентина моментально рот наполнился слюной, а пустой желудок словно кто-то защемил клещами. Он остановился, не доходя до стола двух шагов, и не мог отвести взгляда от угощения, пока его не дернул за рукав откуда-то появившийся Виктор Иванцов.

Не успели летчики и Костылько усесться в уголок на нары, как вечер начался. Заговорил незнакомый хефтлинг с красным винкелем. Был он среднего роста, с проступающей сединой в волосах.

— Кто это? — спросил Валентин у Москвича.

— Василий... Настоящая фамилия его — полковник Карцев, а имя и отчество я не знаю... А вон там, смотри, немецкий коммунист Эрнст, видишь, красивый такой, светловолосый... Много тут наших, приглядывайся и запоминай своих.

О полковнике Карцеве Валентин слышал еще от Петра Махурина. Это Карцев был инициатором подготовки вооруженного восстания. Его план горячо одобрили немецкие и австрийские коммунисты, руководители польской и чешской подпольных групп. Вместе с другими боевыми офицерами полковник Карцев, или Василий, как его все звали в Освенциме, детально изучил схему организации охраны лагеря, расположение огневых точек, пути выхода и рельеф местности. С помощью польских друзей он установил связь с «цивиль-

ными» сербами, которые жили в городе Освенциме, и с советскими военнопленными, работающими на зенитных батареях фашистов вместо угнанных на фронт немцев-резервистов.

Василий говорил недолго и скупо. Он сделал краткий обзор военных событий на Восточном фронте, сообщил, что советские войска освободили Киев, Фастов, а за летнюю кампанию 1943 года разгромили сто сорок четыре немецких дивизии.

Валентин вместе с другими узниками при этих словах вскочил, что-то закричал. В блоке поднялся гвалт. Василий поднял руку, крикнул:

— Тихо, тихо, товарищи, мы не в Москве на Красной площади!

Шум и гвалт стихли. Французы, как радушные хозяева, пригласили гостей к столу. Начались заздравные тосты, завязались дружеские беседы. Говорили по-русски, по-французски, по-немецки. Многие, кроме своего языка, не знали никаких и на помощь призывали жесты, но все хорошо понимали друг друга.

Угощение было уничтожено быстро. Немецкие и французские товарищи, видимо сговорившись заранее, затянули то ли молитву, то ли песню. Но вот в мотив церковного хорала вплелся бодрый, торжественный, знакомый с детских лет напев «Марсельезы». И тогда Валентин понял, в чем дело, и первый запел:

Вставай, проклятьем заклейменный...

Казалось, невероятно дикая какофония звуков, грубых и звонких голосов взорвет блок, разнесет все кругом, как бомба. Но каждый слышал лишь свою музыку и ею в этот миг жил.

Этой неслыханной ораторией закончилась торжественная часть, и начался концерт. Его открыл совмест-

ный хор из всех присутствующих песней о «Катюше». Эта песня давно стала близкой и дорогой всем освенцимским узникам. Потом спели «Широка страна моя родная», потом французы — свою песню, а немцы — свою. Но вот в перерыве Федор Сгиба вытолкнул на середину круга Ваню Костылько и крикнул:

— Послушайте, друзья, нашего певца! Он исполнит русские народные песни!

Кто-то рядом с Валентином с польским акцентом сказал:

— Пан русский хочет, чтобы мы посмеялись над доходягой? Добже, добже.

Но хилый, изможденный Ванюша Костылько приободрился, расправил плечи, глаза у него прищурились... И он запел сперва тихо, потом все громче, громче...

> Но настанет пора, и проснется народ,
> Разогнет он могучую спину...

«Эй, ухнем! Э-э-эй, ухнем!» — припев подхватили не только русские, пришедшие на вечер, но и поляки, чехи, сербы, словаки. Оказалось, песня про «Дубинушку» широко известна по всем странам Западной Европы, и теперь к крепкому басу Костылько, к стройному и мощному хору славян присоединили свои голоса заключенные всех национальностей.

Когда Ванюша кончил, раздались шумные аплодисменты. Ваня Костылько стал знаменитостью, ему жали руки, приглашали приходить в другой раз на вечерние концерты. А Валентин, слушая раздольные песни своей Родины, с трудом удерживался от слез гордости и восторга.

— Вот тебе и доходяга! — с торжеством крикнул он сомневавшемуся поляку. — Вот это добже так добже!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Наступила зима, такая слякотная здесь, на Западе. Как-то в один из ветреных, особенно промозглых вечеров, когда заключенные, засунув руки в рукава и сгорбившись, до изнеможения ходили взад-вперед по бараку, чтобы хоть немного согреться, Ваня Костылько и с ним еще несколько человек под командой форарбайтера Саши Гусева притащили с «Канады» ворох гражданской одежды.

— Achtung! Лагерное начальство разрешило на зиму одеться в цивильную одежду, — выйдя на середину барачной столовой, объявил долговязый блоковый Вилли.

Помещение наполнилось гулом голосов и радостных выкриков. Но Вилли поспешил охладить радость хефтлингов:

— Achtung, still gestanden, verflüchte dochodjagen! — воспользовался он изобретенным заключенными русским словом. — На куртках нашьете красные полосы, шрайбер (писарь) покажет, как. На брюках — тоже лампасы, а на спине курток против сердца должен быть нарисован красный круг. Verstehen? (Поняли?)

Заключенные скопом кинулись к груде одежды, но Вилли гуммой восстановил порядок. Хефтлинги стали по очереди подходить к ватным пальто, курткам, суконным брюкам и, не выбирая, хватать из кучи первые попавшиеся вещи. Если куртка или брюки были малы или, наоборот, слишком велики, устраивался взаимовыгодный обмен, и в конце концов каждый подобрал себе одежду приблизительно по росту. Полнота при этом не имела значения: все были одинаково тощи.

Виктора Иванцова подозвал к себе староста Вилли, вручил банку с красным суриком.

— Male! (Рисуй!)

Летчики и Костылько разукрасили свои куртки яркими веселыми кругами, словно клоуны в цирке. Виктор засмеялся:

— А я, братцы, кой-что придумал, гляньте!

Красное пятно с левой стороны на его куртке мало походило на круг, оно скорее напоминало репу хвостиком вниз.

— Это я сердце намалевал, как раз против своего. Если будут, гады, стрелять, так чтобы не промахнулись.

Валентин, натянув брюки из грубой толстой шерсти и ватную куртку, сразу почувствовал, как загорелось, согреваясь, тело. Еще бы ноги обернуть чем-нибудь: пальцы и ступни, кажется, так и примерзают к дереву колодок.

— Завтра в мастерскую явимся, так никто и не узнает, — сказал он Виктору. — Теперь и бежать способней. В полосатых куртках сразу заметят, что лагерник, а в этом барахлишке от гражданских не скоро отличишь.

В электромастерской Валентин с Виктором работали уже около месяца. Их перевели сюда по чьему-то таинственному распоряжению.

Электромастерская лагеря Освенцим была немаловажным объектом. Здесь не только ремонтировались электроприборы, привезенные с окрестных заводов и других мастерских, но и приемники, принадлежащие лично эсэсовцам, коменданту лагеря и радиоузлу. Кроме того,— и это, пожалуй, было самым главным —через электромастерскую проходил силовой кабель с электроподстанции, который питал током мастерские Освенцима.

Электромастерская занимала просторное помещение в черте лагеря. Она была разделена перегородкой

на две комнаты: большую и маленькую, где за верстаками сидели мастера по радиооборудованию и электроприборам — француз Жак Пелиссу и чех Мисевич Пор. Виктор Иванцов под руководством поляка Яна Лапташа работал на токарном станке в большой комнате, Валентин, как бывший химик, здесь же возился с аккумуляторами, трансформаторами, батареями и конденсаторами.

За работой надзирал немец Фриц Редемер. Это был эренхефтлинг, то есть «честный хефтлинг», отбывший свой срок наказания. Он мог бы получить освобождение, но из лагеря не уходил: против русских он воевать не хотел, а избежать мобилизации в гитлеровскую армию было бы невозможно. Тихий, скромный, он скорее выполнял роль завхоза, чем надзирателя: выписывал и получал со складов материалы, принимал в ремонт и сдавал отремонтированные электроприборы и приемники. Заключенные под его молчаливым покровительством чувствовали себя свободней и уверенней.

Мастерскую неусыпно охраняли трое солдат-эсэсовцев и фельдфебель — огненно-рыжий немец из бывших мясников. Этот по всякому поводу и без повода орал на хефтлингов и щедро раздавал удары резиновой дубинкой. Виктор Иванцов ненавидел его и, пользуясь тем, что фельдфебель совершенно не знал русского языка, часто издевался над ним: обругает нехорошим словом, заключенные смеются, а фельдфебель нальется синей кровью, выпучит глаза и, ничего не понимая, начинает сыпать проклятия. Валентин не раз уже предупреждал Виктора, что эта игра ему даром не пройдет, но Иванцов только смеялся и продолжал свое.

Наконец в начале декабря Виктор все-таки довел фельдфебеля до белого каления и чуть не погиб.

Закончив вытачивать очередную деталь, Виктор выключил станок и направился мимо фельдфебеля к вы-

ходу. Эсэсовец сидел на табуретке у входа и, шевеля мокрыми толстыми губами, читал газету. Виктор нарочно громко затопал колодками, кашлянул.

— Wohin? Halt! (Куда? Стой!)

Виктор, вытянув руки по швам, выпучив глаза, как это делал сам фельдфебель, и состроив испуганную рожу, отрапортовал:

— Господин балда, я работу закончил хуже быть не может! Разрешите сходить до ветру?

Фельдфебель пожал плечами, вопросительно посмотрел на Фрица Редемера — надзирателя. В углу возле кучи хлама работали два уголовника. Они засмеялись. Один из них — хилый, с жуликоватыми глазами — ткнул пальцем в сторону фельдфебеля и что-то сказал по-немецки. Фельдфебель сделался огненно-красным, злобно посмотрел на Виктора и потянулся к кобуре.

— Hund, verflüchtes Schwein! (Собака, проклятая свинья!) В руке эсэсовца голубовато блеснул пистолет.

Виктор отшатнулся, побледнел. И в этот миг на выручку подоспел Фриц Редемер.

— Господин фельдфебель, не стреляйте в него! Он закончил и хочет получить другую работу!

— Oh! Mit Vergnügen! (О! С удовольствием!)—успокаиваясь, прорычал эсэсовец и спрятал пистолет в кобуру.

Все вздохнули с облегчением. Фельдфебель приказал надзирателю дать Виктору побольше работы, а сам, все еще злобно косясь на хефтлингов, вышел из мастерской. Вместо него пришел пожилой, почти старик, эсэсовец, призванный в охранные войска вместо угнанных на фронт молодых и сильных. Этот сразу же пододвинул к железной печурке ящик и прочно засел у огонька, закрыв глаза и свесив голову к коленям.

Валентин подошел к Виктору и твердо сказал:

— Ты не имеешь права так рисковать. У нас каждый человек на счету.

Виктор, хмуря брови, пристально следил за движениями суппорта и ничего не ответил. Но в обеденный перерыв, когда они встретились в уборной, он сказал:

— Чуть было не погиб, да как глупо. Больше не буду, Валентин.

Докурив самокрутку, он добавил:

— А ведь выдали уголовники, заметил? Особенно один, мелкий, как гнида, а сволочь. Надо эту Гниду на гребешок и...

Иванцов ногтем большого пальца надавил на стенку и плюнул.

— О Гниде поговорим потом. Надо еще посмотреть, что это за тип. Рисковать из-за него руководящими членами подполья будет слишком жирно.

Эпизод с фельдфебелем на этом закончился, но до самого конца работы к Иванцову подходили то Лапташ, то Пелиссу, то Мисевич Пор и с укором качали головой или делали выговор. Виктор злился, краснел, но молчал — видно, и в самом деле понял никчемность своих дерзких шуток с эсэсовцами.

В конце сорок третьего года Германия стала подвергаться сильным бомбардировкам с востока и запада. Многие государственные электростанции вышли из строя. Геббельсовская пропаганда неумолчно кричала в газетах и по радио: «Экономьте электроэнергию, не превышайте лимита!»

В электромастерской охрана, замечая на рассвете или днем где-нибудь невыключенную лампочку, с руганью набрасывалась на заключенных. А хефтлинги, подмигивая друг другу при встрече, поминутно «забы-

вали» выключить свет то в уборной, то в коридоре, кричали, что им темно работать, и зажигали все лампочки, доводя этим охранников до исступления. Заключенные ежились от ударов, но не унимались.

Но всего этого, конечно, было мало, чтобы нанести фашистам ощутимый урон. Нужно было придумать что-то более эффективное, и Валентин с Иванцовым придумали.

Валентин в куче хлама наткнулся на моток толстой сталистой проволоки сечением примерно миллиметра три.

— Послушай-ка, Виктор, соорудим печечку, а?

Валентин накрутил на палец проволоку, получилась спираль. Виктор смекнул:

— Подожди, я керамическую трубу видел.

Чтобы соорудить мощную электрическую печь с большим потреблением энергии, нужно было время и подходящие условия. Фельдфебель, опасаясь насмешек Виктора или по другой какой причине, стал редко появляться в большой комнате мастерской. А старик-эсэсовец постоянно дремал у печки-времянки и ни во что не вмешивался.

Главная опасность таилась в уголовниках. Они разбирались в электротехнике неплохо: до концлагеря были электриками на заводе. Об этом Виктор и Валентин хорошо знали. В их присутствии монтировать электропечь невозможно — выдадут. Как избавиться от них хотя бы на день?

— Попросим Фрица, пусть прихватит их с собой, когда поедет на склад за материалами, — предложил Виктор.

Надзиратель, выслушав просьбу Иванцова, пристально посмотрел ему в глаза, подумал.

— Jawohl, jawohl! (Конечно, конечно!) — через ми-

нуту сказал он, кивнув головой, и скрылся в своей конторке возле радиомастерской.

Через два дня Фриц Редемер с утра приказал Гниде и его дружку нагрузить тележку отремонтированными приемниками и приборами. Уголовники впряглись в тележку и под надзором Фрица отправились на склад. Жак Пелиссу тоже ушел: он должен был установить и отрегулировать приемники у офицеров охраны. В мастерской теперь, кроме Виктора, Валентина и дремлющего старика-эсэсовца, никого не было.

— Давай скорей, крути спираль... Так, керамику...

Валентин обмотал керамическую трубу от канализации толстой спиралью, концы зажал в клеммах. Керамику установили в железном каркасе, изолировали асбестом, к клеммам прикрутили длинные провода.

Печь получилась огромной, громоздкой, невероятной мощности.

Где такую нескладную махину можно установить, чтобы самая хитрая ищейка из гестаповцев не смогла ее обнаружить?

— Спустить ее в подвал, — предложил Виктор. — Там проходит теплофикация, труба обложена кирпичом. Запрячем печку туда, замуруем — и порядок.

Оглянувшись на дремлющего эсэсовца, Виктор накинул на электропечку кусок мешковины, поднял ее и потащил в радиомастерскую.

— Ян, Мисевич, помогите нам упрятать вот эту штуку, — показал Виктор на электропечь. — Из вашей комнаты есть ход в подвал...

Лапташ и Пор быстро поняли, какой ущерб фашистам это могло нанести.

— Добже, братья, действуйте!

Валентин открыл люк в подпол, помог спуститься туда Виктору, передал ему печь и спустился сам...

Когда надзиратель Фриц Редемер и уголовники вернулись в мастерскую, Валентин с Иванцовым сосредоточенно трудились один у станка, другой у аккумуляторов.

В мастерской было полутемно. Эсэсовцы обеспокоенно поглядывали на слабые желтые огоньки в лампочках, а фельдфебель прицепился к поляку и чеху:

— Вы должны знать, почему темно! Вы специалисты, вы ответите за это!

Ян Лапташ с удивленно-озадаченным видом пожимал плечами, невразумительно бормотал:

— Господин фельдфебель, не могу знать... Замыкание... Утечка... В мастерской все в порядке, обследовали уже...

— Виновата, по-моему, подстанция. Что-то у них там неладно с трансформатором, — вторил ему чех Пор.

Фриц Редемер опять внимательно посмотрел на Валентина, потом на Виктора, но смолчал.

Среди лагерного начальства поднялся переполох. Фашисты обследовали подстанцию, проверили силовой кабель на всем его протяжении — нигде утечки тока не было. А в электромастерской взбесились счетчики и тускло светились под потолком стосвечовые лампы.

В электромастерской на следующий день появился сам комендант лагеря Рихард Бёр с телохранителями и помощниками. Работавших в мастерской электриков и радистов заставили еще раз обшарить все углы, обследовать всю проводку, станок и приборы. Гнида с дружками измучились, отыскивая причину аварии, но так ничего и не нашли.

— У-у-у, rote Hunde, вы еще меня узнаете! — пригрозил комендант и, разъяренный, выскочил из мастерской.

А счетчики по-прежнему бешено жужжали и гудели, и лампочки под потолком уныло светили желтыми огоньками.

Незадолго до Нового года в блок, где жили Валентин и Виктор, пришли Москвич и Василий, которого они видели 7 ноября на вечере у французов.

— Пошли покурим, — сказал Москвич.

В умывальнике Василий оделил всех сигаретами, оглянувшись, нет ли посторонних, обратился к летчикам:

— Ребята, у нас к вам большая просьба. Центр надеется, что вы нам поможете.

— Готовы на любое задание! Говорите! — сказал Виктор Иванцов, а Валентин согласно кивнул.

— Да вы не горячитесь, сперва подумайте. Дело сложное и опасное... Нам бы хотелось иметь радиоприемник. А добыть его можно только у вас в радиомастерской или на складе.

Задание и в самом деле было трудным. В случае провала — смерть на месте. Но летчики согласно ответили:

— Постараемся.

Докурили сигареты, вернулись в барак. Василий спросил:

— А где ваш знаменитый певец?

Валентин окликнул Ванюшу Костылько. Тот подошел, узнал Москвича и Василия, смущенно заулыбался.

— Ну как, Шаляпин, живой еще? — ласково спросил Ванюшу Василий.

— Мы его теперь с «Канады» не выпускаем, — сказал Москвич.

— А я новую песню сочинил, хотите послушать? — нерешительно похвастался Ванюша и достал из кармана куртки листок бумаги от мешка.

14 Заказ 6670

— Сейчас спрошу у блокового, подожди!

Москвич сходил в каморку старосты и вернулся. Долговязый Вилли не только разрешил Ванюше негромко спеть песню, но и сам вышел послушать. Заключенные, увидев выступившего на середину барака Костылько, притихли в ожидании.

Ты скован сегодня, и сердце замкнуто
Жестоким врагом на тяжелый замок,
Хоть бьется, трепещет оно поминутно —
Для сердца сейчас голос воли умолк.

Но знаю, я знаю: гнилые затворы
Под натиском грозным, могучим падут.
Нас встретит свобода, я верую, скоро
Нам снова оружие в руки дадут.

И знайте, враги, кровожадные гады,
Что вам не сломить комсомольский задор!
За все отомстим! И не будет пощады
За кровь, за руины, за плена позор!

Ваня умолк, но в бараке долго стояла тишина. Хефтлинги, пораженные смелостью певца, не двигались, многие плакали.

Кто-то сказал:

— Так могут петь только русские...

И сейчас же староста Вилли раздраженно заорал:

— Ты, доходяга несчастный, в Биркенау захотел? Дай сюда!

Он подскочил к Ванюше, вырвал листок со стихами и сшиб паренька ударом кулака на пол.

На старосту надвинулись сразу Виктор Иванцов, Валентин и Москвич, за спиной блокового сомкнулись в недобром молчании заключенные. Вилли сдался:

— Ладно, блокфюреру не доложу. Но смотри, в следующий раз...

Блокэльтестер ушел к себе в каморку. Ванюшу подняли, посадили на скамейку. Вытерев кровь с подбородка, Ваня упрямо сказал:

— А песню я все равно помню. Опять буду петь, нехай они, подлюги, грозятся.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Достать приемник помогли Ян Лапташ и Жак Пелиссу, вернее, подсказали, как достать.

Однажды к Валентину, колдовавшему над заливкой конденсатора, подошел поляк с горящей сигаретой.

— На, попаль, Валентин. Як ты мыслишь, где фашисты теперь готовят себе позиции?

Валентин взял сигарету, затянулся. Все последние дни геббельсовское радио прожужжало уши о «выравнивании позиций», «временных перегруппировках», о «незначительном прорыве русских». Но заключенные знали цену этим отступлениям и прорывам. В итоге осенне-зимних боев Советская Армия освободила Мелитополь, Днепропетровск, Днепродзержинск, Киев, Житомир. Немецко-фашистские войска откатываются на запад.

Поляк с хитринкой поглядел на дремлющего у печки-времянки охранника, усмехнулся.

— Старичку нужно дома сидеть, а Гитлер его жолнером сделал. Да уж скоро отдохнет, если добже мыслит...

— Эх, приемничком бы раздобыться, все бы новости точно знали! — сказал Валентин.

Лапташ аккуратно смял окурок сигареты, а потом словно бы так просто, к слову, проговорил:

— В складе есть много, Жак Пелиссу вчера полу-

чил для ремонта. А я слышал, над складом крышу чинят...

Валентин сообразил, что о крыше поляк сообщил не случайно. Да, только таким путем и можно выполнить задание Василия.

— А не придется отвечать за пропажу радистам? — задумался Виктор Иванцов, выслушав предложение Валентина проникнуть в склад через крышу.— Они принимают радиоприемники по счету.

— Точно. Но, когда сдают на склад, охрана у них принимает тоже по счету. Фельдфебель сам опечатывает замок. За пропажу из склада попадет не радистам, а охране.

— Ясно. Как стемнеет, будем действовать.

Склад радио и электрооборудования примыкал непосредственно к мастерской. Зимние сумерки наступали рано, а территория вокруг склада освещалась плохо. Можно рискнуть.

Летчики ухитрились выйти в коридор не замеченными охраной. По приставной лестнице забрались на чердак мастерской, через окно спустились на крышу склада. Шифер на одном склоне крыши был сдвинут, образовалась щель в обрешетке. Отжать доски оказалось нетрудно. Виктор, как меньший ростом, спустился вниз. В складском помещении горела одна запыленная лампочка. На длинных стеллажах рядами стояли радиоприемники разных марок, счетчики, ящики с лампочками и роликами, лежали мотки проводов и другое имущество.

Виктор, не очень спеша, выбрал небольшой приемник фирмы «Телефункен», подал его Валентину и по полкам выбрался к отверстию в крыше.

Вскоре летчики были уже на чердаке своей мастерской. Приемник уложили в рабочий ящик, прикрыли

электролампочками и спрятали его на чердаке под мусором.

По просьбе летчиков, Жак Пелиссу отремонтировал приемник, и летчики поочередно два раза в день стали принимать сообщения Советского информбюро, записывать их и передавать через Ваню Костылько на «Канаду» Саше.

Но пользоваться приемником было рискованно даже здесь, в электромастерской, куда нечасто заглядывало лагерное начальство. Как-то раз, за два дня до рождественских праздников, — а их фашисты справляли всегда торжественно и пышно, — Виктор Иванцов, принимая сводку, что-то долго задержался на чердаке. Рабочий день близился к концу. В мастерской прекратили работу даже уголовники. Валентин, Ян Лапташ и Мисевич Пор нарочно вышли в коридор, встали возле лестницы на чердак и тянули сигарету за сигаретой. Валентин нервничал. У Виктора что-то не ладилось. Иногда оглушительный треск, рев и звуки музыки просачивались с чердака в коридор.

И, как назло, Гнида в один из таких моментов вышел в коридор. Он услышал подозрительные звуки, насторожился, поглядывая на потолок. Потом с испугом и подозрительностью поглядел на хефтлингов и поспешно ушел в мастерскую.

Валентин кинулся за ним. Если Гнида решится на предательство, нужно будет уничтожить его любой ценой. Но Гнида к эсэсовцу не подошел, а сказал Фрицу Редемеру:

— Господин надзиратель, на чердаке кто-то принимает радиопередачи. Надо бы заявить начальству.

Валентин напрягся, стоя у токарного станка с тяжелой стальной болванкой наготове. Фриц надвинулся на «зеленого», закричал:

— Всегда вам слышится какая-то ерунда! Это репродуктор у брамы!

Гнида с сомнением хмыкнул, но больше о своих подозрениях никому не сообщил.

Однако Валентин понимал, что угроза провала не ликвидирована. Уголовник мог в любой момент выдать их фельдфебелю. Вечером, лежа рядом с Виктором на нарах, Валентин рассказал ему о подозрениях Гниды.

— Без разрешения Центра мы ничего предпринять не сможем, — тихо сказал Виктор. — Завтра с Ванюшкой передадим Саше записку, попросим совета. Думаю, что Гниду надо убрать руками самих эсэсовцев. Понимаешь?

— Слышал о таких делах.

На следующий день после вечернего аппеля летчики получили согласие Центра. В этот же вечер Виктор написал печатными буквами по-немецки записку, что хефтлинг номер такой-то «проиграл» в карты своим дружкам фельдфебеля из охраны электромастерской. Придя на работу, Валентин незаметно подбросил записку к ногам старика-эсэсовца, а тот, увидев ее в обеденный перерыв, передал фельдфебелю. Фельдфебель прочитал и посинел от удушья.

С того дня Гнида исчез из мастерской бесследно. А его дружок совсем притих и при первой же возможности перевелся в другую команду.

Прошли два предрождественских дня. Это были дни, то полные надежд и радостных известий с фронта, то отравленные гибелью товарищей, зверствами эсэсовцев и смрадом непрестанно дымивших печей крематория. Валентин и Виктор, охраняемые незримой заботой подпольной организации, жили в относительном благополучии, если не считать мук голода и опас-

ности быть пойманными во время радиоприема сводок Советского информбюро.

В канун рождества они получили через Москвича строжайшее указание Центра: во что бы то ни стало вывести из строя силовой кабель — это будет «роте гешенк», то есть красный подарок эсэсовцам, собравшимся по немецкой традиции весело отпраздновать рождество.

Выйдя во двор мастерской, присыпанный выпавшим ночью нежно-белым снежком, летчики закурили одну самокрутку на двоих. Валентин посмотрел на угол кирпичного здания мастерской, куда от цементного столба тянулся силовой кабель. Оплетенный просмоленной обмоткой, толстый кабель через фарфоровые изоляторы-трубки проникал внутрь мастерской и подходил к распределительному щиту. В каком месте надо его оборвать, чтобы встали сразу все мастерские? Да и возможно ли это?

— А если пережечь? — предложил Иванцов.

— Но как? Замкнуть цепь?

Валентин задумался, с трудом восстанавливая в памяти знания по электротехнике, приобретенные в техникуме. Пережечь кабель... Что для этого требуется? А что потребовалось много-много лет назад Грише Коробушкину для того, чтобы сжечь мотор вентиляционной установки?

Теплая волна прихлынула к сердцу, векам стало горячо от подступивших слез. Валентин судорожно засмеялся, всхлипнул.

— Ты что? Смеешься? Плачешь? — спросил Виктор.

Валентин отвернулся, рукавом куртки провел по глазам.

— Вспомнил один случай... в техникуме. Мой дружок мотор сжег. А ведь вроде просто сделал — дал

непосильную нагрузку — и пффык! Чаду — полна аудитория!

С минуту Валентин молчал, пока огонь самокрутки не обжег пальцы.

— А что, если враз все рубильники включить вот по такой схеме?

Валентин склонился над простынкой ровного снега и щепкой быстро начертил схему электропитания мастерской...

Диверсия с силовым кабелем подняла на ноги всех эсэсовцев. Лагерные мастерские остались без освещения и без энергии для станков. Фашистские ищейки забегали по всему лагерю, отыскивая причину аварии. Комендант в этот раз привез с собой грузного, преклонных лет немца, видимо настоящего мастера своего дела. Этот мастер выцветшими голубоватыми глазами окинул стены, заключенных, подошел к распределительному щиту, сунул нос за мраморную доску и выругался:

— Teufel! Kommunisten Sabotagen! Alle russischen Menschen sind eine Simulantenbande!
(Черт! Коммунисты, саботажники! Все русские — одна банда симулянтов!)

Сопровождавшие его охранники с автоматами залаяли:

— Hände hoch! Kehrt euch! Abtretten! (Руки вверх! Кругом! Шагай!)

Радистов и Валентина с Виктором сбили в плотную кучку и повели мимо опрятно одетого, чисто выбритого коменданта прочь из мастерской.

Валентин оказался рядом с Виктором Иванцовым; сзади тяжело дышали Мисевич Пор и Ян Лапташ. Жак

Пелиссу о чем-то переругивался с мастером-немцем, может быть, надеялся переубедить его.

Валентин понимал, что их всех ждет жестокий допрос, а потом карцер или даже крематорий. Понимал это, очевидно, и Виктор Иванцов. Он негромко сказал:

— Рванем, а?

Но сейчас же рыжий фельдфебель из охраны огрел его по спине гуммой и заорал:

— Still, still, Schweine! (Спокойно, спокойно, свиньи!)

Узников провели почти через весь лагерь, неподалеку от будки рапортфюрера остановили. То, что Валентин здесь увидел, заставило его сжать кулаки. На площадке перед «кобылой» стоял Адольф Рей — Коваль. Сейчас он просто «развлекался»: сбил с ног заключенного, наступил ему сапогом на шею и стал давить. Заключенный под его ногой хрипел, судорожно бился, хватался руками за сапог эсэсовца. Коваль присматривался к мукам жертвы с интересом кота, поймавшего мышь. Чуть приподняв ногу, чтобы жертва могла вздохнуть, Коваль с усмешкой оглядел подошедших хефтлингов.

Валентин вдруг увидел его блеклые выпученные глаза. Коваль шагнул вперед, схватил Валентина за руку, вытащил из кучки арестантов, осмотрел винкель.

— Ты есть кто? Руссишь? Убей юде, получишь сигаретten!

У Валентина захватило дух. Он посмотрел на залитого кровью еврея, с презрением глянул в глаза Ковалю и плюнул ему прямо в переносицу.

— Гад проклятый!

Коваль зарычал от бешенства.

— Du bist ein ferfluchtes Mistvieh! (Ты проклятая скотина!)

Он отскочил на шаг, выхватил из кобуры пистолет. Но Валентин уже рванулся к нему, выбил пистолет ударом ноги. Коваль подался назад, споткнулся и упал навзничь. Иванцов бросился на него. Но тут эсэсовцы-автоматчики сбили Валентина с ног, оторвали Иванцова от Коваля, обоим скрутили руки за спиной.

Голова Валентина билась об асфальт дорожки, а проблески мысли подсказывали: «За ноги волокут... Смерть!»

Он не ошибся: его и Виктора бросили в одиннадцатый блок смертников, откуда возврата в жизнь не было.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Стена запрокидывалась, падала, падала... Удар в спину — стена встала на место. Затекли руки, сложенные на затылке...

— Есть в лагере организация? Сколько человек?

Удар палкой по плечу.

— Кто руководит? С кем из немецких коммунистов имеется связь?

Удар палкой по пальцам рук на затылке.

— Откуда получали указания? Где слушали радио?

Левая щека — сплошной нарыв: острые углы Звезды поранили десну. В десне — пустота: вместе с кровью выплюнул и зубы. Пошевельнулся, ослабил мышцы...

— Halt! Stillgestanden!

Но как устоять смирно: под кожу вонзился кончик эсэсовского ножа... И вновь забрызганная кровью стена качается, запрокидывается и вдруг исчезает...

Что-то холодное, липкое приводит в себя. Валентин машинально слизнул с губ капли воды, услышал:

— Mit solchen Meuchelmördern werde ich bald fertig!

«С этими бандитами... я живо... расправлюсь...» — переводит возвращающееся сознание. За полгода плена поневоле научился понимать по-немецки.

Валентин открыл глаза. Где он? Низкий, слабо освещенный подвал. Перед узким окном — две виселицы: одна петля свободна, тихо раскачивается. В другой — труп с изуродованным лицом и вывернутыми руками. Неужели Иванцов?

Валентин поднялся на локтях. Иванцов жив. Он тоже сидит у стены в мокрой одежде, широко раскрыв рот. Видно, ему не хватает воздуха.

Перекинуться словом не дал следователь: круглое сытое лицо, толстенный живот выпирает из-под распахнутого мундира, улыбка на губах.

— Может, ты довольно думаль, русский? Кто входит в штаб подпольной организации?

Валентин отвернул от следователя лицо. Фашист язвительно сказал подручным по-русски, с намерением, конечно, чтобы отлично поняли пленные:

— Слышите? Этот свинья не желайт разговаривать. Показать ему!

И по-немецки небрежно добавил:

— Diese russischen Schweine müssen so und so krepieren... (Этим русским свиньям все равно подыхать...)

Длинный тощий эсэсовец схватил Валентина за предплечье и потащил к свободной петле, попытался накинуть ее на шею. Но в это мгновение в мозгу вспыхнуло яркое пламя: по голове чем-то ударили...

Очнулся Валентин от острой боли в кистях рук. Открыл глаза. Толстый следователь подкованными сапогами давил на пальцы. Низко согнувшись, он шептал:

— Ты уже не на земле есть. Ты на тот свет есть... Видишь? И тут есть дойчен, дойчен везде... Будешь го-

ворить? Попадать в рай. Не говорить — отправим знова на земля, дорт... там увидеть что-то похуже змерть... Говорить! Откуда получаль директив, говорить!

— Скажу... — Валентин не узнал своего голоса, показалось — сказал кто-то другой хриплым шепотом. Поднявшись на руках, облизал соленые губы. Следователь заулыбался, присел на корточки, помог сесть.

— Я зналь, что ви умный, русский. Откуда же быль директив?

— Из сердца, гад ползучий, из души, вот откуда! — боясь выронить Золотую Звезду, шепеляво сказал Валентин.

Удар в лицо закрыл глаза и рот. Когда стали выкручивать руки, услышал крик:

— Молодец, Валентин!

— Himmelherrgott!

— Держись, не поддавайся гадам!

И опять все померкло...

Монотонная песня звучала близко за стеной. Кто-то беспечно, видно с легким сердцем, пел на немецком языке:

Wo mann singt, da leg dich nieder,
Böse Leute haben keine Lieder!

Валентин пошевельнулся, охнул от боли в пояснице. Но повернуться на бок все же удалось. Теперь он лежал в каменной коробке, под потолком — слепящая электрическая лампочка. Напротив — неузнаваемое, синебагровое лицо Иванцова. Виктор лежал на спине с открытыми глазами-щелками в опухших глазницах. Он тоже приподнял голову, прислушиваясь к песне.

Валентин подполз к Иванцову.

— Чего он скулит, весело ему?

— Весело... — искривился Виктор. — Где поют, там ложись и спи спокойно, тот человек достойный, кто поет... песни... Вот он про что скулит...

Песня охранника, несмотря ни на что, действовала на душу своей мелодичностью и грустью. Перед глазами встало родное село, над ним словно нависли летние сумерки, и потекли песни девчат под бархатные переливы его гармони. Родина... И спокойно за своих: хорошо, что они живут в такой стране, где их не оставят в беде...

Валентин лежал не шевелясь, чтобы не бередить лишний раз изувеченное, такое могучее прежде тело. Он зажмурился, спрятал лицо в распухшие ладони и стал сочинять письмо родным.

Что бы он написал, если бы было возможно?.. Он написал бы так: «Здравствуйте, мои дорогие папа, мама, Валя и Валерик! Шлю вам свой привет и желаю всего хорошего, что есть в жизни. Маловероятно, что вы получите это мое последнее письмо, потому что с часу на час я ожидаю смерти. Но все равно, у меня еще есть время вспомнить былое и поговорить с вами хоть в мыслях. Я смотрю в прошлое, вижу, что многое за эти годы пережито, вспоминаю, в каких боях за Родину участвовал, и эти воспоминания помогают мне встретить смерть как положено советскому человеку... Валя, дорогая жена и друг, Валерик мой, знайте, что вас я любил, как свою Родину-мать. На мою долю выпало горькое счастье сражаться с фашистскими гадами и здесь, в лагере смерти. Мы, коммунисты, как можем, мстим фашистским шакалам за разорение и муки миллионов людей, за товарищей, которые не по своей вине попали в рабство и погибли в печах крематория.

Родные мои папа, мама, Валюшка! Скоро меня поведут на смерть, но я иду смело, без хныканья, по-

тому что знаю: рано или поздно победа все равно будет за нами!

Валюшка! Умру — Валерика жалей, люби. Пусть знает, что за его будущее пролито много крови... Умирать мне не хочется, но верьте, мои дорогие, что я умру как положено. И что бы ни было со мной, я верю, что вы, мои дорогие старики, и ты, Валюша, мужественно вынесете все невзгоды. Эх, как хочется увидеть сына и вас всех! Так будьте здоровы и радостны, помните обо мне!»

Привычка мысленно разговаривать с родными или писать им письма появилась у Валентина уже давно, чуть ли не с первых дней лагерной жизни. Да и что остается хефтлингу, кроме воспоминаний и воображаемых встреч с любимыми?

Песня оборвалась. Раздались глухие редкие удары, как будто кто-то бил в огромный бубен.

— Селекция, — голос у Иванцова дрогнул. — Сейчас и нас... Прощай, Валентин!

Они хотели обняться, но в дверном замке заскрежетал ключ. Дверь распахнулась.

— Heraus, Schweine! (Выходи, свиньи!)

Валентин поднялся на дрожащие ноги. От боли на глазах выступили слезы. Смахнул их опухшими пальцами, вышел в коридор.

На площадке перед одиннадцатым блоком смертников — десятка три заключенных. Все голые. Приказали раздеться и Валентину с Виктором. Эсэсовцы стали обшаривать одежду. Валентин посмотрел на себя и ужаснулся: на коже кроваво-синие подтеки, ребра выпирают, как обручи, коленные суставы, голени ног — как у скелета. Неужели это все, что осталось от его богатырского тела? Неужели это он привел бомбардировщик с зависшей стокилограммовой бомбой на

свой аэродром и благодаря своей физической силе совершил отличную посадку? Да было ли это когда-нибудь?

Смертников выстроили по четыре в ряд и погнали за ворота. У Валентина кружилась голова, асфальтовая дорожка уходила из-под ног. Неужели это последние часы жизни? Что же, так и подохнуть покорной скотиной?

Острая, жгучая ненависть выбросила из глотки крик:

— Братаны, бей их, гадов!

Заключенные кинулись из строя. Охранники оторопели, остановились. Стрелять нельзя: в лагерь возвращаются рабочие команды, их окружают эсэсовцы. А Валентин в эти мгновения замешательства среди воплей, криков и запоздалой стрельбы смешался с толпой хефтлингов, сбежал по лестнице в какой-то подвал, упал вниз лицом на доски пола. Несколько минут он лежал неподвижно.

Кто-то приподнял его голову, поднес ко рту алюминиевую кружку с водой.

— Trink... пей...

Жадно глотнув несколько раз, Валентин сел. Перед ним на корточках сидел заключенный лет пятидесяти. Глаза добрые, смотрят ласково, длинный вислый нос и гладко выбритые щеки...

— Was ist los, Kerl? (В чем дело, парень?) Где больно? Везде? Плёхо...

И это «плёхо», сказанное очень мягко, и чистый, без акцента, выговор немецких фраз заставили Валентина насторожиться: немец!

Он отодвинул руку с кружкой, взглянул на винкель: красный. Значит, политический. А тот, словно не замечая настороженности Валентина, поднялся во весь рост и направился в угол. Там лежала куча одежды.

Немец вернулся с курткой и брюками.

— Надевайтесь. Молёдцы, редко кому так удаваться спастись Биркенау. Ich bin Ludwig.

Валентин оделся. Что сказать этому немцу с красным винкелем?

— Спасибо, товарищ Людвиг, — стараясь проглотить колючий комок, выговорил Валентин.

Не таясь, вытолкнул на ладонь языком Звезду Героя, хотел спрятать в карман куртки.

— О, это есть ви? Как это... Саша говориль...

— Я Ситнов, летчик.

— O, ja, ja, Ситноф Валентин, jawohl, jawohl.

Людвиг засмеялся, хлопнул ладонью Валентина по плечу.

От боли Валентин вздрогнул. Людвиг понял:

— Прошу извиняйт... Я сейчас...

На минуту он скрылся за перегородкой, принес миску и кусок хлеба.

— Ешть ruhig, спокойно... Здесь есть Bekleidungskamer (склад одежды), ich bin капо беклайдкамер.

Пока Валентин ел, стараясь жевать медленно, Людвиг успел рассказать, что когда-то давно, еще в девятнадцатом году, был в Москве на Конгрессе Третьего Интернационала, видел Ленина, плавал по Волге на пароходе, был в Нижнем Новгороде. И под конец обрадовал: сегодня же вечером приведет сюда Сашу и Петра Махурина и обязательно постарается узнать о судьбе Виктора Иванцова.

— Спасибо, товарищ Людвиг, danke schön, danke... — от волнения Валентин сразу растерял даже те немногие слова, которые намертво вцепились в память еще со школьной скамьи. Его захлестнула радость: сегодня же ночью он будет вместе с друзьями, а значит, он будет спасен, значит, впереди — жизнь!

— Рот фронт! — вспомнил Валентин клятву далеких довоенных лет.

— Рот фронт! — сжал кулак Людвиг.

До самого отбоя Валентин пролежал в беклайдкамере под ворохом одежды. К счастью, он попал сюда, когда все хефтлинги, работавшие под командой Людвига, уже разошлись по блокам. Валентину казалось, что его спасение было настоящим чудом. Ищут его сейчас эсэсовцы по всем блокам, мастерским и складам, неистовствуют и, если не найдут сегодня, забудут ли о нем завтра? А если не забудут, куда деваться? В свой блок дорога закрыта. Без помощи товарищей спастись от руки палачей не удастся: рано или поздно они обнаружат его в любом тайнике.

Тревожило и другое. Куда девался Виктор Иванцов? Удалось ли ему вырваться из группы смертников? И как теперь Ванюша Костылько будет жить без них?

Незадолго до вечерней поверки Людвиг ушел и запер дверь. Вернулся он, когда за стенами беклайдки стихли свистки и топот ног лагершутцев. Вместе с ним в приоткрытую дверь проскользнули Саша Гусев и Петр Махурин.

— Валентин, где ты тут? — не зажигая свет, проговорил Саша от порога.

— Ситнофф, komm zum Fenster... окно здесь... Светло здесь, — позвал Людвиг.

Как самых родных людей обнял Валентин седоголового Сашу и Петра Махурина.

— Где Виктор Иванцов, узнали?

Саша Гусев посмотрел на Людвига. Тот грустно покачал головой, развел руками.

— С Иванцофф плёхо... Не можем найти. Придет Эрнст Шнеллер, он должен узнавайт.

Валентин уже раньше слышал об Эрнсте, одном из

руководителей Центра. Шнеллер работал в лагерной шрайбштубе — канцелярии,—мог точно узнать о судьбе каждого хефтлинга: умер или казнен, отправлен в Биркенау или каменоломню, переведен в другой лагерь или на подземные секретные заводы.

Эрнст Шнеллер не задержался. В дверь снаружи кто-то три раза стукнул. Людвиг впустил высокого, очень худого, как показалось Валентину в слабом отсвете лагерного фонаря за окном, и очень старого заключенного. Но Шнеллер не был стариком. Когда он подошел к окну и поздоровался, Валентин увидел лихорадочный блеск усталых глаз и понял, что Эрнста старят не годы.

— Ну как, узнал что-нибудь? — спросил Саша Гусев.

Эрнст кивнул:

— Да, узнал. Ваш летчик в карцере, с ним занимался лично комендант Бёр. Если Иванцов переживет ночь, я думаю, нам удастся спасти его от крематория. Постараемся переменить ему номер и одежду, возьмем это у погибшего в ревире.

Все помолчали. Положение Виктора Иванцова было крайне опасным. Но и Валентину оставаться в Центральном лагере было невозможно.

— Я полагаю, товарищи, необходимо вывести одну группу советских офицеров в район Малых Татр. Они должны будут связаться с польскими и чешскими партизанами, чтобы наладить помощь будущему восстанию в Освенциме извне. Как вы думаете? — Эрнст обвел взглядом лица Саши, Махурина, Валентина, остановился на лице Людвига. — Как ты на это смотришь, Локманис?

Людвиг заговорил о переводе русских как о чем-то давно решенном.

— Я думаю, что за исходный пункт побега в Татры нужно взять Аушвиц-три или Буну,— сказал Людвиг по-

немецки. — Там на фабрике «Буна-Верке» много пленных англичан, французов, поляков. Эсэсовцев сравнительно мало. Все формальности по отправке русских в Буну возьмем на себя. Ты сам сделаешь это в шрайбштубе.

— Gut. Через два-три дня все будет сделано, — сказал Эрнст.— Товарищу за эти три дня нужно совсем поправиться. Локманис, свяжись с чехом Франтишеком из ревира, он организует лекарства и все, что надо, для перевязки.

— Ну, Валентин, — сказал на прощание Саша, — поправляйся, отсюда носа не высовывай. А мы тебя постараемся подкормить до перевода в Буну. Жди.

— Ваню Костылько не оставляйте, — попросил Сашу Валентин. — Парнишка он хороший. Да о судьбе наших товарищей по мастерской узнайте, живы ли?

Людвиг устроил Валентину местечко в закоулке беклайдки, пожелал спокойной ночи и тоже ушел. Валентин впервые за много дней остался в безопасности и мгновенно уснул.

А через три дня, опять после отбоя, здесь же состоялось прощание Валентина, Махурина и Саши Гусева с Людвигом и Эрнстом.

На прощание Эрнст передал явки в Буне, уточнил средства связи. А Людвиг задержал русских у двери:

— Минутен, братья...

Он обнял сперва Сашу, потом Петра Махурина и Валентина. В больших серых глазах Локманиса стояли слезы.

— Что делать? — сказал он печально по-русски и с грустью пошутил: — Ich bin ein alter Romantiker... (Я старый романтик...) Leb wohl, Kameraden! (Прощайте, товарищи!)

Больше ни его, ни Эрнста Валентин уже не видел.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В семнадцатом блоке Буны, где жили французские, бельгийские и норвежские узники, было довольно просторно, тепло и чисто. Валентина, Сашу и Махурина вместе с другими товарищами, переведенными из Центрального лагеря, французы приняли радушно, быстро освободили место на нарах, притащили матрацы и плоские ватные подушки. По всему чувствовалось, что здесь дышится чуть-чуть вольнее, заключенные держат головы выше, они здоровее на вид, общительнее и смелей.

За ужином русские увидели, насколько лучше живется иностранцам — французам, бельгийцам и норвежцам, чем советским военнопленным в штаммлагере Освенцим-один. Иностранцы почти не дотронулись до лагерзуппе и кавы. Они достали из своих корзинок, чемоданчиков, рюкзаков галеты и консервы, сыр, колбасу и даже сало. Настоящее свиное сало с оранжевой шкуркой!

— Камрад, кушайт... — один молодой француз с темными усиками и небольшими бакенбардами пододвинул Валентину котелок с супом и пайку хлеба.

Другие хефтлинги словно спохватились, заулыбались, блестя зубами и глазами, загомонили:

— Камераден, кушайт, кушайт! Яволь, все кушайт, камераден.

Пожалуй, впервые за всю лагерную жизнь Валентин наелся досыта, так что при взгляде на кружку кавы даже поташнивало. «Вот бы Ванюшу сюда!» — подумал он, не зная, куда девать оставшиеся котелки с супом и пайки хлеба. Саша и Махурин тоже осоловело оглядывались, как будто отыскивая голодных товарищей. Но вокруг ни одного доходяги.

— Здесь жить можно, братцы! — весело сказал Махурин.

До отбоя время прошло в разговорах со старожилами семнадцатого блока. С помощью немецких, французских, английских и русских слов, а больше всего посредством жестов, улыбок, взаимных рукопожатий и похлопывания по плечам узники объяснялись довольно успешно и скоро сумели обменяться новостями с Восточного фронта, коротко рассказать свои истории.

Утром после подъема и недолгой проверки — в заводских цехах работа срочная! — во время завтрака к Саше как-то незаметно подошел высокий человек с густыми черными бровями и продолговатым, очень смуглым лицом. Стараясь не привлекать к себе внимания, он тронул Сашу за рукав и, когда тот обернулся, долго и пристально рассматривал номер на его куртке. Потом Валентин услышал, как заключенный на ломаном русском языке сказал.

— Я искать ви... Я принес вам привет от Эрнста. Ви Саша, да? Прошу ходить из блок.

Саша оглянулся на Валентина и Махурина, кивнул и вышел с незнакомцем. Вернулся он, с трудом скрывая радость.

— Что ему надо? — буркнул Махурин.

Саша повертел головой по сторонам, потом шепотом сказал:

— Это венгерский коммунист Оскар Бетлен, представитель подпольной коммунистической организации в Буне. Их уже успели известить Эрнст Шнеллер и Людвиг. Дело налаживается, друзья!

После завтрака охранники-эсэсовцы выстроили заключенных в колонну и погнали на завод.

Наступила неожиданная январская оттепель, выпавший недавно снег лежал теперь на асфальте жидкой

синеватой кашицей. Деревянные колодки разъезжались, они набухли от воды, стали непомерно тяжелыми. Заключенные скользили, падали, с помощью товарищей поднимались и, ломая строй, под ругань охранников опять тащились по слякотной дороге.

У проходных ворот эсэсовцы с помощью дубинок и плетей подтянули отставших, кое-как выровняли колонну и провели на территорию завода.

Огромный концерн по производству синтетического каучука и бензина состоял из множества производственных зданий. Вся территория была огорожена колючей проволокой в три ряда под током высокого напряжения.

Вскоре заключенные были согласно спискам «живым счетом» сданы немецким цивильным мастерам и разведены по цехам.

Валентин вместе с Махуриным и Сашей попал на работу в компрессорный цех. Мастер Решке — тощий, высокий, как колодезный журавль, в роговых очках с толстыми стеклами, — приказал им монтировать трубы подземного газопровода.

Затягивая гайки флянца в месте соединения труб, Валентин искоса присматривался к работе заключенных. Он был уверен, что деловитость хефтлингов — лишь видимая, потому что через час примерно он заметил, что монтаж подвигается вяло.

Валентин тоже стал показывать, что работает быстро, с охоткой, как настоящий мастеровой, дорвавшийся до желанной работы. Гаечный ключ так и ходил у него в руках, от усердия на лбу и в глазницах выступил пот. Только почему-то гайки все время срывались со шпилек, резьба оказывалась испорченной, приходилось снова разбирать флянец и нарезать резьбу.

Однако усердие Валентина не осталось незамечен-

ным. Незадолго до обеденного перерыва к нему подошел мастер Решке.

— Gut, gut, Russisch! Ты молодец, так и надо работайт. Вот тебе гешенк... подарок...

Решке положил на трубу три сигареты.

У Валентина кровь бросилась в лицо: заслужил одобрение! Но сейчас же он сообразил: наоборот, это его победа, сумел провести опытного мастера и за полдня работы не сделал ничего путного!

Валентин поблагодарил мастера и, когда тот отошел, рассмеялся. Радость летчика кое-кому не понравилась. У сверлильного станка стояли двое французов — молодой с усиками, тот, что вчера за ужином отдал свою порцию супа и хлеба, и средних лет угрюмый великан. Французы громко и возмущенно затараторили, с презрением глядя на Валентина.

Молодой француз подошел поближе.

— Kamerad, nicht schnell... (Здесь спешить не положено!) — сказал он по-немецки.

Валентин понял и опять невольно покраснел от стыда. Но игру надо было продолжать до конца — не открывать же себя перед первым попавшимся хефтлингом?

— Но как же не спешить? Кругом столько немецких мастеров и капо... — призвав на помощь все свое знание немецкого языка, ответил Валентин и оглянулся на мастера Решке.

— О, работать надо с умом! — тоже по-немецки сказал француз. — Почаще ломай инструмент, порть материал, не спеши понять чертежи... Ты что, святой? Почему не ходишь в уборную?

— Хожу, когда нужно.

— А почему не ходишь, когда не нужно?

Увидев, что капо рабочей команды обратил на них внимание, француз засунул руки в карманы и отошел.

У сверлильного станка уже выстроилась длинная очередь. Мастер Решке сам встал к станку и начал выполнять заказы рабочих. Очередь стала быстро таять. Решке работал как автомат. Хефтлинги переглянулись, послышался тихий едкий шепот:

— Глядите-ка, сам вкалывает, а мы сачкуем. Любота!

Решке не мог не понять насмешек: русский и французский языки он знал сносно. Поработав для виду еще минут десять, он увидел подошедшего с прокладкой для фланца Валентина и ткнул пальцем ему в грудь.

— Вот ты будешь работайт! Бистро, бистро!

Работа была нехитрая, Валентину ничего не стоило освоить ее в пять минут. Мастер Решке довольно хихикнул, с торжеством поглядел на хефтлингов и одобрительно сказал:

— Карашо, карашо, русский. Еще сигаретен полючишь.

К станку опять подошли французы. Валентин подмигнул молодому с усиками и весело сказал мастеру:

— Господин мастер, можно и быстрей работать. Вот так!

Валентин одновременно увеличил обороты и с силой надавил сверлом на заготовку. С тонким стеклянным звоном сверло лопнуло, мотор взвыл, а Решке схватился за плешивую голову и сразу забыл все русские слова.

— Du bist ein verfluchter Hund! Rote Gesindel! (Проклятая собака! Красная сволочь!)

— Но я же случайно, господин Решке, я же...

— Schweigen! Hau ab! (Молчать! Катись!)

Мастер замахнулся кулаком, но не ударил. Валентин не заставил его дважды повторять команду и моментально очутился возле своей трубы. Мастер Решке, пе-

ребирая площадные немецкие ругательства, отправился на склад за новым сверлом. А заключенные обрадованно заговорили, засмеялись.

— Айда, братва, на перекур! — крикнул кто-то, и с десяток заключенных двинулись в уборную.

Валентин поразился, как спокойно отнеслись к этому капо рабочих команд и немецкие мастера. В Центральном лагере такое не прошло бы даром.

Француз с усиками опять подошел к Валентину. Он исподлобья озадаченно долго всматривался в лицо летчика, хмурился и все же спросил:

— Камрад... Ты случайно сломал сверло или...

Валентин чуть улыбнулся, по-немецки сказал:

— Конечно, случайно, камрад!

Француз недослушал, прищурился и с силой плюнул себе под ноги. Его сутуловатая спина в полосатой куртке мелькнула перед глазами Валентина и слилась с другими такими же спинами в глубине цеха.

Вечером за ужином Валентин не получил своей порции баланды и кавы: мастер Решке сообщил о его провинности блокфюреру. Вместо ужина Валентину была назначена «блок-шпера»: в часы разрешенного отдыха он должен был сидеть за столом, молчать, сложа руки, не выходить из блока и не курить. Так до самого отбоя.

Это было на редкость легкое наказание. Видно, Решке и в самом деле поверил, что русский сломал сверло от излишнего усердия. Гораздо горшим наказанием было пренебрежение французов.

«Черти, — ругался про себя Валентин, улавливая носом головокружительные запахи копченой колбасы и сыра. — Поверили, черти! Хоть бы баланды дали похлебать, хоть бы корку подсунули!»

После обильного вчерашнего ужина и сегодняшнего сытного завтрака желудок Валентина настойчиво требо-

вал пищи. Теперь и баланда и кава казались необыкновенно вкусными. Еще бы хлебца кусочек, хоть самую малость!

Но даже Саша Гусев и Махурин на виду у всех не решались накормить Валентина, хотя перед ними, как и вчера, стояли лишние котелки с лагерзуппе и кавой.

Лишь когда объявили отбой и заключенные улеглись на отдых, Саша украдкой подсунул Валентину пайку хлеба и котелок супа. Валентин мигом проглотил хлеб, выпил суп и заснул успокоенный.

В феврале сорок четвертого года заключенные Буны пережили радостное событие. Как-то ночью вдруг во всех репродукторах, установленных в блоках, завопил испуганный диктор:

— Achtung! Achtung! Lüft Alarm! (Внимание! Воздушная тревога!)

Над лагерем завыли сирены. В семнадцатый блок влетели эсэсовцы.

— Los, los, schmutziges Fell! In vollem Lauf! (Давай, давай, грязные шкуры! Бегом!)

Подгоняемые дубинками и прикладами автоматов, узники выскочили из блока. Но куда бежать? Ночь, тьма. Лучи прожекторов панически мечутся с земли на небо и с неба на землю. Где бомбоубежища? Их нет, фашисты не предполагали, что когда-нибудь им придется укрываться от советских и союзнических бомбардировщиков.

А гул моторов уже надвигался, неотвратимый, как гром. Заключенные остались под открытым небом на морозе. Небо было ясное. Мощный гул самолетов надвигался с востока, торжествующий гул... Эсэсовцы куда-то попрятались.

— Братаны, это наши летят! Давайте, родные, бейте их, бейте! Громите фашистскую сволочь!

Не боясь, что разъяренные от страха эсэсовцы начнут стрелять, Валентин поднял руки кверху и, словно его могли услышать, кричал до хрипоты в горле. Он дрожал от возбуждения, он словно воочию видел знакомые силуэты советских бомбардировщиков, ему казалось, что это его родной полк послал сюда свои лучшие экипажи.

В февральском ночном небе ярко сияли звезды. Прожектора, как будто пытаясь сбить эти звезды, стереть их с темно-синего купола, судорожно метались из края в край. А самолеты гудели уже над лагерем, над заводом. Лаяли зенитки, гул моторов взламывал небо и студеный воздух. И заахали бомбовые разрывы, над территорией завода занялись яркие костры, и от этого в той стороне потускнели звезды.

С этого налета русские заключенные словно переродились. Они ходили теперь, гордо подняв головы, смело встречали ненавидящие взгляды эсэсовцев и немецких мастеров. Случаи саботажа, поломок, порчи станков и материалов приняли массовый характер, и, несмотря на все репрессии, фашистское начальство уже не могло остановить развал трудовой дисциплины на заводе.

На стене одного из бараков чья-то рука начертала красной краской по-русски и по-французски: «Надежда — сестра самообладания. Верь, надейся — и ты победишь!» Эта надпись бросалась в глаза, ее видели и хефтлинги, и эсэсовцы. Хефтлинги, ложась спать или вставая утром на работу, произносили ее как заклинание. Эсэсовцы трижды заставляли соскабливать пламенные слова, но каждый раз они появлялись снова. И фашисты отступились, стали делать вид, что ничего

особенного в этой надписи нет, висит же над брамой главного лагеря изречение: «Труд делает свободным».

Но для каждого заключенного было ясно, что солидарность и крепкая вера в освобождение победили еще раз.

Однако мало только надеяться и ждать. Валентин и его товарищи помнили, что их перевели в Буну не просто ради спасения от крематория, но для организации помощи восстанию, час которого с подходом Советской Армии приближался.

Мартовские дни были солнечными и теплыми. На шоссе, по которому узников гоняли на завод, не осталось ни льда, ни луж. Поля по обеим сторонам шоссе раскисли, почернели, и однажды Валентин увидел толстоносого хлопотливого грача. До чего же знакомый грач! Совсем как в огороде дома! Не оттуда ли он прилетел? Да нет, и сюда-то весна только еще пришла, вон в сосновой посадке справа белеют островки снега. А в родном Поволжье, наверно, едва-едва появились первые проталины, днем солнце припекает, а ночью и по утрам морозец сковывает и размякший за день снег, и санные следы на дорогах. Но все равно и там, на родине, весна начинается в блеске и хрупком звоне сосулек на карнизах, в сиянии полдневного солнца на голубых простынях еще заснеженных полей. Минует неделя-другая, и сойдут снега, в ложбинах и канавах загремят ручьи, серебристым паром задымятся освобожденные от зимних наметов поля. Загудят на колхозных полях тракторы, потащат сеялки, люди будут выращивать хлеб, не опасаясь, что он достанется врагам: пришла весна больших побед, весна освобождения...

Венгерский коммунист Оскар Бетлен в один из мартовских дней пришел в компрессорный цех возбужденный, с горящими черными глазами. Не обращая внима-

ния на мастера Решке, он подозвал к себе Сашу, что-то радостно и громко сказал. Саша махнул рукой Валентину.

— Товарищи, Бетлен говорит, что наша армия вышла на государственную границу у реки Прут! Ребята, это же... это же спасение, ребята!

— Я знаю эти края, я оттуда отступать начал! — Петр Махурин схватил венгра за руку.

— Я тоже летал над Прутом, бомбил там немцев,— закричал Валентин. Он совершенно забыл, что находится на немецком военном заводе.

— Други, — сказал Оскар Бетлен. — Надо помогать Красной Армей, други...

— Правильно!— нетерпеливо крикнул Махурин.— Наши кровь проливают, а мы тут в бирюльки играем. Действовать надо!

— Тише ты, горячка!— предостерег его Саша.— Вечером поговорим. А сейчас, товарищи, надо сообщить всем заключенным. Пусть и мастера-немцы знают, это им полезно!

Весть о выходе Советской Армии на государственную границу разлетелась по цеху молниеносно. То у станков, то в уборной, то в траншеях подземного газопровода возникали летучие митинги.

Мастера-немцы перепугались и вызвали охрану. Эсэсовцы ворвались в цех. Замелькали резиновые гуммы, приклады автоматов, раздались одиночные пистолетные выстрелы. Заключенные разбежались по своим местам и все еще возбужденные, непримиримые принялись за «работу». Лязг молотков, шипение газосварочных аппаратов, скрежет и визг железа заглушили крики и ругань эсэсовцев. Заключенные кромсали, резали, рвали материал, гнули болты, ломали инструмент, сминали трубы, разбивали измерительную аппаратуру, над-

резали газопроводы... Все это делалось почти на глазах у мастеров и капо из уголовников. Они видели и молчали...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Оскар Бетлен передал, что центральное руководство торопит и требует, чтобы группа русских не позднее апреля-мая перебралась в горы к чешским и польским партизанам. Советская Армия вступила на территорию Польши, приближается час вооруженного восстания. Помощь извне, от партизан, необходима, как воздух. Откладывать побег больше невозможно.

Петр Махурин с помощью Оскара Бетлена разрабатывал один вариант за другим, пока не объявил в начале мая, что все готово.

— Каким путем? Не спеши,— потребовал объяснений Саша.

Петр Махурин рассказал, что в заводском бау — подсобном хозяйстве — познакомился с русской девушкой Надей, насильно увезенной в Германию из родного Ростова. Ей было тогда пятнадцать лет. Фашисты убили у нее мать, известную артистку. В Германии Надю вместе с другими девушками пригнали на завод. Теперь она обещает устроить офицерам побег и спрятать их в надежном месте перед тем, как отправить к чешским партизанам.

Саша молча выслушал Махурина, коротко сказал:

— Завтра приведи ее на склад.

Назавтра в одиннадцать часов дня Саша подошел к мастеру Решке и по-немецки сказал:

— Герр майстер, нужна арматура и инструмент.

С того памятного мартовского «бунта» в цехе ма-

стер Решке круто изменился: он теперь не возмущался, что заключенные плохо работают, не доносил на них эсэсовцам, с каждым днем становился мягче, покладистей. Он разрешал выходить из цеха в любую минуту,

Выслушав Сашу, мастер Решке кивнул.

— Gut. Kommt! (Хорошо. Пошли!)

Валентин и Саша, пока Решке ходил оформлять заявки, вышли из склада, присели среди металлического хлама. Вскоре откуда-то неожиданно вынырнул Махурин. За руку он вел худенькую белокурую девушку с большими серыми глазами. На левом рукаве ее ватника белела повязка с надписью: «Ost».

Подойдя поближе, она протянула седоголовому Саше узелок.

— Здравствуйте. Я давно хотела поговорить с кем-нибудь из наших...

У нее задрожали бледные тонкие губы, на ресницах повисли слезы.

— Ты очень смелая,— ласково сказал Саша.— Увидят с нами, живо в Биркенау попадешь.

Проглотив слезы, Надя сердито сказала:

— Все равно! Лучше умереть, чем работать на фашистов. Я тоже хочу убежать в Татры к партизанам. Только все не было надежных людей. Я знаю, как устроить побег.

Торопясь, горячо дыша, она рассказала, что за «остарбайтерками»— восточными работницами — ежедневного надзора нет, вокруг бараков лишь колючая проволока без вышек, без часовых.

— Как только бомбежка начнется, можно бежать к нам в барак. А там уж я спрячу вас... И принесу вам другую одежду...

Валентину было радостно видеть юную, такую нежную девушку с далекой Родины. Милая девушка... При-

несла в узелке пяток картофелин. Что это? Вечная женская доброта? Сказать бы ей много-много ласковых слов. Но такие слова сейчас не находились, он и прежде-то не умел их говорить, а десять месяцев каторжной жизни вытравили из души нежность и ласку.

Через три дня Надя с Петром Махуриным передала два засаленных комбинезона, старую кепку и карту местности, нарисованную на носовом платке.

— Теперь, братва, только бы дождаться бомбежки! — сказал Петр.— А там уж Надюша не подведет.

Каждую ночь, весь май, офицеры из группы Саши Гусева почти не спали, ждали сигнала воздушной тревоги. Они уже изучили подходы к баракам «остарбайтерок» и путь в горы.

Но налетов на «Буна-верке» почему-то не было, а в один из первоиюньских дней случилось большое несчастье.

В компрессорный цех привезли новый стотонный пресс. Для чего он понадобился немцам именно в этом цехе — заключенные не знали. Но Оскар Бетлен вскоре сообщил, что на нем будут прессовать детали для противотанковых фаустпатронов.

— Надо послать к прессу своих людей. Как-нибудь постарайся подмазаться к мастеру Швабу: он будет распоряжаться прессом. Пресс не должен работать нормально.

Оскар Бетлен говорил по-немецки нарочно медленно, даже Валентин понял его и загорелся.

— Давайте, я буду на прессе работать, поговорите с мастером Решке, пусть переведет. Ручаюсь, что пресс будет выведен из строя.

— А как ты это сделаешь? — спросил Саша.

— Сам не знаю. Но пресс остановлю.

— То-то вот, что не знаешь,— сказал Саша.— А ты,

Петр, ничего не сообразил? Ты же со станками с детства возишься.

Петр Махурин в течение всего разговора пристально смотрел в дальний конец цеха, где заключенные устанавливали огромный пресс. Было видно, что у него зреет какое-то решение.

— Можете молиться за его упокой, — сказал он наконец раздельно и тихо. — Не пройдет и трех суток, как с прессом будет покончено.

О том, как он это сделает, Махурин не стал рассказывать.

— Ваше дело устроить меня к прессу, а там уж я знаю сам.

Мастер Решке и на этот раз помог русским. Он переговорил с прессовым мастером Швабом, толстым лысым немцем из цивильных, тот охотно принял на работу «замечательного мастера и старательного парня», как отрекомендовал Махурина Решке.

Вечером, после аппеля, Махурин недовольно шепнул Саше и Валентину:

— Можно было бы уже сегодня выполнить задание, да в подручные мне паразита дали, Жилу проклятого...

Махурин пошел на риск. Он знал, что уличенные в диверсии подвергались смертной казни, но с лукавыми огоньками в глазах сказал друзьям:

— Не бойтесь за меня, я и не таких, как Жила, проведу!

В два дня Махурин освоил новую профессию и к концу второго дня предложил мастеру Швабу:

— Герр майстер, а если между матрицей и штампом положить сразу две заготовки, а? Двести процентов плана будет!

Толстый немец, вытерев платком лысину, крякнул,

16 Заказ 6670

— Рискованно. Пресс — слишком дефицитная вещь.

— Да что вы, герр майстер! В каждой машине, в каждом оборудовании есть запас мощности. Если удвоим производительность пресса, вас наверняка переведут в старшие мастера и мне подвезет!

— Ну, ладно, попробовать можно...

Петр схватил два листа железа, сунул между матрицей и штампом и крикнул подручному:

— Дави!

Раздался сильный треск, пресс остановился: лопнула верхняя крышка подшипника. Мастер Шваб со стоном схватился за голову и выбежал из цеха.

А через час пришли четверо гестаповцев в черной форме и спросили Решке:

— Wer ist Machurin? (Кто Махурин?)

Решке поднял руку с трясущимися пальцами, еле выдавил из себя:

— Heil! — и с испугом посмотрел на Петра.

Не успел Махурин схватить что-нибудь потяжелей, как на руках у него щелкнули наручники. У Валентина сдавило грудь. Петра увели.

С арестом Махурина обрывалась связь с Надей, рушился план побега. Если Петра казнят, это будет великая потеря для организации и русских товарищей. Но, может быть, все же Махурина отпустят? Ведь он действовал с разрешения мастера Шваба!

После отбоя Валентин улегся на нары рядом с Сашей. Так лучше: чувствуется плечо друга. Оба молчали час за часом, не смыкая глаз.

Под утро Валентин задремал, но вдруг очнулся от громкого шепота.

— Ты чего? — спрашивал кого-то Саша, свесившись вниз.

В тусклом свете электрической лампочки Валентин

увидел мальчика-еврея, который прислуживал в бункере. Мальчик что-то сунул Саше в руку и убежал.

— Что это? — Саша повернулся к Валентину, разжал кулак. — Записка!

Это была весточка от Махурина. На клочке серой бумаги синим карандашом было написано: «Предал Жила, он слышал наш разговор с Бетленом. Не бойтесь: провокатор не знает всех наших планов. Что касается меня — умру, но не скажу ни слова. Ваш Петр».

На работе в этот день было непривычно тихо. Заключенные о чем-то перешептывались, переходя от одного к другому. А в обеденный перерыв по цеху разнеслась весть: Жилу нашли в траншее газопровода под грудой кирпичей, на него обрушился свод.

Истекал июнь. Пыльно-жаркий, он накалял воздух, сушил молодую листву деревьев, вытапливал из голубоватых иголок сосновой хвои смолистый аромат. От серого асфальта шоссе, от крытых толем крыш цехов и бараков струилось зыбкое прозрачное марево. В небе грудились белые облака, предвещая кратковременный дождь. Но дождя все не было. Облака уносились за горизонт, таяли, и опять голубело небо, чистое и бездонное.

Когда ветер налетал с востока, слышался отдаленный гул орудий: Советская Армия стояла у Вислы.

Сегодня орудийные выстрелы слышны особенно явственно. Что такое? Может, советские войска форсировали Вислу и подходят к лагерю?

Саша решительно подошел к мастеру.

— Герр Решке, что это за гром? Туч нет...

Мастер, оглянувшись, подмигнул и осторожным шепотом сообщил:

— Ваши гонят нацистов, нацисты боятся, как бы ваши не сделали с немцами то же, что они сделали в России. Но я не нацист, я всегда был социал-демократом!

Саша и Валентин переглянулись: час освобождения близок.

— Айда, Валентин, на крышу, посмотрим, может, что видно, — предложил Саша, и они мимо мастера бросились к выходу.

На крыше цеха грохот орудий слышен отчетливей. Неужели так близко фронт? Здесь же, у электромачты, возятся пленные английские и французские офицеры. Одного из англичан Валентин знал. Это — капитан Роджер.

Увидев русских, капитан о чем-то быстро-быстро заговорил:

— Offensiv!.. Zwei Front, zwei Front! — разобрал Валентин.

— Что такое оффенсив? — переспросил Саша.

Роджер, видно, догадался о затруднениях русских. Он присел на корточки, рукой позвал их к себе и, подобрав осколок штукатурки, стал чертить на крыше карту Западной Европы. Вот выпуклый бок Нормандии, вот Британские острова. От островов к Нормандии протянулись две жирные стрелы, возле них — самолет, человечки, кораблик и цифра — 1 500 000.

— Понял, понял, Роджер! — закричал Саша и схватил англичанина за руку.— Молодцы! Вторжение, полуторамиллионная армия союзников! Уррра!

Роджер и с ним другие англичане тоже закричали: «Урра, урра!»

Саша и Валентин через Оскара Бетлена запросили Центр о том, что им делать после ареста Махурина: продолжать подготовку к побегу или выжидать подхода советских войск. Но Центр почему-то молчал. На

свой страх и риск Саша, Валентин и Оскар Бетлен решили начать подготовку к побегу в горы, не откладывая. Надо было кому-то проникнуть в лагерь «остарбайтерок» и связаться с Надей. Решено было поручить это Валентину.

А дни шли. Наступил июль, из Центра наконец поступил приказ: воздержаться от побега в Тарты. Группе советских офицеров ставилась задача подготовить боевые отряды из французских и английских узников, вооружить их, чем только возможно, разработать план самоосвобождения: боевые отряды должны по сигналу из Центрального лагеря поднять восстание в Буне, перебить охрану и выводить заключенных на помощь восставшим в Освенциме-один.

Половину июля Валентин, Саша, Оскар Бетлен и другие советские заключенные вели агитацию среди иностранцев. Споры были горячие, многие из англичан и французов не хотели рисковать: Советская Армия вот-вот должна освободить их. И только мысль, что фашисты так просто не дадут им спастись, что палачи постараются в последний момент уничтожить следы своих преступлений и стереть лагерь с лица земли, пробудила в конце концов в них желание сразиться с гитлеровцами. Валентину во многом помог молодой француз с усиками. Они уже давно поняли друг друга, француз встречал Валентина с радостной открытой улыбкой. Коверкая слова, то по-немецки, то по-русски, Валентин рассказал ему о своей жизни и только про Золотую Звезду Героя умолчал.

20 июля по лагерю разнеслась потрясающая весть: на Гитлера совершено покушение...

— Это начало больших жертв,— сказал Саше и Валентину помрачневший Оскар Бетлен, встретившись на работе.

Он не ошибся. Вскоре из Центрального лагеря пришло сообщение о массовых арестах коммунистов всех национальностей. Стало известно, что арестованы Эрнст Шнеллер, Людвиг Локманис, русские подпольщики Василий, Федор Сгиба, Виктор Москвич и другие члены Центра.

Для подпольной организации это был смертельный удар, и нанесли его фашисты как раз накануне форсирования советскими войсками Вислы, когда к восстанию уже все было подготовлено...

Не успели заключенные оправиться от потрясения, как и в Буне произошло что-то непонятное. Внезапно всех русских и коммунистов других национальностей отделили от остальных заключенных и поместили в изолированный лагерь. Три дня узники валялись на голой земле под открытым небом. А на четвертый день под угрозой расстрела всех затолкали в крытые автомашины и доставили в Биркенау.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Аушвиц-два, или Биркенау, расположен невдалеке от главного лагеря на огромном пустыре с редким сосновым леском. Площадь пустыря в несколько квадратных километров, окруженная болотами, опутанная тремя рядами колючей проволоки, рассекается шоссейными дорогами, идущими с востока на запад, на три сектора — В-1, В-2, В-3. Разветвленная сеть железнодорожных путей и платформа напоминают сортировочную станцию крупного железнодорожного узла. В каждом секторе — несколько внутренних лагерей, отгороженных колючей проволокой под сильным током, а в каждом лагере—загоны по двадцать блоков без окон. В сосновом леске

на краю пустыря — зона уничтожения. Там дымят квадратные серые трубы.

Заключенных выбросили из крытых машин неподалеку от железнодорожной платформы. Как-то незаметно для самих себя Саша, Валентин и Бетлен оказались рядом, сбились в плотную кучку. Тепло товарищеского плеча придавало твердость и силу.

Послышалась команда:

— Stillgestanden! Mützen ab!

Началась поверка. Валентин не слышал, о чем докладывали охранники эсэсовскому офицеру, глядел прямо перед собой на тучу дыма над крематориями, и невольный ужас сжимал мозг: все, теперь уж конец.

Узников погнали вдоль железнодорожного полотна, потом направо, в сектор В-3.

Уже по дороге к лагерю Валентин видел трупы: это были женщины, раздетые, обезображенные.

Лишь вечером Валентин узнал от заключенных, которые прибыли в лагерь днем раньше, как произошла эта трагедия. В тот день десятки автомашин, набитых раздетыми догола женщинами, направлялись к газовым камерам. Женщины помоложе и посильней выпрыгивали из кузова и пытались бежать. Автоматчики на ходу стреляли в беглянок, их трупы не успели убрать с дороги.

Русских и коммунистов из других стран три дня держали под строжайшей охраной двух эсэсовских батальонов. Из блока, казалось, нельзя было высунуть наружу и носа. Завидев бегущую по территории лагеря неясную в сумраке фигуру, эсэсовцы без предупреждения открывали огонь. И все же находились смельчаки, отчаянные головы, которые ухитрялись перебираться из блока в блок, передавать новости о наступлении советских войск, рассказывать о страшной «деятельности» Биркенау.

Эсэсовцы торопились. Советская Армия приближалась. «Фабрика смерти» не успевала справляться с уничтожением людей. Крематории действовали днем и ночью на полную мощность. Теперь сами обреченные готовили себе жуткие могилы: под угрозой эсэсовских автоматов хефтлинги сбрасывали в глубокий ров бревна, сами ложились на них. Эсэсовцы поливали их из автоматов, как водой из шлангов. Тут же пригоняли другую партию смертников, поверх трупов накидывали новые бревна, на бревна снова ложились люди, опять гремели автоматы, и снова ряды трупов на бревнах, пока рвы не наполнялись доверху. Весь этот «слоеный пирог», по циничному определению фашистов, заливался горючей смесью, поджигался, и гигантский костер взметывался в пепельно-серое от дыма освенцимское небо...

— Нет, товарищи, нельзя так покорно идти на смерть! — сказал Саша Гусев.— Надо биться до последнего дыхания! Мы же советские люди!

— А как биться? — зло проворчал хефтлинг с черным винкелем.— С голыми руками на автоматы лезть? Проклятые собаки, что с Германией сделали! Ублюдки, фашистское дерьмо! Ворвутся в Германию красные, что они сделают с немцами, что сделают!

Этому хефтлингу Оскар Бетлен случайно спас жизнь. Как-то в сумерках он стоял у двери, выглядывая во двор лагеря, и увидел бегущего от соседнего блока заключенного. Треснула автоматная очередь. Бегущий упал шагах в двадцати от двери. Бетлен бросился ничком на землю, дополз до упавшего и притащил его в блок.

Смельчак оказался немцем с черным винкелем. Такие винкели гитлеровцы нашивали обычно сектантам, дезертирам, пораженцам — всем немцам, которые были не согласны брать в руки оружие или проявляли «колебания и неуверенность в победе национал-социализма».

«Черный» был легко ранен эсэсовской пулей: она разрезала мышцы на груди и выскочила под мышкой. Раненого перевязали, расспросили, кто он и откуда. Оказалось, что «черного» зовут Альберт Бруно, он был солдатом и служил в части, занимавшей оборону на «Атлантическом вале». Но за пораженческие настроения его судили военным трибуналом и бросили в Освенцим. Вот уж два дня, как он находится в русском блоке, и мечется, и ноет, и сыплет немецкими проклятьями в адрес райха и гитлеровской своры.

— Давайте подсчитаем наши силы, товарищи, — предложил Оскар Бетлен. — Все наше спасение во всеобщем восстании. Пусть с голыми руками, но продадим жизнь не даром. Пусть наш кулак будет против автомата, но и эсэсовцам наша гибель недешево достанется! Мы не можем ждать, когда фашисты начнут уничтожать лагерь артиллерией и минометами...

Саша поддержал его.

— Не может быть, чтоб не осталось никого из Центра. Надо установить связь с уцелевшими. Кроме Людвига и Эрнста, Сгибы и Карцева, в руководстве были товарищ Юзеф и другие...

Барачная духота становилась нестерпимой. Перебрались к выходу, чтобы хоть под покровом ночи вдохнуть прохладный осенний воздух.

Ночь, по-осеннему сырая и темная, опускалась на лагерь. На голую землю оседала роса, и вместе с росой над бараками сгущался смрад горящего мяса и паленого волоса. Над сосновым леском багровым цветком распустилось рвущееся из трубы пламя.

— Не могу, братаны, все нутро выворачивает... — Валентин зажал рот и нос лагерной бескозыркой, стараясь унять тошноту.

— Ничего, геноссе, завтра и нас пустят на люфт, —

едко сказал Альберт Бруно. — Другие понюхают, чем от нас будет вонять...

— Перестань, Альберт! — Оскар Бетлен вскочил, потряс кулаками в сторону крематория. — Нет уж, зубами буду грызть, душить буду, а живым фашистам не дамся!

Но назавтра случилось не то, что предполагал Альберт Бруно. Под утро весь лагерь был поднят гулом взрыва, треском автоматных очередей, криками. Валентин, спрыгнув с нар, увидел, что сквозь неплотно прикрытую дверь просачивается колеблющийся желто-красный свет.

Узники всполошились.

— Что это? Налет?

— Бомбежка?

Кто-то крикнул:

— Братцы, это же наши пришли! На волю, братцы!

Но едва заключенные выскочили за дверь, как их встретили автоматные очереди. Стреляли эсэсовцы со своих вышек. Значит, это не Советская Армия пришла. Тогда что же?

Убитых оттащили в угол, раненых перевязали. Весь блок уже не мог успокоиться.

И вдруг звуки боя прекратились. Что же произошло? Какой бедой грозит внезапно наступившая тишина?

С первыми лучами низкого осеннего солнца все кругом переменилось. Неожиданно всех политзаключенных сектора В-3 выгнали из блоков, согнали к железнодорожной платформе, битком набили в товарные вагоны, опутали окна и двери колючей проволокой и куда-то повезли.

В тесноте вагона Валентин узнал разгадку ночных событий.

Оказывается, зондеркоманда четвертого крематория, узнав о плане уничтожения лагеря, начала восстание.

Команда состояла из трехсот человек. Их должны были уничтожить в первую очередь, как самых опасных свидетелей. Еще весной, при подготовке восстания, подпольная организация снабдила их оружием, гранатами и взрывчаткой. И вот прошлой ночью они подорвали четвертый крематорий, обезоружили охрану и с боем пытались прорваться за Вислу навстречу Советской Армии. Прорвались немногие — более двухсот узников пали в бою с тысячным эсэсовским гарнизоном Биркенау. Но восстание команды четвертого крематория оказалось спасительным для других: опасаясь бунта, эсэсовцы вынуждены были отказаться от первоначального плана уничтожения всех узников Освенцима и стали поспешно отправлять их в глубь Германии.

Валентин уже не мог припомнить все города и местечки, в которых побывал трагический эшелон. Под ударами двух фронтов — Восточного и Западного — гитлеровский райх трещал и рушился. Фашисты метались по стране, их страшило возмездие. Они не знали, куда девать пленных. Им не хватало времени, чтобы выгрузить эшелоны с узниками и уничтожить многотысячную массу людей, у которых теперь пробудилась надежда на свободу и жизнь и которые были готовы на самое отчаянное сопротивление.

Штормовой ветер возмездия бушевал над немецкими городами и поселками. Через узкое окно под крышей вагона, заплетенное колючей проволокой, можно было видеть днем и ночью горящие здания, клубы черного дыма и отблеск пламени на железнодорожных станциях, на месте мостов и заводов. Особенно жутко было ночью: в небо рвалось багровое пламя, и со всех сторон слышался грохот бомбежки.

Заключенные по очереди, забираясь на спины товарищей, смотрели на пожары, на развалины городов и ликовали: наконец-то и немцы почувствовали на своей шкуре, что значит война. В громе артиллерии союзных войск слякотная приморская зима 1945 года заметно уступала место весне: небо днем, если не закрывалось дымом пожарищ, голубело чистое, умытое, а ночью с него глядели, добродушно подмигивая, крупные звезды. По вечерам, когда гарь пожарищ оседала на руины городов, ветер становился свежим, пропитанным запахом набухших почек. Даже колеса поезда тогда стучали как будто отчетливей, бодрее. Валентину казалось, что он уже видит, как цветет сирень, нежно шелестя острыми листьями, а ветер, влажный и терпкий, разогнал дым и взбивает бело-розовую пену в садах и парках. Весна шла на немецкую землю...

После долгих мытарств заключенных привезли в Вестфалию, но англо-американские войска прорвали фронт и стали быстро приближаться. Тогда пленников повезли через города и поселки Рурского бассейна на север, потом опять на юг, пока не выбросили из вагонов в старинном городе Бремене, памятном с детства по чудесным сказкам братьев Гримм.

Хефтлингов поместили за колючей проволокой на территории какого-то полуразрушенного завода. Заключенные валялись на полу всех пяти этажей огромного здания конторы. Валентин и Саша Гусев устроились в уголке возле лестницы на второй этаж. Оскар Бетлен нашел своих соотечественников и, тепло попрощавшись, ушел к ним на третий этаж. Немецкий солдат с «Атлантического вала» не захотел расставаться с русскими и тоже пристроился возле них, расстелив потрепанную, вытертую шинель. После духоты и давки телячьего вагона здесь показалось очень просторно: можно лежать,

вытянувшись во весь рост, поворачиваться, садиться, как вздумается. По ночам в разбитые окна течет свежий воздух, пахнет весной, можно заснуть с надеждой, что завтра наступит освобождение.

На третью ночь военнопленных поднял сигнал тревоги. Часа в три утра завыла сирена — отчаянно, безумно, противно. Лагерь всполошился, залаяли собаки, раздались выстрелы.

Узников выгнали во двор, выстроили в две шеренги. На плацу перед строем установили старую освенцимскую знакомую — «кобылу» — и швырнули на нее закованного в кандалы заключенного.

— Совершил попытку к побегу... Наказать... двести ударов... — зачитал один из эсэсовцев приказ.

Засвистели бичи из воловьих жил, на пыльные камни площади брызнула кровь, каждая капля торопилась свернуться в пыли темно-красной вишней.

Валентину почудилось что-то знакомое в коренастой широкой фигуре узника, в его загорелом, в синяках и опухолях лице. И когда хефтлинг получил сполна все удары и без сознания был брошен посреди двора, Валентин сказал Саше:

— Айда, Александр Федорович, унесем к себе...

Они нагнулись над пленным, перевернули на спину. Валентин ахнул: это был Виктор Иванцов...

Его обмыли тут же во дворе у фонтана, кое-как перевязали иссеченную, в кровавых лохмотьях спину и утащили к себе на второй этаж.

Всю неделю, пока Виктор не окреп, Саша и Валентин с помощью Альберта Бруно чем могли поддерживали его. Немец достал где-то вазелин, чтобы смазывать подсыхающие раны на спине летчика. На Виктора пайка не полагалось, приходилось делить с ним свой завтрак и обед. Возвращаясь к вечеру с работы, Саша

и Валентин принимались кормить беспомощного друга, а немец в это время намазывал вазелином тряпки. Приложенные к спине, они, очевидно, смягчали и охлаждали воспаленную кожу.

На пятый день жар у Виктора спал, он уже осмысленно посмотрел на товарищей:

— Братцы, это и в самом деле вы? А я думал, что мне грезится... Где это мы? В Бремене? Черт возьми, опять неудача!

Оказалось, что Виктора Иванцова после происшествия с Ковалем бросили в карцер, там долго держали без еды и питья, каждый день допрашивали, избивали, а потом перевели в Биркенау.

Быть бы Виктору уничтоженным, но в последний момент ему удалось незаметно для эсэсовцев сорвать с убитого поляка номер, нашить его себе и проскочить вместе с рабочей командой, которая доставляла вещи и одежду погибших на склады в Освенцим-один. А отсюда уж его вместе со всеми погнали в глубь Германии.

— Ну, а бежал-то ты когда? Откуда? — спросил Валентин.

— Да отсюда же, с пятого этажа, как парашютист! — нехотя проговорил Виктор. — Привязал к раме электропровод и спустился, а потом через забор и... к немцам в лапы...

Через десять дней, хотя Виктор еще не совсем оправился, его вместе со всеми погнали на работу в город. Выйдя во двор, он покосился на окна пятого этажа и хмуро отвернулся.

— Что, парашютист, опять небо зовет?

Валентин, счастливый тем, что Виктор жив, что освобождение близко, готов был кричать во все горло и смеяться. Но смех застревал в глотке при виде разрушенного города.

Сегодня их погнали откапывать бомбоубежище. Это было страшное зрелище. Даже привыкшие ко всяким ужасам Освенцима и Биркенау, военнопленные содрогались, отворачивались, а возгласы мести смолкали.

Весь город был как одна огромная покойницкая. Под каждым разрушенным домом — люди. На месте улиц — пустыри с грудами кирпича, исковерканного железа и бетона. Повсюду развороченные взрывами мостовые, тротуары, покосившиеся фонари, голые фермы на крышах уцелевших зданий. Транспорт не работает. На улицах жители с траурными повязками на рукавах. Они раскапывают завалы, вытаскивают из подвалов трупы женщин и детей, стариков и старух. И всюду обугленные деревья с голыми ветвями, простертыми в мольбе.

Эсэсовцы пригнали заключенных к развалинам старинного здания с барельефами и кариатидами на остатках стен. Начальник спасательного отряда, пожилой обрюзгший немец, сказал по-немецки:

— Откапывайте бункер.

Пленные взялись за обломки бетона, за лопаты и кирки. Под домом — настоящая братская могила. Тяжелая фугасная бомба угодила точно, похоронив в бомбоубежище сотню людей. Постепенно из-под обломков кирпича показывались изуродованные до неузнаваемости тела. Вот завернутый в голубое одеяльце младенец с восковым личиком, вот из-под щебня выглянула клетка с мертвым попугаем, а возле нее — портрет Гитлера в золотой раме...

— Verfluchte amerikanische Banditen! (Проклятые американские бандиты!) — злобно ворчал обрюзгший старый немец и грозил кулаком в небо. — За неделю шесть воздушных налетов, восемьдесят тысяч убитых...

Кто-то из пленных крикнул:

— Что, недоволен, собака? А как у нас было?

Валентин не мог глядеть в бункер-могилу. Теперь он представлял себе, что значит бомбежка не сверху, из окна кабины бомбардировщика, а здесь, на земле.

— Что же не ликуете, други? — хмуро спросил Саша, оглядывая одного за другим русских.

Все молчали, отводили глаза, ожесточенно вгрызались лопатами и кирками в груды битого кирпича. Даже эсэсовские охранники прикусили языки и понуро смотрели в сторону.

Из бомбоубежища извлекли сто двадцать трупов. Немцы из спасательной команды спешно уложили их, как дрова, на грузовики. Старый немец что-то крикнул ближнему эсэсовцу, указывая на торчавшую посреди обломков толстую, как черная свинья, невзорвавшуюся бомбу.

Эсэсовец ткнул пальцем в Сашу, Иванцова, Валентина и еще пятерых заключенных. Среди них оказался и солдат с «Атлантического вала».

— Eins, zwei, drei, vier... Genug, marsch zur Bombe! (Раз, два, три, четыре... Довольно, марш к бомбе!)

Невзорвавшаяся бомба торчала из земли неподалеку от глубокой воронки.

— Пошли, ребята, — позвал Саша, — побеседуем на покое.

Военнопленные забрались в воронку, а цивильные немцы и охранники укрылись за уцелевшими стенами здания и в щелях.

Саша поудобнее уселся на дне воронки, повел вокруг рукой:

— Собрание узников концентрационного лагеля Освенцим считаю открытым, — шутливо начал он, но потом заговорил совершенно серьезно: — На повестке дня один вопрос: как совершить побег. Думаю, что всем яс-

но — погибнуть от рук палачей в последний момент перед освобождением глупо, даже преступно. Мы должны выжить, чтобы рассказать об ужасах Освенцима, и опять бороться с фашизмом. Кто предложит верный способ побега?

На вопрос Саши ответили сразу двое — Виктор Иванцов и Альберт Бруно.

— Как только начнется воздушный налет, немедленно бежать из оцепления и потом — навстречу американцам! — предложил немец.

— Точно, и я так соображаю, — сказал Иванцов. — Только не к союзникам бежать, а пробиваться в ближайший лес и партизанить на дорогах.

Предложение было принято без возражений. Стали ждать сигнала воздушной тревоги, не вылезая из воронки. Ждали долго. У эсэсовцев кончилось терпение, они стали кричать из-за укрытий:

— Ei, was machen sie, Untermenschen? Schnell, schnell! (Эй, что вы там копаетесь, ничтожества? Быстрей, быстрей!)

Но заключенные и ухом не повели. Они развалились на дне воронки, у кого нашлись сигареты или окурки, закурили. Все знали: эсэсовцы ни за что не сунутся к невзорвавшейся бомбе, пока заключенные рядом с ней.

Бомбардировщики союзников появились над развалинами Бремена примерно часа в четыре после полудня. Они армадой чуть ли не в две сотни самолетов налетели с северо-запада, от моря, и словно закрыли небо черной тканью.

— Пора, товарищи, вперед! — крикнул Саша и стал выбираться из воронки.

Валентин вслед за ним и Виктором кинулся в узкий переулок между полуобрушенными стенами домов. Уже через мгновение улица превратилась в море бушующего

17 Заказ 6670

огня. Казалось, невозможно было уцелеть в этом аду, но в застенках концлагеря смерть была ближе. Надежда гнала Валентина и его товарищей с улицы в улицу, к окраинам города. Только где они, эти окраины? Всюду — огонь, падающие стены, грохот, дым...

Валентин видел, как взлетали, словно невесомые, к дымному небу дома, в воздухе плавно разваливались на куски и обрушивались на землю градом осколков и тучами пыли. Люди метались с дикими криками, пытаясь сбить с себя пламя, сорвать пылающую одежду.

Задыхаясь от горячего дыма, поддерживая друг друга, Валентин, Саша, Виктор и Альберт Бруно вырвались все-таки из города и очутились в поле. Но и здесь горели придорожные, уже зазеленевшие деревья, дымилась прошлогодняя трава, клубами вился над полем черно-палевый дым, наползавший со стороны города.

— Куда теперь? — крикнул Саша Альберту.

Тот почернел от копоти, шинель давно сбросил — она загорелась, и на голой спине Бруно теперь ярко покраснел ожог.

— Если бы было куда, — растерянно сказал Бруно.

Почти до темноты блуждали среди развалин каких-то поселков, выбились из сил. Но только повалились в канаву возле шоссе, чтобы отдышаться, как с ужасом увидели, что к ним бегут вооруженные люди в гражданской одежде и с ними две черные овчарки...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Прекрасна весна в Тюрингии. Синеют вековые леса в горах, в светло-зеленой пене молодой листвы тонут черепичные крыши городов и поселков, склоны горы Эттерсберг кудрявятся кустарниками, и хрустально-чи-

стые родники, журча меж обросших мохом камней, бегут с горы и встречаются в чудесной чаше озера.

Небо нестерпимо синее и глубокое. Стволы кедров и сосен коричневыми колоннами устремились ввысь, залитые весенним щедрым солнцем, и колышут сизую хвою разлапистых деревьев. Кое-где вековые дубы мощно вросли в каменистую почву и, как древнегерманские богатыри, величаво стоят на страже синих лесов и синего неба.

Хорош старинный город Веймар, родина великого Гете. Гениальный немецкий поэт мальчишкой любил лазать по заросшим кустами склонам горы Эттерсберг. Здесь, под огромным дубом, он создавал своего «Фауста». Это здесь, наверное, пришла ему на ум мысль: «Das Höchste, was wir von Gott und Natur erhalten haben, — ist das Leben!»
(«Самое высокое, что мы получили от бога и природы,— есть жизнь».)

Весна шла по немецкой земле...

Серая масса людей вразброд тащилась по дороге в горы. В синем небе, вспыхивая серебристыми звездами, летали американские бомбардировщики. В окрестных городах, Веймаре и Эрфурте, выли сирены, объявляя воздушную тревогу. Рассвирепевшие эсэсовцы орали, как погонщики на скот, хлестали бичами и сорванными по пути гибкими ветками орешника измученных, усталых до предела, оборванных и облепленных засохшей грязью узников. Шарфюреры заставляли колонну двигаться беглым шагом. Эсэсовцы озверели. Но движение колонны не ускорялось.

— Laufen, laufen, verfluchte Gesindel! (Бегом, бегом, проклятая сволочь!)

Силы иссякли, но узники дергали головами, стараясь показать, что пытаются бежать. На головы и спины лю-

дей сыпались сильные удары дубинок, хлестко и сочно прилипали к плечам длинные бичи. На ногах хефтлингов болтались окровавленные жалкие обмотки. А над кишащей, как черви, массой людей с ревом проносились самолеты, разворачивающиеся над окрестностями Веймара. Сухо трещали выстрелы, раненые и полуживые падали в грязь дороги, конвоиры оттаскивали их за ноги и бросали в кювет.

— Laufen, laufen! (Бегом, бегом!)

Валентин тащился из последних сил. Две недели под гул самолетов и эсэсовскую ругань плелся он с тысячами таких же по дороге к Бухенвальду. Ноги уже отказывались служить, каждый шаг давался с невероятной мукой. А идти надо, кто упадет — погиб... Даже Виктор Иванцов потерял былую порывистость: она растворилась в тупом безразличии.

А дорога все поднимается в гору. Где-то там, на вершине, бараки с нарами, на которых можно растянуться во всю длину костей, там теплая баланда и чудесный, изумительно вкусный хлеб... Только бы не упасть, только бы дойти...

— О господи, не дай мне отстать!

Валентин повернул голову к соседу. Это стонал Альберт Бруно, ненадежный солдат фюрера, изменник фатерлянда. Фюрер позаботился, чтобы он, плохой сын великой Германии, познал на земле все муки ада...

Лес поредел. Узники почувствовали, что лагерь близко, и напрягли силы. Но Альберт Бруно не смог догнать колонну и упал. Он попытался ползти на четвереньках. Шарфюрер выхватил из кобуры пистолет.

— Собака проклятая!

— О господи, не дай...

Щелкнул выстрел, второй...

А потом еще и еще...

Колонна протащилась мимо белого щита с черной надписью: Achtung! Komendants raion! («Внимание!Район комендатуры»). А под надписью символ: череп и две скрещенные кости.

У шлагбаума зашевелились часовые. Через сотню шагов колонна остановилась у двух башен с железными воротами. Саша Гусев, волоча отнявшуюся ногу, подтащился к Валентину поближе. Иванцов ожил, проясняющимся взглядом окидывая ворота и башни. «Jedem das seine»,— было написано готическими буквами над верхним краем ворот.

«Каждому свое»,— теперь уже без помощи Виктора прочитал Валентин и с тоской повторил про себя: «Каждому свое...»

— Дошли... — стараясь держаться прямо, прохрипел Саша. — Прилечь бы...

— В блоке приляжем... — с надеждой сказал Виктор.

— Если не в крематории... — буркнул Валентин.

— Schnell! Schnell!

Серой лентой колонна втянулась в лагерь, свернулась клубком.

Перед узниками лежала стометровой длины площадь.

— Laufen, schnell!

Опять засвистели бичи, заходили дубинки. Хефтлинги бросились вперед. Там, на конце аппельплаца, их ждал наконец покой. Так думал каждый и рвался изо всех сил вперед. Только бы не упасть, только бы добежать. Задыхаясь, широко открыв рот, Валентин огромными, как ему казалось, скачками несся через площадь. Рядом бежали Саша и Виктор. Саша старше всех, ему не добежать. Валентин это увидел, как только взглянул в его серое мертвое лицо. Увидел и сбавил бег, схватил Сашу за руку.

— Держись!

Виктор Иванцов подхватил под другую руку.

— Schnell, schnell!

Выстрелы, истерический хохот эсэсовцев, вопли умирающих...

Лагерь Бухенвальд был переполнен до предела. Валентина, Сашу и Виктора поместили не в барак, а в огромную парусиновую палатку, где заключенные карантинного лагеря лежали вповалку, без матрацев и одеял. Не исполнилась и мечта о баланде и хлебе: вновь прибывших, как объяснили ранее пригнанные сюда, несколько дней на довольствие ставить не положено.

На второй день к вечеру освободились места в блоках Малого лагеря, и Валентин с товарищами кое-как отыскали в набитом до отказа бараке свободную клетку.

Когда-то каждый блок придерживался строгих правил: в нем помещались только хефтлинги одной национальности. Но теперь, в последних числах марта, в переполненном Бухенвальде уже не было ни порядка, ни дисциплины. В блоке жили русские, поляки, евреи, югославы, французы... Кого только нельзя было встретить в этой разноязычной, пестрой толпе!

Саша и летчики быстро освоились на новом месте. К тому же, с первого дня им стало ясно, что налаженная фашистами система постепенного умерщвления людей рушится. Гитлеровцы торопились уничтожить следы своего преступления, у них больше не оставалось фабрик смерти, кроме одной — Бухенвальда. Вот почему крематорий беспрерывно дымил, но шестидесятитысячная армия хефтлингов приходила все в большее неповиновение.

В карантинном блоке заключенные беспрерывно двигались, как крупинки в бурлящей каше. За столами по-

среди барака сидели с какими-то бумажками, тоненькими самодельными тетрадками, с иголкой или ножичком в руках. Что-то писали, шили, строгали, читали. Рядом громко кричали изможденные доходяги, предлагая за полпайки хлеба то портсигар из плексиглаза или алюминия, то еще какую-нибудь самоделку. Один хефтлинг с длинным лошадиным лицом протискивался сквозь толпу, держа в ладони кусочек хлеба, и без надежды бормотал:

— Только за две закурки, только за две закурки...

Пользуясь относительной свободой и отсутствием надзора, Валентин, Саша и Виктор лежали на нарах, съежившись в своей клетке. Зажгли электричество. Сквозной ветер пронесся через весь барак, на секунду пахнул дымком сигареты. У Валентина тупо заныл желудок, голодная слюна заполнила рот. Он вынул Золотую Звезду, потер о рукав грязной куртки. В тусклом свете лампочки грани Звезды скупо блеснули желтым золотом, погасли. Измочаленная, бывшая когда-то красной, муаровая ленточка под пальцами расползалась короткими нитями.

— Убери, — строго сказал Саша. — Увидят, не одни мы тут.

— Пусть видят. Погонят в крематорий, нацеплю ее поверх куртки.

— И? — спросил Виктор.

— И с чем попало на охрану! — жестко сказал Валентин. — Одного-двух, а пришью на месте!

Никто из друзей не возразил. Каждый верил, что Валентин именно так и сделает, так же сделают и они, когда наступит час.

— Мне кажется, что все произойдет иначе, — раздумчиво сказал Саша Гусев. — Здесь тоже должна быть организация.

— Возможно, — согласился Валентин.

— Надо присматриваться, — предложил Виктор.

В дверях показался высокий, но больше ничем не приметный заключенный. Он держал в руках суповый бачок и по тому, как напряженно он вытянул перед собой руки, было ясно, что бачок полон. Голодный желудок моментально напомнил о себе острой болью. Все, кто был на нарах, соскочили и торопливо подошли к столу. Ни Валентин, ни Саша с Виктором не обратили внимания на другого хефтлинга, который вошел с двумя буханками хлеба. Этот заключенный был невысок и плотен, с черными навыкате глазами, необыкновенно подвижный и с красными пятнами ожогов на лице.

Высокий не спеша подошел к столу, опустил на него бачок и только тогда сказал:

— Вот ужин, делите сами. Это вам прислали из Большого лагеря, от своих пайков отделили... Махурин, давай сюда хлеб...

Валентин выпрямился, как будто его вытянули кнутом. Что сказал высокий? Махурин? Виктор и Саша позабыли про баланду.

— Петр! Махурин!

Танкист бросил на стол буханки хлеба, обернулся.

— Александр Федорович! Хлопцы, черти полосатые!

Летчики и Саша обхватили Петра со всех сторон, сжали так, что он приподнялся над полом.

— Жив, Махурка!

— И вы тоже! Братцы мои, живые, вот здóрово!

— Ты-то как уцелел? Мы думали, крышка тебе, — спросил Саша, когда друзья отпустили танкиста и отвели к своему месту на нарах.

— Не успели, гады, там доконать, сюда отправили. А тут... Да что там, у фашистов теперь руки коротки! Тут, хлопцы, такое заваривается!..

Летчики и Саша переглянулись.

— А что, тут тоже готовят?... — Саша не договорил, осторожно оглянулся на шумевших у стола хефтлингов.

Петр горячо зашептал:

— Ого, тут такое готовится, что скоро всем чертям жарко станет! Ну да ладно, об этом потом,— заторопился Махурин.— Вы что же от стола ушли? Айда за хлебом!

Он живо двинулся к шумящим заключенным, пролез через толпу к кучке хлеба.

— Ребята, Александр Федорович, принимайте!

Через головы заключенных передал три пайки хлеба, а потом большую миску похлебки. Провожаемые жадными взглядами заключенных, еще не получивших своих порций, летчики и седоголовый вернулись на нары. Через минуту Махурин подвел высокого, который принес в блок бачок с супом.

— Вот, братцы, знакомьтесь. Это Бердышев Степан Александрович, учитель из Челябинска.

Бердышев присел на скамейку возле нар, так он не казался очень высоким, протянул руку сперва Саше, потом Виктору и задержался взглядом на Валентине. Потом он протянул руку и сказал:

— Здравствуй, капитан Ситнов, мне о тебе Петр рассказывал. Молодец! Потерь никаких нет?

Ладонь у Бердышева оказалась неожиданно мягкой и горячей. Валентин сначала не понял, о чем спрашивает Степан. Но тот левой рукой показал на грудь с левой стороны, что-то начертил на куртке.

Валентин догадался:

— Цела, вот...

Он отвернулся к стене, отколол от рубашки под мышкой Золотую Звезду и в обеих ладонях, как готовую вырваться птицу, протянул ее Бердышеву.

Степан загородил собой руки Валентина, пальцем осторожно провел по граням медали.

— Спрячь, Ситнов, береги. Скоро, может, открыто наденешь ее.

Валентин убрал медаль. Виктор, проглотив остаток хлеба, невнятно спросил:

— А что? Уже все готово?

Бердышев чуть усмехнулся.

— Все не все, а кое-что предприняли.

— Значит, мы прибыли сюда на готовенькое? — сказал Саша. — Выходит, за чужой счет прокатимся?

Петр Махурин сейчас же прервал его:

— Всем дел хватит. Наши уже узнали о приказе Гиммлера уничтожить Бухенвальд. Комендант ждет подхода воинских частей. Мы тоже не дремлем. Тогда и заварится каша.

Бердышев, поднимаясь со скамейки, негромко закончил:

— Ждите, скоро узнаете обо всем. Я доложу о вас Ивану Ивановичу...

— Кто это такой? — спросил Саша.

— О, подполковник Смирнов—человек выдающийся, если не сказать, легендарный. Он из кадровых командиров Красной Армии. Войну встретил начальником артиллерии дивизии, попал в плен тяжело раненым, пробиваясь из окружения. Его избивали, пытали, соблазняли всяческими благами, если он перейдет на службу к немцам.

Бердышев обвел ближайших слушателей насмешливым взглядом, раскурил самокрутку.

— Но подполковник Смирнов открыто проводил беседы среди пленных о Красной Армии, о Советской власти, о будущей победе над фашистами. Ну и, как многие из нас с вами, угодил в Бухенвальд. Здесь его долж-

ны были уничтожить в первую очередь. И однажды эта очередь наступила: Ивана Ивановича вызвали к воротам, привели к самому коменданту лагеря Эриху Коху. Иван Иванович не скрывал, что он старший командир Красной Армии, коммунист и убежден в поражении фашизма. Так все это прямо в глаза штандартенфюреру и выложил. Кох взбесился: «Так будешь ты жить, красная собака, пока германские войска не поставят коммунистов на колени!» Вот так, благодаря стойкости и вере в победу Советского Союза, и уцелел подполковник. Эриха Коха давно уже нет, а Смирнов все живет... Это, конечно, легенда, но не случайно она родилась...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

С севера дул не по-весеннему холодный и сырой ветер. Он свистел между бараками, рассеивал мелкий дождь. Полупогасшими угольками тлели лампочки на столбах ограды. Из барачных окон на мокрый асфальт падали желтые пятна света, и асфальт блестел, как клеенка. В ночной тишине изредка раздавался хруст гравия под колодками возвращавшегося из канцелярии блокового старосты или лагершутца. Вспугнутая тишина постепенно успокаивалась, и в холодном воздухе по-прежнему слышался только бархатный шорох моросящего дождя.

Валентин засунул руки в карманы тонких штанов, съежился, сберегая остатки тепла между телом и отсыревшим бельем. Он стоял под окном умывальника сорок четвертого блока. В окне не было света, оно изнутри занавешено темной мешковиной. Лагерь спит, и никто из эсэсовцев не догадывается, что сейчас в умывальнике заключенные изучают немецкое оружие.

Валентин переступил с ноги на ногу, осторожно прошел шага три вдоль стены барака, заглянул за угол. Там тоже все спокойно, неясная фигура Виктора Иванцова прижалась к фундаменту и не движется. Валентин вернулся назад, посмотрел в проулок, в конце которого открывался вид на крематорий — приземистое каменное здание с торчащей вверх дымовой трубой. Из трубы вырывалось оранжевое пламя, иногда вылетал целый сноп искр. Сплошной, без единой щели, забор из пропитанных карболкой досок окружал весь участок крематория и скрывал его от взглядов хефтлингов.

Валентин вздрогнул, обернулся: на мгновение ночную мглу распорола вспышка света, послышались уверенные четкие шаги. Ага, это лагершутцы, значит — все в порядке. Махурин уже предупредил Валентина, чтобы он не поднимал тревоги, если увидит полицейских. К началу апреля 1945 года на должностях лагершутцев уже были верные товарищи из немецких и австрийских политзаключенных. Они всеми силами помогали подготовке к восстанию.

Занятия в умывальнике продолжались долго. Валентин продрог, казалось, даже кости заледенели от сырости и пронизывающего ветра. Сейчас бы убежать в блок, забраться на свое место в клетке, прижаться спиной к теплой спине соседа и уснуть, а во сне вдруг увидеть Валю, Валерку... В Сыресеве тоже весна и тоже ночь...

Раздался тихий свист. Дверь блока открылась, на дорожку перед крыльцом легла полоса света. В дверном проеме темнела невысокая фигура. Опять раздался свист. Это Махурин сигналит, что можно снимать охрану.

Валентин рысцой добежал до двери, нырнул в спасительное тепло.

— Ну, как? Застыл? Айда за мной!

Петр тихонько, стараясь не стучать колодками, провел Валентина коридором в умывальник. В большой холодной комнате было несколько человек. Среди них только Степан Бердышев оказался знакомым.

— На, ешь.

Махурин протянул Валентину котелок и кусок хлеба. Отвернувшись в сторонку, Валентин стал быстро хлебать алюминиевой ложкой. Дверь в умывальник опять открылась. Пришел Иванцов и с ним еще трое озябших, посиневших заключенных с красными винкелями. Тоже, видать, стояли на посту.

Валентин тронул Махурина за рукав куртки:

— Что дальше делать?

— Подожди, сейчас кое-что получите и пойдете в свой лагерь.

Петр подошел к невысокому, скуластому хефтлингу лет сорока пяти, что-то спросил. Заключенный внимательно посмотрел на Валентина. Глаза его были спокойные, серые, без стального отлива. Лоб — широкий, с двумя продольными морщинами, нос чуть вздернут и некрупен. Но самым характерным на этом русском лице был разрез глаз, продолговатый, подтянутый к вискам, и чуть набрякшие веки. Взглянув на это лицо один раз, Валентин уже не мог забыть его.

Заключенный, переведя взгляд на Виктора, несколько секунд молча присматривался к нему, потом подозвал к себе Бердышева.

— Степан, попрошу ко мне.

Интонации голоса у заключенного были такими, что даже спокойно и тихо сказанное слово воспринималось как приказ. Бердышев подошел, встал прямо, в ожидании. Широколобый что-то негромко сказал ему. Бердышев качнулся, протестующе взмахнул руками.

— Иван Иванович, мы тоже пойдем на прорыв!

— Тише, Степан! — властно сказал заключенный. — Так постановил Русский комитет, выполняй!

Валентин мысленно присвистнул: вот это дисциплинка, как в армии!

Между тем Иван Иванович отошел от Бердышева, кивнул другому заключенному — щуплому, с сухим выбритым лицом молодому парню одних лет примерно с Валентином.

— Выдай, Логинов, на карантин что полагается, я пошел. Увидишь меня завтра в тридцатом блоке.

Иван Иванович вышел из умывальника в сопровождении Петра Махурина. А щуплый, которого Иван Иванович назвал Логиновым, хмуро сказал:

— Станьте у дверей. Степан, иди за мной.

В дальнем углу умывальника Логинов и Бердышев склонились над полом, вытащили короткую доску, уходившую концом под плинтус. Логинов засунул в подполье руки, вытащил что-то длинное, завернутое в промасленную тряпку, передал Бердышеву. Потом опять полез под доски и достал еще что-то, тоже в тряпках.

Бердышев, держа свертки в охапке, отошел от угла, сказал:

— Принимайте, ребята. Прячьте под одежду. А ты, Логинов, все-таки жадина! Не мог побольше выделить? Нас ведь сотни, понимаешь, сотни, и все рвутся в бой вместе с твоим батальоном!

Логинов вставил на место доску, оглядел угол — не видно ли, что в подполье лазили. И только отойдя на середину комнаты, ответил Степану:

— В моем батальоне вы не нужны. Вам приказано быть в резерве. Достаньте оружие сами.

— Пошли, Ситнов, Иванцов! Посмотрим, кто будет впереди, когда начнется!—проворчал Бердышев.

Валентин прижал к себе засунутый под полу куртки пистолет-автомат «Шмайссер» и, оглядывая площадь, готовый броситься в любую схватку, полный силы и ненависти, побежал к своему лагерю. Виктор Иванцов и Бердышев догнали его уже у колючей проволоки. Все трое по одному нырнули в прорезанный проход, прокрались в блок и, никем, кроме дежурного штубендиста, не замеченные, забрались на нары. А штубендистом был Саша Гусев. Валентин увидел, как он оживился, когда они, неловко поддерживая свертки, проскользнули к нарам.

Валентин и Виктор стояли возле Степана Бердышева и молча следили за движениями его рук. Степан сидел за столом, перед ним лежала довольно толстая доска величиной с большую книгу. В руках у Бердышева быстро сверкал самодельный ножичек с кривым лезвием. Коричневые хрупкие стружки одна за другой сыпались из-под ножа и колечками падали на стол, на колени резчика. По рисунку древесных волокон было видно, что доска дубовая. На ней все более четко проявлялось лицо заключенного: острый нос, ввалившиеся щеки и глазницы, скорбные морщины на лбу и вокруг узкого рта... Перед резчиком специальной натуры не было, каждый хефтлинг мог послужить ему оригиналом. Впечатление было потрясающим. Заключенный выходил, как живой, нет, больше, чем живой, он получался сгустком страданий и ненависти.

Бердышев словно лепил выразительные черты этого ни на кого не похожего и все-таки изумительно верного лица. Еще несколько движений ножом, хруст дерева... И вот уже лицо на доске прозрело, взглянуло на мир исстрадавшимися мудрыми глазами.

Словно кто-то мокрой тряпкой провел по спине Валентина. Захотелось злобно закричать, побежать куда-то, схватить за горло того, по чьей вине страдает этот узник.

— Жутко, Степан Александрович, — заглянув через плечо Иванцова, сказал Саша Гусев. — А что-то в нем еще есть, кроме скорби... Вроде бы надежда. Так?

Бердышев отодвинул доску на длину вытянутой руки, всмотрелся.

— Может быть, может быть. Но как сделать, чтобы у него на лице было написано, что он победит?

Степан опять положил доску на стол, колупнул кончиком ножа возле глаз, тронул подбородок. Теперь все лицо приобрело выражение суровости и гордой силы.

— Это да! — даже крякнул Виктор.

Бердышев отложил нож в сторону, погладил ладонью края дубовой доски.

— Хотите послушать, что сказал великий немец Иоганн Гете?

Валентин и Саша переглянулись. Виктор нетерпеливо сказал:

— Ну?

— Старый Гете, уже прославленный и больной, приехал в Веймар навестить родные края. Он поднялся на любимую свою гору Эттерсберг. Здесь, на склонах этой горы, в долинах и кустарниках, прошло его детство, здесь он впервые полюбил, сюда он и пришел перед смертью. Сел на траву под любимым вековым дубом и с грустью смотрел туда, в долину, куда и вы можете завтра заглянуть, если захотите. Поверх колючей проволоки взгляните и увидите широкую долину, а по ней все домики да кирхи, поля да лужайки... Прощаясь с тенями детства и юности, Гете погладил потрескавшуюся кожу дуба... Вот так, как я... Погладил и сказал:

«Пока стоит этот дуб-великан, жива будет и Германия. А дубу этому конца не будет». Вот так-то, други...

— Дубы могут стоять вечно, а Германия трещит по швам, — покачал головой Саша.

Степан Бердышев повернул голову к Саше, сказал через плечо:

— Дуб уже не стоит и даже не валяется. Его неделю назад свалило бомбой... А эта доска — часть того дуба.

В затаенном молчании глядели на выразительное лицо узника Валентин и его друзья. Валентину казалось, что вот уже и ожил хефтлинг на доске, вот зашевелились его губы, засверкали глаза... Вот он, в полосатых штанах и развевающейся куртке, поднялся над полом, шагнул к двери и призывно махнул рукой: «Вперед, товарищи! Свобода, свобода!»

Дверь блока распахнулась, к столу подбежал Махурин, бледный, с посиневшими губами. С ним вошли двое молодых ребят и остановились у двери.

— Товарищи! Федор Сгиба... Сгиба погиб!

В первое мгновение Валентин даже не мог сразу понять, о ком говорит Петр. Ведь Федор Сгиба давным-давно уничтожен, еще в Освенциме. Так чего же Махурин...

— Товарищи, друзья... Вот эти хлопцы вместе с Федором были, они рассказали. Ломакин, и ты, Володя, идите сюда... Расскажите все, как было.

В течение почти часа рассказывали они о том, как работали на подземном заводе фирмы «Сименс-Шуккерт-Гальске». Завод изготавливал аппаратуру для радиоуправления снарядов «Фау-1» и «Фау-2». С прибытием на завод Федора Сгибы саботаж развернулся в полную силу. Скольких летающих снарядов не досчиталась гитлеровская армия! В последних числах марта заключенные испортили сразу триста аппаратов для ле-

18 Заказ 6670

тающих снарядов. Из берлинского гестапо приехала специальная комиссия, она быстро подобрала улики, выяснила, кто был виновником брака. Узники подземного завода поняли, что их ждет неминуемая смерть. Но они решили дорого продать свои жизни. Когда утром их, как обычно, пригнали на работу, Федор Сгиба по цепочке передал решение подпольного Центра: в обед по сигналу неожиданно наброситься на мастеров, капо и охрану, отобрать у них оружие, облить врагов и оборудование цеха горючим и поджечь.

В обед, по сигналу Сгибы, восстание одновременно начали все триста заключенных, работавших в цехе. Мастера и охрана не успели даже принять меры самозащиты.

Цехи завода вспыхнули.

Три дня продолжался пожар на подземном заводе. Эсэсовцы бросили на его тушение пожарные команды из Веймара и Эрфурта, воинские части. Фашистам удалось вытащить из огня лишь нескольких русских пленных, в том числе Федора Сгибу, Ломакина и Володю Коваленко. Сгибу, как руководителя восстания, после страшных пыток повесили. Коваленко и Ломакин видели его казнь. Они стояли в ряду истерзанных на допросе смертников.

Встав на ящик под петлей, Федор повернулся окровавленным лицом к шеренге русских и громко крикнул: «Да здравствует Советская Россия! — А потом презрительно бросил палачам: — А вам скоро конец, проклятые собаки!»

Ломакина и Володю Коваленко привезли в Бухенвальд, чтобы здесь уничтожить. Но в суматохе, которая теперь в лагере стала обыденной, им удалось вырваться из колонны смертников и вбежать в первый попавшийся блок.

— А я их сюда, — торопливо сказал Петр Махурин.— Укройте денька на два, эсэсовцы здесь редко бывают.

Коваленко и Ломакин недолго пробыли в карантинном блоке. Видно, кто-то все же донес на них лагерному начальству. 1 апреля охранники появились в блоке и, не спрашивая заключенных, сразу направились в темный конец барака, где укрывались беглецы... На следующий день в блоке появился Махурин и хмуро сообщил, что Ломакин и Коваленко отправлены в «хитрый домик».

О «хитром домике» Валентин уже слышал. В бытность комендантом лагеря Эриха Коха здесь помещалась конюшня, где жена коменданта Ильза Кох держала своих лошадей. Потом конюшню оборудовали медицинскими весами, ростоизмерителями, понавесили на стенах санитарные плакаты. Заключенные, попадая сюда, думали, что и в самом деле их привели на медицинский осмотр. Спокойно раздевались, связывали свою одежду для дезинфекции и подходили поочередно к столу «врача». Человек в белом халате расспрашивал о здоровье, заполнял какую-то карточку и по одному пропускал через узкий коридор в следующее помещение. Там его ослеплял свет прожекторов, оглушало громко орущее радио. Заключенного ставили на обычные медицинские весы, записывали вес, потом подводили к обычному как будто ростоизмерителю, ставили вплотную к рейке. Как только подвижная планка касалась головы хефтлинга, раздавался выстрел, и... в помещение впускали следующего. Выстрела не было слышно, радио заглушало все другие звуки. Труп через люк падал на конвейер и отправлялся в крематорий... Каждая минута — труп, и никаких попыток к сопротивлению, никакого шума...

Но не одну эту весть принес Махурин. Вчера ему удалось узнать у главного старосты лагеря о гибели Людвига Локманиса и Эрнста Шнеллера. Они были бро-

шены в крематорий по доносу эсэсовского шофера, который обещал им наладить связь с подпольем в Веймаре.

Так в течение двух дней летчики и Саша узнали о судьбе троих соратников по Освенциму. Может быть, и Москвича, и Ванюшу Костылько, и Жака Пелиссу, и Яна Лапташа, и Мисевича Пора постигла такая же судьба? Как узнать?

— Скоро все узнаем, — угрюмо и зло сказал Махурин. — Из Берлина комендант лагеря получил приказ в течение недели эвакуировать лагерь... Но мы знаем, что это за эвакуация: американцы в двадцати километрах от Веймара.

Это сообщение Махурина вскоре подтвердилось бесчисленными слухами и поведением наиболее ярых эсэсовцев из охраны. В лагере создалась напряженная обстановка. Работы прекратились, из блоков теперь никто не решался выходить. Поползли слухи о намерении истребить всех узников с помощью артиллерийских батарей и огнеметов.

— Говорят, двадцать семь батарей подвезли к лагерю... — шептал один хефтлинг другому.

— Танки с огнеметами подтягивают... — в ответ слышал он сдавленный голос товарища.

— На вышках дополнительные пулеметы установили... Теперь их там по пять штук.

Старосты блоков, в большинстве из политзаключенных, так как уголовников еще месяц назад Гитлер «помиловал» и зачислил в ряды «победоносной Германской армии», пытались поддерживать дисциплину. Это было необходимо для самих же узников: разрозненную, недисциплинированную массу людей легче уничтожить.

Вечером в карантинный блок неожиданно заявился комендант Малого лагеря Рейнебот в сопровождении

двух эсэсовцев с автоматами. Заключенные замерли. Валентин в досаде обругал Бердышева: почему тот вовремя не вооружил узников? Рейнебот, остановившись в дверях, с усмешкой обвел заключенных красными с перепоя глазами и вяло процедил:

— Американцев ждете, собаки? Напрасно. День поражения Германии будет вашим последним днем...

И вдруг налился кровью, скосил рот и заорал:

— Всем юде построиться с вещами на аппельплаце! Живо, живо!

Заключенные зашевелились, негромкий гул голосов прокатился под крышей, и опять все смолкло. Никто не вышел вперед.

Рейнебот схватился за пистолет, с пьяной отвагой шагнул через порог.

— Juden, los, los zum Tor! Schnell! (Евреи, давай к воротам! Быстро!)

Эсэсовцы, наставив автоматы на толпу заключенных, косились на коменданта. Они не знали, что им делать: стрелять или идти в толпу отыскивать евреев. И то и другое грозило вспышкой бунта: заключенные были готовы на все.

Рейнебот заговорил неожиданно трезвым и просящим голосом:

— Хефтлинги, комендант лагеря Пистер приказал эвакуировать всех евреев в течение дня. На станции Веймар ждут транспортные поезда, которые отвезут их к американцам и сдадут как военнопленных. Вы должны помочь организованно передать лагерь представителям американской армии. В этом спасение всех заключенных. Иначе лагерь будет уничтожен с воздуха и огнеметами!

Под конец речи Рейнебот опять рассвирепел.

— А хрена не хошь? — выкрикнул кто-то из толпы,

и сейчас же хефтлинги задвигались, закричали. Толпа сплошной стеной пошла на охранников, на автоматы. Эсэсовцы попятились к двери, загородили коменданта и дали несколько коротких очередей поверх голов заключенных. Посыпались выбитые стекла. Толпа взревела и разом бросилась на эсэсовцев.

Но они успели выскочить за дверь, а когда хефтлинги вырвались наружу, охранники уже выбежали за проволочную ограду.

Первый шаг к неповиновению был сделан. Теперь либо смерть, либо победа...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Над весенней Тюрингией — темная ночь. Низко над лесами и горными вершинами проносится северо-западный ветер. Он шумит в вершинах кедров и сосен, как морской отдаленный прибой. Этот шум не нарушает настороженной тишины, и кажется, будто гора Эттерсберг обезлюдела, а темные силуэты бараков наполнены лишь тенями прошлого.

В необозримой черноте неба стынут немерцающие звезды, глаза других миров. Что они видят на Земле? Какой предстает перед ними жизнь на голубой околосолнечной планете? Слышат ли они летящий в космос, не понятный им голос радиоволны, возникающий где-то здесь, под темной крышей одного из трагических блоков?

«SOS! SOS! Говорит лагерь Бухенвальд! Говорит лагерь Бухенвальд! Спешно нужна помощь! Лагерь хотят уничтожить! Шестьдесят тысяч человек хотят уничтожить! SOS! Просим помощи!» — радиоволны летят к светлым звездам, в вершине, над горами и лесами, над городами

и поселками Тюрингии, на запад и на восток, на север и на юг... «Ти-ти-ти ти-ти-ти-ти-ти ти-и-и ти-и-и — ти-ти!» — тревожно частит морзянка, и где-то ведь должны услышать этот призыв пока еще живых, но обреченных на смерть людей.

А звезды во тьме бесстрастны и немы. Для них вся Земля — лишь песчинка в беспредельности галактик...

В карантинном лагере, как и во всем Бухенвальде, заключенные не спали.

Бердышев подозвал к себе Валентина.

— Возьми с собой еще кого-нибудь, вооружайтесь. Пойдемте со мной в тридцатый блок.

— Есть!

Валентин отыскал Виктора Иванцова и Сашу Гусева. Они сидели за столом, окруженные заключенными, и разбирали немецкое оружие. На столе лежала разобранная граната, возле нее — тоже разобранный пистолет «Вальтер». Виктор показывал, как собирать пистолет, как изготовить его к стрельбе, снова разбирал и заставлял своих бойцов по очереди проделывать это, пока у них не вырабатывался автоматизм в обращении с оружием.

— Виктор, отойди на минутку! — позвал Валентин.

...В тридцатом блоке собрался весь Русский военный комитет. Здесь были знакомые летчикам по ночной встрече в умывальнике Иван Иванович, командир ударного батальона Логинов. Кроме них, были еще двое, которых летчики не знали.

— Итак, есть решение центрального руководства Интернационального комитета, — сказал Иван Иванович, — начать вооруженное восстание. Комендант лагеря полковник Пистер назначил уничтожение лагеря на семнадцать часов 11 апреля, то есть завтра. Мы опередим его и начнем в три часа дня. Немедленно проверить

готовность своих подразделений. Оружие пока не выдавайте. Восстанием приказано командовать мне.

Сердце Валентина забилось гулко и часто, кровь прихлынула к щекам, и внезапно отяжелели руки.

— Почему же не раздавать оружие, товарищ подполковник? — переспросил Бердышев. — Мне кажется, надо как можно скорее вооружить людей и пораньше начать. Фактор неожиданности будет на нашей стороне.

— Я тоже так думаю, и вот Логинов тоже так думает, и Николай Кюнг, — кивнул Иван Иванович на сидевшего рядом с ним у стола бледного заключенного.— Но многие иностранные товарищи считают разумным ждать и выступить только в крайнем случае. Будем ждать. Решение Центра для нас — закон.

— А не будет ли поздно, когда огонь обрушится на лагерь?

— До этого не допустим. Нас предупредят оттуда, из-за брамы, если эсэсовцы приступят к выполнению плана раньше срока. А оружие сегодня не раздавай, потерпите, дорогие, уже немного осталось!..

Всю ночь в карантинном блоке никто не раздевался и не ложился спать. Сгрудившись у распахнутых окон и дверей, узники жадно прислушивались к глухим раскатам орудийной канонады. В той стороне, где Эрфурт, над лесистыми вершинами вспыхивают зарницы боя, и, наблюдая за ними, никто не замечает, как постепенно светлеет небо и все рельефнее вырисовываются в редеющем мраке строго-напряженные лица узников.

Утро 11 апреля настало теплое, немного дождливое, напоенное запахами сосновой хвои и набухших почек. По ту сторону проволочной ограды и у брамы было заметно необычное оживление. Эсэсовцы бегали туда-сюда в полном вооружении. На аппельплаце не было видно никого: ни эсэсовцев, ни заключенных. Хефтлинги

затаились в своих блоках, а эсэсовцы боялись сунуться внутрь лагеря и суетились у пулеметов на вышках или за проволокой у панцерн-фаустов.

Валентин вернулся в блок и доложил Бердышеву о своих наблюдениях.

— Так, значит, сообщение было точным. Они готовятся к уничтожению лагеря, — сказал Степан. — Что ж, с минуты на минуту должен поступить от подполковника Смирнова приказ.

К полудню ожидание трагических событий дошло до предела.

— Давай оружие, командир, чего тянешь!

— Нечего ждать, пошли, ребята!

— Vorwärts! Es lebe Freiheit! (Вперед! Да здравствует свобода!)

— Хотят, чтобы из нас окороков понаделали? Давай оружие!

Казалось, что все возрастающее напряжение сдержать не удастся больше никакими силами. Произойдет преждевременное выступление, а это — неорганизованность и всеобщая гибель.

— Ждать, товарищи, ждать сигнала! — вскочив на стол, закричал Бердышев. — Иначе провалим восстание!

И в эту минуту Василий увидел Петра Махурина. Огромными скачками, как заяц, тот перебегал лагерную улицу, увертываясь от фонтанчиков пыли под ногами — эсэсовцы короткими очередями стреляли по каждому заключенному, появлявшемуся на улице. Махурин влетел в блок, размахивая листком бумаги.

— Где Бердышев? Степан, на, читай!

Бердышев взял листок, пробежал глазами.

— Товарищи! Слушайте воззвание подпольного Центра!

Заключенные враз притихли, сгрудились вокруг стола, замерли.

— «Товарищи! Фашистская Германия, потрясшая мир чудовищными зверствами, под натиском Красной Армии, войск союзников и тяжестью своих преступлений рвется по частям. Вена окружена, войска Красной Армии наступают на Берлин, союзники в сорока километрах от Ганновера, взяты Вюттербург, Зуль, Гота, идет борьба за Эрфурт.

Кровавый фашизм, разъяренный своими поражениями, в предсмертных судорогах пытается уничтожить нас. Но часы его жизни сочтены. Настал момент расплаты. Военно-политическое руководство подпольной организации лагеря дало приказ в 3 часа 15 минут начать последнюю беспощадную борьбу с фашизмом.

Все как один на борьбу за свое освобождение! Смерть фашистским зверям! И будь проклят тот, кто, забыв свой долг, спасует в этой последней беспощадной борьбе!

Все как один, подчиняясь военной дисциплине, приказам и распоряжениям командиров и комиссаров, презирая смерть, горя ненавистью к врагам,—вперед, трудным, но боевым путем — к свободе!

Смерть фашистским извергам!

Да здравствует свобода!»

Потрясающий рев сотен людей, казалось, обрушит стены и крышу блока.

Рукоплескания и крики слышались со всех концов Малого лагеря. В каждом бараке сейчас читали воззвание подпольного Центра...

— Командиры рот, раздать оружие! — приказал Бердышев.

Оружия было мало, оно досталось самым сильным. Заключенные сломали скамейки, табуретки, вооружи-

лись, кто чем мог. Пригодились лопаты, ломики, кусачки, крупные осколки гравия.

— Забаррикадировать окна и двери, следить за сигналом! Первая рота, занять исходные позиции. Связные, ко мне! Гусев, жди взрыва фугаса возле кантины! Я — в другие роты!

Валентин, как связной командира, должен был идти с Бердышевым. Он схватил Виктора за руку, притянул к себе, поцеловал.

— Прощай! Береги себя!

Саша Гусев обхватил его за плечи, заглянул в глаза.

— Держись, Валентин, верю, что встретимся!

Бердышев уже стоял в дверях:

— Ситнов, скоро ты?

Валентин расстегнул полосатую куртку, сорвал с рубашки Золотую Звезду и приколол ее к борту куртки. Еще успел увидеть, как стоявший рядом заключенный широко раскрыл рот и глаза, а другой дрожащими руками потянулся к Звезде. Но Валентин уже ринулся к двери.

Бердышев и Валентин едва успели перебежать проулок, разделявший бараки, как в той стороне, где была угловая башня, глухо ахнул взрыв. Сейчас же в гул голосов врезались автоматные очереди и клокочущий лай крупнокалиберных пулеметов.

Из блока, который только что покинули Бердышев и Валентин, выскочили заключенные и с криком «Урра!» кинулись в сторону главного лагеря. Тотчас же с вышки ударили сразу три пулемета. Бежавшие упали на землю.

— Стой! Куда-а-а! — закричал Степан Бердышев и бросился обратно к дверям. — Гусев, держи своих! Мы в резерве!

Испуганные неожиданной стрельбой с вышки, заключенные отхлынули в двери и окна блока, забаррикади-

ровались. Но напряжение не спасло, чувствовалось, что даже пулеметные очереди не могут надолго задержать их в блоке. Валентин вместе с толпой оказался тоже в помещении, у самой двери. Степан Бердышев все-таки успел перебежать в соседний блок.

За стенами барака, в той стороне, где расположен Большой лагерь, раздались взрывы гранат, часто затрещали автоматные очереди.

Рота Саши Гусева примолкла, напружинилась, как перед прыжком. И вдруг Саша металлически-звонко, во весь голос запел:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!

Заключенные, словно этого и ждали, подхватили песню. Звуки пролетарского гимна все ширились, росли и крепли. Уже запели и в соседнем бараке. А песня рвалась на волю, звучала торжественным хоралом, как неотвратимо грозный голос исстрадавшегося за годы войны человечества.

Пели русские, пели поляки и венгры. Роняя скупые слезы, рядом с Валентином старческим дискантом дребезжал немецкий политзаключенный, бывший социал-демократ, прозревший в фашистских лагерях смерти.

Völker hört die Signale
Auf zum letzten Gefecht!
Die Internazionale
Erkampf das Menschenrecht!...

Серая масса узников через окна и двери вылилась на площадь, под градом пуль прорвалась на территорию Большого лагеря, бросилась к главным воротам, где разгорелся жаркий бой.

Валентин отыскал взглядом выбежавшего из соседнего блока Бердышева, пробился к нему.

— Не выдержали! Бросились на штурм!

Тот махнул рукой, дескать, теперь уж все равно не сдержать, и побежал к браме.

С двух башен по обеим сторонам ворот беспрерывно строчили пулеметы, устилая площадь трупами. Валентин увидел, как командир ударного батальона Логинов что-то крикнул своим бойцам. Двое из них вскочили и, пригнувшись, проскочили площадь. Они прилипли к подножию башен, у них в руках очутилась разлапистая кошка с мотком веревки. Мгновение — и когти кошки зацепились за шинель пулеметчика на башне.

Эсэсовца сдернули на асфальт площади, и тут его затоптали вскочившие в неистовом порыве бойцы.

— Вперед! Товарищи, вперед! — закричал Логинов, метнул бутылку с зажигательной смесью в окно башни и большими скачками понесся к воротам.

— Вперед, карантинцы! — крикнул Бердышев.

Валентин вскочил на ноги, вскинул перед собой автомат и длинной очередью полоснул по окнам башни, откуда стреляли гитлеровцы.

На галерее через несколько минут не осталось ни одного эсэсовского пулеметчика, бойцы ударного батальона ворвались внутрь помещения комендатуры. Валентин поспешил за ними, на бегу отыскивая взглядом серо-зеленые мундиры эсэсовцев. Над брамой вдруг красным пламенем вспыхнул флаг.

— Урра-а-а! — загремело слева и справа.

— Виват! Вива-ат! — закричали французы и поляки.

— Наздар! Наздар! — рвались в небо голоса чехов.

Увлеченный боем, Валентин промчался по лестничным клеткам, снова спустился вниз.

— К эсэсовским казармам! Вперед! На вершину горы! Смелей, товарищи! Там последний бой!

Это громко прокричал из помещения дежурного коменданта по радио командир восставших подполковник Смирнов. Он вышел на галерею, махнул пистолетом в сторону ворот и опять в неслышном крике широко раскрыл рот.

Валентин плечом к плечу со Степаном Бердышевым в тесной толпе миновал браму и побежал в гору к казармам, где начался бой. Каменные казармы гитлеровцев ощетинились пулеметами. Откуда-то по заключенным били минометы. Панцерн-фаусты вырывали из рядов атакующих сразу десятки бойцов.

Но лавина освободившихся от рабства людей неудержимо рвалась вперед...

И вот уже захлебнулись жадные пулеметные рыла, багровые языки пламени вырвались из разбитых окон казарм. И полетел над окрестными горами и лесами мощный голос многотысячной ликующей массы свободных людей...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

С площади военного городка хорошо виден весь Бухенвальдский лагерь. Среди гигантских сосен и кедров с пышными кронами виднеются приземистые щитовые бараки, выкрашенные в темно-зеленый цвет, несколько кирпично-красных зданий и мрачные квадратные отделения крематория. Из трубы уже не вьется дым. Потухли ненасытные печи. Правда, можно было бы поступить с захваченными в плен эсэсовцами так же, как они поступали с узниками, но Интернациональный комитет в самом начале пресек попытки самосуда: освободившиеся узники — не палачи, фашистов будут судить пострадавшие народы.

Валентин вместе со Степаном Бердышевым и Логиновым пришел на совещание командного состава подпольной армии. На вилле бывшего коменданта Коха собралось более двадцати человек.

Здесь и Махурин, все еще возбужденный боем, на лице, на лбу черные полосы копоти и пятна крови, полосатая куртка в нескольких местах порвана, перепачкана.

— Жив, Валентин? А меня чуть-чуть задело, да ничего...

Валентин спросил, кто стоит рядом с подполковником Смирновым. Махурин по старой конспиративной привычке понизил голос.

— Вон тот, слева, невысокий, в очках — наш политический руководитель, Котов. А другой, с Логиновым разговаривает, Николай Кюнг... Они-то и создали русскую подпольную группу, да еще Симаков. Но того нет, дней десять назад он ушел из лагеря с батальоном, когда комендант приказал эвакуировать русских военнопленных. Где-нибудь сейчас по тылам фашистов гуляет...

Махурина назвали. Валентин обернулся и не поверил своим глазам: поодаль, у мраморной статуи безрукой Венеры, стоял очень знакомый высокий человек в зеленой военной тужурке.

— Петр, да это же товарищ Василий!

— Он, конечно. Только здесь его Рошей зовут...

Махурин протолкался к полковнику Карцеву, и они о чем-то заговорили, рассматривая карту.

Валентину тоже хотелось подойти к товарищу Василию, напомнить о себе, о встречах в Освенциме и поздравить с победой, но он не посмел навязываться.

— Товарищи! — начал подполковник Смирнов. — Мы совершили великое дело: с помощью оружия освободились из ада, спасли от истребления шестьдесят тысяч

узников. Но опасность еще не миновала. Вокруг лагеря и Веймара бродят разбитые части эсэсовского гарнизона, с запада под ударами американцев откатываются воинские части фашистов, и все бросаются на нас. Наши отважные бойцы отбивают атаки гитлеровцев, но никто не может поручиться, что к лагерю не подойдут более крупные войсковые соединения, и тогда произойдет трагедия.

Смирнов замолчал, очевидно, чтобы командиры лучше осознали сложившуюся обстановку, из-под нависших век оглядел собравшихся, потом вздохнул с непонятным сожалением и продолжал:

— Мы подавали сигнал бедствия. Но, как видите, американские войска все еще не идут к нам на помощь. Не может быть, чтобы они не слышали наш призыв. В чем дело? Поведение генерала Паттона, командующего американской армией, кажется странным. Я думаю, что генерал намеренно обтекает своими войсками наш лагерь. Может быть, американцы надеются, что эсэсовцам все же удастся уничтожить нас?

— Черта с два удастся! — крикнул Степан Бердышев. — Нас шестьдесят тысяч! Эсэсовские склады с оружием захвачены целехоньки!

— И я тоже так думаю, Степан Александрович. Но дело в том, что свобода в больших дозах оказалась кое-кому вредной. Многие иностранные товарищи — немцы, французы, англичане — уже покидают лагерь: кто уходит на родину, кто по домам. Даже среди русских военнопленных появились такие настроения, что, мол, нечего тут торчать, домой пора, пробиваться навстречу Советской Армии.

— А почему бы и нет? Мы же теперь свободны! Надо идти в армию, добивать фашистов в Берлине! — раздраженно выкрикнул один из командиров.

Иван Иванович поднял вверх указательный палец, нахмурился:

— Вот видите, даже среди командиров есть такие мнения. Но подумайте, товарищи, можем ли мы оставить на растерзание фашистам десятки тысяч истощенных стариков, женщин, детей, больных и ослабевших от голода? Это будет предательство по отношению к нашим товарищам по несчастью. Нет, русские бойцы не могут допустить такого предательства. Я считаю, что мы должны остаться в лагере до подхода американских войск, занять круговую оборону и отбивать атаки эсэсовцев любой ценой!

— Правильно!

— Так, так! Не оставим безоружных! — поддержали командиры.

— А теперь, товарищи, от имени подпольного Центра, от имени Родины благодарю вас и ваших бойцов за честность и преданность Родине!

— Служим Советскому Союзу! — вместе с другими закричал Валентин.

— Ситнов, дай сюда Звезду! — сказал Махурин. — Товарищи командиры, дадим клятву над этой Звездой, что выдержим все атаки гитлеровцев, а не оставим своих беззащитных братьев!

В благоговейном молчании один за другим подходили к Бердышеву командиры рот и батальонов, касались губами Звезды, уходили к своим подразделениям.

Когда в комнате остались только Смирнов, Бердышев и Валентин, подполковник сказал:

— Ты настоящий Герой, Ситнов, я слышал, как ты все годы плена хранил Золотую Звезду. Молодец!

Валентин смутился, не зная, что ответить этому пожилому, с серыми внимательными глазами человеку.

— Вот ленточку заменить нечем... — пробормотал он.

19 Заказ 6670

— Как это нечем? А это что?

Подпольщик указал пальцем на красный винкель, пришитый к куртке.

— Самая достойная замена. Твоя и многих других кровь в цвете этого винкеля!

Валентин сорвал с куртки винкель, оторвал от него полоску ткани и вставил вместо потрепанной, почерневшей муаровой ленты. Потом снова приколол Звезду на грудь. Он считал, что теперь опять имеет право носить ее с гордостью и открыто.

Двое суток не спали бойцы, отбивая атаки эсэсовцев, и сумели рассеять их по окрестным лесам. Пищу и воду защитникам доставляли старики, женщины и дети из Большого лагеря. Усталость давила на плечи, склоняла голову к земле, глаза сами собой закрывались, а спать было нельзя.

Где же, в конце концов, американские войска? Почему они медлят? Не может быть, чтобы до них не дошел сигнал бедствия!

И лишь 14 апреля, под вечер, дозорные на дороге к Эрфурту заметили незнакомые приземистые танки. Танки двигались осторожно вверх по дороге к центральным воротам Бухенвальда.

— Американцы! — завопил кто-то отчаянным голосом, и сразу все повскакали с земли, выбежали на дорогу.

В самом деле, это были не немецкие танки. Окрашенные светло-зеленой краской, четыре боевых машины остановились, их люки откинулись, и над башнями показались головы в танкистских шлемах.

Но сейчас же люки захлопнулись, как по команде, танки взревели моторами и, набирая скорость, проско-

чили мимо вооруженных узников, мимо лагерных ворот, вниз, в долину.

— На Веймар торопятся! — сказал Бердышев. — Это их передовой отряд.

— Сволочи! — выругался Виктор. — Даже не вышли к нам.

— Может, им некогда, — заметил Саша. — Им тоже ведь к Берлину надо спешить, а то наши одни возьмут...

Лишь через день в Бухенвальд вошли регулярные части американской армии генерала Паттона. Вместе с войсками прибыла целая орава корреспондентов изо всех стран Европы и Америки. Они с любопытством, с восхищением, с восторгом рассматривали истощенных, в полосатой тюремной одежде заключенных, расспрашивали, цокали языками, ахали. Американское командование и корреспонденты давно уже думали, что эсэсовцам удалось уничтожить весь лагерь, и готовились запечатлеть страшные картины гибели многих десятков тысяч людей. И тем озадаченней они теперь выглядели, встретив вооруженных, полных достоинства бойцов.

На складе эсэсовского имущества ударный батальон захватил несколько сот пар кожаных курток и брюк, и теперь бойцы этого батальона стройными рядами прошли мимо капитана Балля, командующего расположившейся на горе Эттерсберг частью, мимо корреспондентов, прошли строевым шагом, с самодельными красными звездочками на пилотках, с автоматами и пулеметами в руках.

Ударный батальон прошел в сторону Русского лагеря Бухенвальда и там вместе с другими боевыми отрядами занял круговую оборону.

Командир американской части вспыхнул, резко повернулся к стоявшему возле него подполковнику Смирнову.

— Что это? Против кого? — раздражённо спросил он через переводчика.

— Господин капитан, война еще не кончена, и мы не советуем вам вмешиваться в жизнь только что освободившихся узников. Оружие они не сдадут!

— Проволоку восстановить, на вышках поставить американских часовых, заключенных разоружить! — приказал Балль, обернувшись к адъютанту.

— Мы оружие своей кровью добывали! — крикнул Махурин из толпы.

Огромная масса заключенных загудела, заволновалась, грозно надвинулась на американцев. Капитан Балль круто повернулся и скрылся в помещении коменданта лагеря.

Американцы так и не решились разоружить бывших узников. Воспользовавшись этим, командиры русских батальонов выставили своих часовых у складов с продовольствием, с одеждой и у гаражей, где стояли автомашины — легковые и грузовики — с полным запасом горючего.

Напряженной была жизнь Бухенвальда и в следующие дни. Поляки, югославы, венгры отгорожены друг от друга проволокой. Они снова арестанты. Скорбно хватаются за головы: зачем сдали оружие!

В западной части лагеря две сторожевые вышки бдительно охраняют проход в разметанной восстанием проволоке. Здесь Русский лагерь — сплоченный, готовый отстаивать свою победу до последней капли крови. Комендантом его единогласно избран подполковник Смирнов. Начальником штаба назначен старший лейтенант Логинов.

Как никогда, в эту весну ласково жмурится в небе

солнце. Его теплые лучи льются на исстрадавшуюся землю обильно и бесконечно. Прямо на глазах распускаются нежные листочки каштанов и кленов. Меж камней и в трещинах асфальта виднеется зеленая шелковистая трава, и уже ползут по асфальту откуда-то взявшиеся букашки. Гудят вековые кедры и сосны, размазывают вершинами по небу густую синеву.

Среди русских шныряют какие-то неопределенные личности: то ли журналисты, то ли отщепенцы из лагеря украинских националистов, то ли агенты английских и американских предпринимателей. Они уговаривают русских поехать в Южную Америку или в Австралию, обещают райскую жизнь и хорошие заработки, пугают наказанием, которое постигнет на Родине тех, кто вернется туда.

Чаще всего таких вербовщиков прогоняют из блоков свистом и насмешками, бывает, что иных и бьют.

Наконец-то упорство американского командования было сломлено. В лагерь прибыли представители Советской Армии и потребовали от капитана Балля немедленно начать репатриацию бухенвальдских узников.

— На Родину! Домой!

— Пешком пойдем, если машин нету!

— Наши уже близко, пусть попробуют задержать!

Эти неистовые выкрики слышны повсюду, их слышат и американцы.

— Черт с вами, фанатики несчастные! Уезжайте к дьяволу, только поскорей! — разражается бранью американский офицер.

И тогда в работу включается бывший эсэсовский гараж...

В Русском лагере на полную мощность включены репродукторы.

Широка страна моя родна-ая...

гремит над бараками потрясающий бас певца, и бывшие узники не могут не подтягивать. Они поют самозабвенно, как никогда не пели до войны на первомайских праздниках. Украшенные цветами, красными полотнищами и зелеными ветками, машины стоят на площади. В машинах тесно, на лицах узников светится радость, блестят слезы. Наступили последние минуты пребывания в концентрационном лагере смерти. Прекрасное, в ярко-розовой короне над могучими соснами блистает солнце. Оно поднялось оттуда, с безбрежных просторов Родины. Ликующие крики, гудки автомашин, песни и смех, рыдания и гром оркестра раскатываются над окрестными горами и лесами. Свобода! Свобода!

Репродукторы на несколько секунд смолкли, и вдруг близко и четко над ликующим лагерем раздалось:

— Говорит Москва! Передаем приказ Верховного главнокомандующего Вооруженных Сил Советского Союза!...

В торжественной тишине потонули крики, оркестр замолк, люди замерли, слушая торжественный голос диктора. Германия капитулировала!

Покрывая бурю ликующих криков и рукоплесканий, из лагерных репродукторов раздались и поплыли над землей величественные звуки:

С Интер-на-циона-лом
Воспря-нет род людской!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Самолеты шли на большой высоте. Валентин видел слева и справа точеные формы бомбардировщиков гвардии майора Марченко и капитана Костина. А позади, расходясь журавлиным клином, чуть покачивая крылья-

ми, летели другие машины эскадрильи. Внизу медленно проплывали хутора и местечки освобожденной Польши.

Здесь уже осень. Она щедро наделила красками и поля, и березовые перелески, и болота. У линии горизонта, на одном месте, нехотя поворачивается сизая груда Беловежской пущи, ближе — невысокие холмы, яркозеленые поймы речек, а над пожелтевшими лесами и полями, над летящими самолетами — синее-пресинее небо с белыми мазками облаков.

Сверху привычный глаз летчика отчетливо различает характерные приметы местности. Сначала не понять, в чем ее особенность. Кажется, словно и на Советской земле, те же леса, поля, луга и речки...

Поля — вот в чем суть!

Вместо огромных, бесконечных, без межей и разделов колхозных полей под крылом самолета скользят разноцветные клочки, полосы, квадратики, клинья... На каждом клочке — одна или две склоненные к земле фигурки. Машин никаких... Единоличные поля! А совсем недавно Валентин шагал широченными полями родной стороны. Цвела рожь. Ветер студил разгоряченное ходьбой лицо, ласково шелестел в ушах и спешил дальше, дальше, к чуть видной кромке лесов.

Родные края... Их тоже коснулись годы войны. Неприглядным стало родное Сыресево: заборов и прясел нет, за войну доски и жерди ушли на топливо. На многих молотильных сараях и хлевах с крыш снята даже солома на корм скоту. Немалые нужды одолевали односельчане, редкий дом не посетила похоронная с фронта. Погибли Санька Мельков и Вася Климов, дорогие друзья детства, а Лешу Купецкого судьба забросила далеко на север... Постарел и стал меньше ростом отец, согнулась и высохла мать. Поблекла от горя жена и дичится Валерка...

Валентин и сейчас почувствовал, как дрожит и бьется у его груди мать, как тяжко и горячо виснет на плече жена... Да нет же, это не мать и не жена, они далеко. Это просто сердце гулко колотится в груди, это штурвал тянет вперед и вниз ослабевшие руки... А воспоминания так ярки, что Валентин невольно стряхивает с правой руки перчатку и , держа штурвал левой рукой, лезет под комбинезон, хватается за грудь. Лишь когда касается теплого металла Золотой Звезды и холодной эмали орденов, видения исчезают.

...Ордена и планшет с блокнотом жена вынула из комода в первый же день отпуска. И никогда не забыть, каким тоном сказала: «Верила, что вернешься, ждала...»

Планшет привычно лежит на левом колене, раскрытый, чтобы можно было видеть карту. От него пахнет дымом, целлофан покоробился от жара... Спасибо Екатерине Сергеевне Чеховой, незнакомой женщине из шахтерского поселка, она переслала самые дорогие для него вещи в Сыресево.

Выдернув руку из-под комбинезона, Валентин с силой, но плавно потянул на себя штурвал: его бомбардировщик потерял высоту, и машина командира эскадрильи оказалась под облаками, чуть сзади. А вот уже и предупреждение:

— Второй, второй, держать строй, не зарываться!

Это жестко приказывает командир эскадрильи Марченко... Неужели тот самый лейтенант Марченко, которого однажды в сорок третьем году он безжалостно отчитывал за бесцельно сброшенные бомбы? Ну, конечно, тот самый, теперь он майор и Герой Советского Союза. Слева машина командира третьего звена капитана Костина подстраивается крыло к крылу, как будто хочет помочь в беде. Ничего, все в порядке, капитан Костин, все в самом полном порядке, братан!

Встреча с капитаном Костиным была первой неожиданной радостью при появлении в полку. Валентин живо припомнил, как в одном польском городке остановился перед зданием с колоннами, отыскивая штаб своей части. И вдруг услышал: «Командир, ты-ы?» Обернулся и лишь две-три секунды всматривался в измученное лицо с острым носом и усталыми глазами: «Костин? Живой?» Бросив чемоданы, они обнялись на виду у всех. Но никто из прохожих не удивился, не остановился, чтобы поглазеть: за годы войны видели много расставаний и встреч и научились не удивляться. Оказалось, что и Костин, сбитый над одной из станций в Донбассе, в бессознательном состоянии попал в плен и пробыл в концлагерях почти два года.

В наушниках шлемофона звучат деловитые команды, сквозь электрические разряды тревожно попискивает морзянка какой-то радиостанции. В кабине чуть пахнет бензином, разогретой пластмассой приборов и еще чем-то привычным, но все же волнующим. В прозрачный колпак над кабиной льется рассеянный облачками солнечный свет, дрожат стрелки на приборной доске. Упруго просит свободы штурвал — невидимые теплые потоки воздуха с земли кренят и плавно подбрасывают машину, и она то мягко рвется вверх, то упрямо пытается нырнуть к земле.

Радость полета, непередаваемо прекрасное чувство владения машиной...

В наушниках громко, заглушая треск электрических разрядов и писк морзянки, раздалось:

— Внимание, внимание! Штурманам проложить курс на аэродром. Идем домой. Следуй за ведущим!

Майор Марченко сделал левый разворот в ту сторону, где за темную груду Беловежской пущи садилось оранжевое холодное солнце.

На земле вторую эскадрилью встретил командир полка гвардии подполковник дважды Герой Советского Союза Павел Таран. Приземистый и коренастый, по-прежнему суровый на вид, с чуть раздвоенным подбородком, он энергично шагнул навстречу спрыгнувшему с крыла Валентину:

— Как леталось, Ситнов? Не устал? Я предполагал, что такого богатыря нелегко сломить. Поздравляю с возвращением в строй!

— Здоровье есть, товарищ подполковник, летать могу. Готов служить!

Голос у Валентина предательски дрогнул. Таран, видно, это заметил и дружески положил руку на плечо.

— Ничего, капитан, помнишь, как в сорок первом говорили, когда трудно было: «Держи хвост пистолетом, друг!»

— Есть, держать хвост пистолетом, товарищ командир полка!

Рассмеялись все — и подошедший майор Марченко, и капитан Костин, и начальник штаба подполковник Алехин.

— Я думаю, товарищи офицеры, — сказал Таран, оглядывая летчиков, — мы должны ходатайствовать перед командованием о присвоении капитанам Ситнову и Костину гвардейских званий. Уверен, что они не посрамят наш гвардейский полк в любых испытаниях. Так, хлопцы?

Летчики одобрительно прогудели, а Таран продолжал:

— И это еще не все. Командование решило представить их за прошлые боевые вылеты к орденам Красного Знамени!

Слова командира части взбудоражили Валентина. Впереди еще вся жизнь, и какая жизнь! В двадцать семь лет быть Героем Союза и капитаном, пережить ужасы

Освенцима и Бухенвальда и остаться несломленным, иметь еще крепких стариков, любимую семью и возможность летать — разве это малое счастье?!

...Зима наступила в Польше поздно и была какая-то неопределенная: то дождь, то снег, то заморозки, а иногда солнце начинало пригревать совсем по-весеннему. На старых вязах и каштанах листья упорно держались, и лишь резкие порывы ветра с Балтики остервенело срывали их и гнали по мокрым мощеным улицам.

Командный пункт третьей эскадрильи располагался в небольшом местечке километрах в полутора от аэродрома. Назначенный командиром эскадрильи, Валентин Ситнов переселился на КП и жил в маленькой комнатке за перегородкой. Квартиру он подыскивать не стал: семьи пока привозить не разрешалось, полк еще жил на полуказарменном положении, а одному и здесь не тесно.

...В ночь на 20 декабря охрана аэродрома была поручена третьей эскадрилье. Валентин отправил караул на аэродром, а сам вернулся на КП.

При виде командира капитан Костин поспешил к столу и потянул к себе папку с бумагами.

Валентин мягко взял его за руку.

— Не надо, капитан, иди отдыхай. Чай, здесь я и сам управлюсь, вся цифирь под рукой.

После двухлетней каторги в фашистских лагерях Валентин никак не мог насытиться любимой работой. Он неутомимо летал, иногда находился в воздухе по шесть-восемь часов непрерывно, обучал молодых летчиков и штурманов, вникал в ремонт самолетов, в быт офицеров и сержантов своей эскадрильи.

Капитан Костин с неподдельной обидой сказал:

— Товарищ командир, может, вам заместитель совсем не нужен? Я попрошу подполковника...

— Ну, не обижайся, Петр, не надо, братан. Понимаю, что и тебе хочется поработать... Давай завтра поделим обязанности, а сейчас иди, отдыхай.

Костин помолчал, потом хмуровато улыбнулся и проговорил:

— Капитан Проценко звонил, в гости зовет... Надо бы навестить, невесело ему по земле ползать.

Валентин положил папку с бумагами на стол, закурил. С капитаном Проценко не виделся с осени, а действительно, нелегко тому. Сбили его в сорок третьем году над территорией противника, спустился он на парашюте и стал ночами пробираться к линии фронта. Уж до самой передовой дошел. И тут подорвался на мине. С полгода провалялся в госпитале, остался без ноги, ну и пришлось ему занять в авиаполку должность начхима. Тяжело летчику без полетов...

— Вот что, Костин, как только будет денек посвободней, съездим, слово даю. Кстати, навестим Каблукова. Помнишь его? Больше двух лет не виделись. Только вчера из письма узнал, как ему повезло.

А Каблукову действительно повезло. Когда бомбардировщик Валентина был зажжен немецким истребителем в районе станции Мокрой, штурман выпрыгнул с парашютом прежде, чем взорвались баки. Ветром его отнесло к роще, и он приземлился благополучно, если не считать, что немного ушиб ногу. Какой-то балкой пробрался в рощу и там пробыл до темноты, а ночью неожиданно попал в плен... к партизанам! Два месяца, до освобождения Донбасса, Каблуков партизанил, а потом вернулся в свою часть. Войну он закончил уже штурманом полка.

Капитан Костин немного посидел, задумчиво вертя в руках фуражку, потом решительно встал:

— Пойду, командир, на аэродром наведаюсь. Посмотрю, что там наши поделывают. Ночь мерзостная, слякоть и тьма... Я возьму «Виллис», товарищ капитан?

Валентин кивнул и углубился в бумаги.

Прошло около часа, как уехал Костин, и вдруг в стороне аэродрома раздались автоматные очереди, гулкие взрывы гранат. Сейчас же резко зазвонил телефон.

Валентин схватил трубку.

— Товарищ подполковник? Точно, только сейчас началось. Заместитель уже там, бегу и я. Слушаюсь, товарищ подполковник, бегу немедленно!

Ночь хлестнула в лицо мокрым снегом, ветер на миг остановил, пытаясь опрокинуть, но не смог совладать и смирился.

От окраинных домов местечка до летного поля Валентин добежал бы по булыжному шоссе за полчаса. Но меньше чем на полпути в глаза ему ударил свет автомобильных фар. Это был эскадрильный «Виллис». Машина развернулась, дверца открылась.

— Садитесь, товарищ капитан!

Шофер чуть притормозил и сейчас же поддал газу.

— Что там?

— Бандиты напали на стоянку самолетов. Бросили гранаты и бутылки с горючей смесью. Наши держатся...

Валентин протер ветровое стекло.

— Самолеты не зажгли?

— Кажись, нет пока. Мало наших, товарищ капитан. Двое уж ранены.

Шофер гнал машину на полном газу. Свет фонаря выхватывал из снежной сумятицы впереди то кусты по сторонам дороги, то придорожные столбы с указателями поворотов, то темные провалы кюветов.

Открылось летное поле. Перед машиной вспыхнуло пламя, и прежде чем Валентин сообразил, что произошло, ветровое стекло разлетелось вдребезги, а в уши ударил плотный взрыв. «Виллис» вильнул влево-вправо, чуть не свалился в кювет.

— Бандиты! Гранату вон откуда бросили... Стреляйте, товарищ капитан!

Шофер выровнял машину, выехал на середину дороги и нажал на тормоза.

— Гони вперед! — приказал Валентин, но сейчас же крикнул: — Стой!

Ему стало ясно, что банда обходит оборону караула. Со стороны местечка нападения никто не ожидает.

— Терещенко, пистолет есть? Задержим бандюг.

«Виллис» прокатился метров десять и стал. Справа от дороги, в кустах, замелькали трепетные огоньки автоматных очередей. По кузову машины дробно застучали пули. Несколько пуль просвистело над головой Валентина. Он разрядил обойму по вспышкам огня.

— Зачем выключил мотор? Маневрируй! — приказал он шоферу.

Автоматная очередь сверкнула совсем рядом. Валентина словно кто-то тяжко ударил в грудь. Опускаясь на сиденье, он увидел яркую вспышку огня, но тут же все поглотила тьма...

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

...День за днем встает заря над Брестом — городом боевой русской славы. Над легендарной крепостью ветер упруго колышет полотнище пламенного флага. Город живет мирной жизнью. Шум городского транспорта и заводов, фабрик и мастерских, паровозные гудки, звонкие крики детей создают особую музыку дня. Отголоски ее долетают и сюда, к братской могиле в зеленом сквере на площади.

Памятник на братской могиле скромен. Высокая четырехгранная игла обелиска венчает серый гранитный постамент, на котором лежат и высохшие, и свежие цветы. Тенистые молодые каштаны осеняют могилу павших героев и шепчут над нею вечную песню покоя.

На отглаженной плите постамента высечены имена тех, чей прах покоится здесь. Имена, имена и звания... И среди них: «Герой Советского Союза гвардии капитан Валентин Егорович Ситнов...»

Ровесник моего поколения, Валентин Ситнов прожил короткую, но прекрасную жизнь. И хочется верить, что эта жизнь будет вечным живым примером стойкости в беде и отваги в бою.

1960—1964 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вольнов Августин Александрович

ПОВЕСТЬ О РОВЕСНИКЕ

Редактор **И. В. Сидорова.** Худож. редактор **Л. И. Немченко.** Художник **Ю. А. Трупаков.** Техн. редактор **М. И. Юнисова.** Корректор **А. И. Крюкова.**

Изд. № 5207. Подписано к печати 22/IX 1964 г. МЦ 00222. Бумага 70 × 108 1/32 — 9,5 (13,02) печатных — 12,73 уч.-изд. листа. Тираж 45000 экз. Заказ № 6670. Цена 45 коп.

Волго-Вятское книжное издательство, г. Горький, Кремль, 2-й корпус.

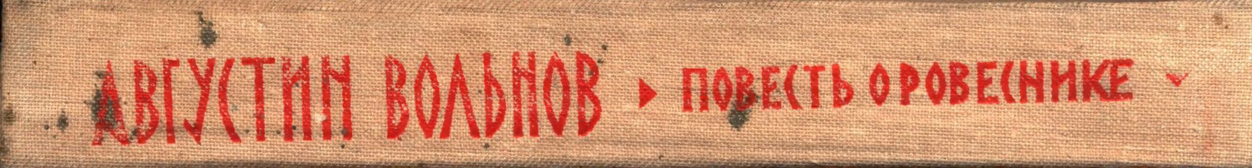
Типография изд-ва «Горьковская правда», г. Горький, ул. Фигнер, 32.

49 коп.

ВОЛГО-ВЯТСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1964

АВГУСТИН ВОЛЬНОВ
ПОВЕСТЬ О РОВЕСНИКЕ